

Нейтральный номер для ссылки: [2024] EWHC 3322 (Comm)

Дело №: CL-2023-000262

В ВЫСОКОМ СУДЕ ПРАВОСУДИЯ,

В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ СУДАХ АНГЛИИ И УЭЛЬСА, В СУДЕ
КОРОЛЕВСКОЙ СКАМЬИ,
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СУДЕ

Королевский суд, дом Роллис, переулок Феттер Лейн, Лондон, EC4A 1NL

Дата: 20 декабря 2024 года

Дело слушалось:

Королевским адвокатом САЙМОНОМ БИРТОМ
(заседающего в качестве заместителя судьи Высокого суда)

Между:

Ермеком Алимовым

-и-

- (1) Абдумаликом Мирахмедовым
- (2) Рашитом Махатом
- (3) Андреем Кимом
- (4) Genesis Digital Assets Limited
(Компанией, зарегистрированной на
Кипре)

Истцом

Ответчиками

Королевский адвокат Чарльз Самек и Александр Халбан (ведение дела поручено компанией Sterling Lawyers Ltd) от имени Истца

Королевский адвокат Эдвард Камминг ((ведение дела поручено компанией Withers LLP) от имени первого Ответчика и третьего Ответчика

Королевский адвокат Нил Китченер и Дэвид Каплан ((ведение дела поручено компанией Mishcon de Reya LLP) от имени второго Ответчика

Королевский адвокат Соня Толани и Адам Рашуорт ((ведение дела поручено компанией Latham & Watkins (Лондон) LLP) от имени четвертого Ответчика

Даты слушаний: 15 и 16 октября 2024 года

Вынесенное судебное решение

Настоящее судебное решение было вынесено дистанционно в 10.30 утра 20 декабря 2024 года путем рассылки сторонам или их представителям по электронной почте и передачи в Национальный архив.

КОРОЛЕВСКИЙ АДВОКАТ САЙМОН БИРТ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ СУДЬИ ВЫСОКОГО СУДА

Королевский адвокат Саймон Бирт:

Введение

1. Спор между сторонами в данном судебном разбирательстве связан с бизнесом по генерированию биткоинов (криптовалюты) в Казахстане. Эти заявления представляют собой спор за юрисдикцию между сторонами. Истец утверждает, что спор должен рассматриваться в Англии, а ответчики утверждают, что в Казахстане.

Фактические обстоятельства спора

2. Истец, г-н Алимов, и три ответчика являются бизнесменами, имеющими существенные связи с Казахстаном.

3. Истец утверждает, что (до своего переезда в Англию, который, по его словам, состоялся в августе 2018 года) он был ведущим специалистом в энергетическом секторе Казахстана и бывшим руководителем (а) АО «АстанаЭнергоСервис» (государственной холдинговой компании, владевшей всеми энергетическими компаниями в Астане) и (б) ТОО «Карагандинский ЭнергоЦентр» (частной энергетической компании, владевшей Карагандинской ТЭЦ-3 и обеспечивавшей энергией город Караганда).

4. Три ответчика физических лиц также являются бизнесменами казахстанского происхождения (хотя первый Ответчик (О1) родился в Узбекистане), хотя в настоящее время они там не проживают. Второй Ответчик (О2) проживал в Казахстане до 2020 года, а в настоящее время проживает в ОАЭ (хотя также сохраняет место жительства в Казахстане). Третий Ответчик (О3) проживает в ОАЭ с 2012 года, но до 2020 года проводил большую часть времени в Казахстане (где находились его семья и бизнес) и до сих пор управляет офисом О1 - О3 в Казахстане. О1 проживает в ОАЭ и/или Великобритании (это спорный вопрос, который я рассматриваю ниже). Все трое продолжают иметь существенные деловые интересы в Казахстане.

5. Четвертый Ответчик (О4) — это компания, зарегистрированная на Кипре, которую Истец описывает как «одну из крупнейших в мире компаний по генерированию биткоинов, осуществляющую свою деятельность (через свои дочерние компании) с объектов в Казахстане и других странах». В свое время ответчики физические лица получили во владение 50 % акций О4.

6. Фактическая сторона дела весьма противоречива, между сторонами существует множество вопросов, связанных с обстоятельствами спора, и обе стороны обвиняют друг друга в том, что точно и правдиво не раскрывают обстоятельства. Имеются также обвинения в попытках исказить или сфабриковать доказательную базу. В позициях сторон мало общего.

7. Ниже я кратко изложу суть дела Истца, включая фактологические обстоятельства, которые указаны в исковом заявлении Истца, а также доказательства, представленные по данным заявлениям, но отмечу, что многое в них вызывает разногласия между сторонами, а также то, что Ответчики подчеркнули, что некоторые обстоятельства этого дела отличаются от позиции Истца, которые он изложил в своей досудебной претензии.

8. В общем, Истец утверждает, что:

- i) Примерно в апреле 2017 года между компанией по генерированию криптовалют и облачному майнингу под названием Genesis Mining Limited ("GM") и О1-О3 было заключено соглашение о создании совместного предприятия для развития генерирования биткоинов в Казахстане, в соответствии с которым GM должно было принадлежать 50%, и О1-О3 также 50% конечного бизнеса (Истец называет это "СП GM"). О1-О3 должны были найти дешевый источник энергии, найти и приобрести землю и здания вблизи источника энергии, а также подготовить эту землю и здания для генерирования биткоинов "под ключ" (в частности, организовать полный ремонт и завершить строительство всей необходимой инфраструктуры, включая подключение к Интернету). GM должна была установить машины для генерирования биткоинов, холодильные установки, внутренние силовые трансформаторы и другое необходимое технологическое оборудование для генерирования биткоинов, а также включить новые фабрики по генерированию биткоинов в Казахстане в существующую инфраструктуру генерирования биткоинов в Европе.
- ii) Стремясь найти дешевый источник энергии, примерно в мае 2017 года О2и О3 связались с Истцом. Этот контакт был установлен по рекомендации г-на Кайрата Сатыбалды, которого Истец описал как одного из самых влиятельных бизнесменов в Казахстане в то время, имевшего значительное влияние на тогдашнее правительство Казахстана и способного обеспечить "крышу" (защиту). Истец заявил, что и у него, и у О2были давние связи с г-ном Сатыбалды.
- iii) В мае 2017 года в Казахстане состоялась серия встреч, в основном, как представляется, в отеле «Radisson» в Астане, между Истцом и О1-О3, на которых О1-О3 объяснили свои намерения, и Истец сказал, что сможет им помочь. Истец заявил, что ему принадлежат некоторые активы, которые могут подойти, а именно: (а) электрическая подстанция 110/10 "Сталь" в городе Караганда и (б) завод вблизи «Стали» ("Завод Вторпром"), а также несколько близлежащих зданий ("Здания АБК") вместе с земельными участками. По его словам, эти активы принадлежали казахстанской компании под названием ТОО «ККС Караганды», которое, в свою очередь, принадлежало компании с Британских Виргинских Островов под названием KPC System Solutions Limited.
- iv) 10 июня 2017 года Истец встретился с О1 в Лондоне и (как утверждает Истец) достиг устного соглашения, на котором (в значительной степени) основывается его иск. Обстоятельства этой встречи являются предметом серьезных споров. Я рассмотрю их более подробно позже в настоящем решении. Пока достаточно сказать, что встреча произошла в доме по адресу Ингрэм-авеню 27, Лондон (дом, в котором, по утверждению Истца, проживал О1 со своей семьей) по случаю, когда Истец и его семья были приглашены разделить трапезу Ифтар с О1 и его семьей (Ифтар - это трапеза, которую едят после захода солнца во время религиозного праздника Рамадан, чтобы прервать пост, который соблюдается в часы солнечного света). Истец утверждает, что он и О1 достигли соглашения (которое он называет "Лондонским соглашением") на условиях, которые я беру из пунктов 27-28 искового заявления, в которых он использовал сокращение "ММК" для коллективного обозначения О1-О3:

"27. На встрече на Ингрэм-авеню г-н Алимов [Истец] и г-н Мирахмедов [О-1] (действующий от имени ММК) в устной форме достигли следующего соглашения ("Лондонское соглашение"):

- (a) Господин Алимов выполнит следующие обязательства:
- (i) ММК получили источник энергии мощностью до 100 мегаватт для Совместного предприятия GM; и
 - (ii) электроэнергия вырабатывалась на этой электростанции по цене не более 0,04 доллара США за кВт/ч.
- (b) Г-н Алимов обеспечит получение ММК источника энергии (как указано в подпункте (a)(i) выше) путем:
- (i) поиска подходящих электростанций в Казахстане для покупки ММК, которых на тот момент было три (Риддерская, КарГРЭС 1 и Согринская электростанции), организации экспертной оценки их пригодности и представления ММК их владельцам для переговоров об их покупке; или
 - (ii) в качестве альтернативы, если переговоры о покупке этих электростанций не увенчаются успехом, ММК уведомят об этом г-на Алимова, и в этот момент г-н Алимов будет обязан и обеспечит, чтобы «ККС Караганды» предоставило «Сталь» и часть завода Вторпром, здания АБК и прилегающий земельный участок, которые могут потребоваться, для использования СП GM и, в надлежащее время, передаст эти активы корпоративной компании, которая будет использоваться для работы СП GM и владения его активами (При этом г-н Алимов также обеспечит, чтобы «ККС Караганды» аннулировало продажу «Стали» и любых других соответствующих зданий в адрес компании Хуа Тун).
- (c) Г-н Алимов обеспечит получение ММК электроэнергии по дешевой ставке 0,04 доллара США за кВт/ч или ниже (как указано в подпункте (a)(ii) выше) путем:
- (i) организации необходимых технических работ, чтобы любая электростанция, которую получит ММК, была подключена непосредственно к поставщику энергии, тем самым избегая трех других уровней энергоснабжения в Казахстане и избегая увеличения цены, связанной с поставкой через каждый уровень (как указано в пункте 24(a) выше).
 - (ii) в качестве альтернативы, если бы он был обязан обеспечить передачу «Стали» для использования в СП GM (как указано в подпункте (b)(ii) выше), чтобы «Сталь» уже была подключена непосредственно к поставщику источника энергии, и чтобы таким образом получала электроэнергию по дешевому тарифу (как указано в пункте 24(a) выше).
- (d) В качестве вознаграждения за выполнение господином Алимовым вышеуказанных обязательств, указанных в подпунктах (a)-(c), ММК обязалось предоставить господину Алимову и/или обеспечить получение им:
- (i) 35% акций, полученных ММК совместно в корпоративной структуре, которая должна была быть создана в соответствии с СП GM и в конечном итоге (прямо или косвенно) управлять СП GM и владеть его активами. Таким образом, эта структура должна была стать механизмом, с помощью которого ММК (ответчики) и GM (компания) могли бы участвовать в СП GM и получать все экономические выгоды (включая получение дивидендов и/или прибыли от СП GM, а также биткойнов, добытых СП GM). Господин Алимов должен был получить право на эти акции после (или в течение разумного срока после) создания такой корпоративной структуры, но в любом случае не позже даты, когда ММК (ответчики) получили свои акции в этой структуре;

- (ii) 35% биткойнов или другой криптовалюты, добытых СП GM и полученных ММК (ответчиками) (независимо от того, получены ли они напрямую в период до создания указанной корпоративной структуры или через указанную корпоративную структуру после её создания); и
 - (iii) дополнительную сумму, являющуюся разницей между максимальной ценой в размере 0,04 доллара США за кВт/ч (указанной в подпункте (a)(ii)) и фактической ценой, по которой электроэнергия была приобретена для СП GM.
28. Лондонское соглашение также включало условия:
- (a) Господин Алимов и ММК (ответчики) несли друг перед другом обязанности быть добросовестными друг перед другом, сохранять взаимное доверие и надежность;
 - (b) ММК обязались информировать господина Алимова о создании корпоративной структуры, упомянутой в пункте 27(d) (i) выше; и
 - (c) ММК обязались уведомить господина Алимова о получении акций в такой корпоративной структуре.
- v) Истец впоследствии познакомил О1-О3 с владельцами различных электростанций в Казахстане и помог организовать их экспертную оценку, поручив профессиональным экспертам оценить их мощность и пригодность. Однако переговоры о покупке этих электростанций не увенчались успехом. Таким образом, Истец стал обязан (в соответствии с Лондонским соглашением) предоставить в распоряжение проекту «Сталь» и объекты завода «Втопром», здания АБК и прилегающие земли. После инспекции представителем GM, завод «Втопром» был признан непригодным, поэтому О1-О3 и Истец приняли решение использовать «Сталь», некоторые здания АБК и прилегающие территории для нужд проекта СП GM.
- vi) Однако ККС Караганды ранее вела переговоры с компанией Hua Tun (Central Asia) Cable LLP (Хуа Тун) и в марте 2017 года достигла принципиального соглашения о продаже «Сталь», завода «Втопром» и некоторых зданий АБК компании «Hua Tun» за 7,5 миллиона долларов США. Истец заявляет, что он добился того, чтобы ККС Караганды не продавала «Сталь» компании «Hua Tun (Хуа Тун)», и договорился об исключении «Сталь» из сделки, что снизило цену продажи компании «Hua Tun» (Хуа Тун) до 5 миллионов долларов США. В его досудебной претензии ничего подобного о зданиях АБК не говорилось.
- vii) С августа по декабрь 2017 года ККС Караганды провела ремонтные работы на объектах «Сталь» и зданий АБК, общая стоимость которых составила около 1,9 миллиона долларов США. Половина этой суммы была оплачена О1-О3, а другая половина изначально финансировалась Истцом, которому впоследствии возместили расходы биткойнами, добытыми в рамках проекта СП GM.
- viii) Операции по майнингу биткойнов начались с декабря 2017 года, и Истец называл этот проект «Проектом АБК». Истец вместе с О3 определил, что дополнительная сумма, причитающаяся ему в соответствии с Лондонским соглашением, составляет 0,016 доллара США за каждый кВт/ч электроэнергии, переданной через «Сталь» и использованной для Проекта АБК (разница между фактической ценой в 0,024 доллара США за кВт/ч и 0,04 доллара США за кВт/ч).
- ix) Истец участвовал во встречах, связанных с Проектом АБК, которые проходили в офисах О1 в Москве, Россия, а также в Астане и Караганде, Казахстан.

- x) Примерно в декабре 2017 года или январе 2018 года О1-О3 попросили Истца передать «Сталь» и здания АБК компании «Prima Investment Company Limited» («Prima»), единственным акционером которой был О2, чтобы временно удерживать активы до создания корпоративной структуры, предусмотренной Лондонским соглашением. Истец согласился на передачу, запросив взамен 35% акций Prima до получения своей доли в предполагаемой постоянной корпоративной структуре (по его словам, О1-О3 согласились на это). «Сталь» и здания АБК были переданы компанией ККС Караганды компании «Prima» 22 и 24 января 2018 года.
- xi) С января по сентябрь 2018 года Истец получал биткойны от Проекта АБК, которые, по его словам, были зафиксированы в предоставленных ему О1-О3 отчетах, рассчитавших его долю как 35% от полученных О1-О3. Общая сумма составила 226,78 биткойна (на тот момент эквивалентных 1 686 719,58 долларов США). После этого он больше не получал биткойны.
- xii) Примерно в сентябре 2020 года «Prima» стала частью корпоративной структуры, окончательно принадлежащей GDA.

9. На основании вышеизложенного, Истец предъявляет требования, регулируемые законодательством Казахстана, в отношении:

- i) Нарушение договора, основанное на предполагаемом Лондонском соглашении (которое, по его утверждению, является соглашением о совместной деятельности в соответствии со статьей 228 Гражданского кодекса Республики Казахстан («Кодекс»)), в результате чего отношения между истцом и О1-О3 образуют простое товарищество по законодательству Казахстана). Он требует обязать О1-О3 передать, обеспечить передачу или инициировать передачу ему 35% акций, принадлежащих О1-О3 в GDA; обязать О1-О3 предпринять меры для регистрации Истца в качестве акционера указанных акций; провести расследование и учет криптовалюты, добытой в рамках Проекта АБК и полученной О1-О3, а также вынести решение об оплате истцу 35% от полученного; провести расследование и учет общего объема электроэнергии, переданной через «Сталь» и использованной в Проекте АБК, с вынесением решения об оплате Истцу суммы из расчета 0,016 доллара США за кВт/ч.
- ii) В качестве альтернативы — иск по статье 230 Кодекса с требованием аналогичных решений, исходя из того, что Истец и О1-О3 являются «участниками соглашения о совместной деятельности..... с учетом его вклада..... в виде имущества и услуг».
- iii) Дополнительно, в качестве дальнейшей альтернативы - реституция и/или «компенсация... за неосновательное обогащение» в соответствии с законодательством Казахстана, на основании того, что Истец предоставил активы и услуги в интересах О1-О3 по их просьбе, ожидая компенсации. Эти активы и услуги включают: передачу ККС Караганды «Сталь» и зданий АБК компании «Prima» (по его словам, по заниженной стоимости); предоставление ККС Караганды электроэнергии для Проекта АБК по сниженной ставке 0,024 доллара США за кВт/ч; организация юридических, технических, операционных и экспертных услуг для Проекта АБК и связанных с ним вопросов.

10. Я подчеркиваю, что изложенное выше является версией событий, представленной истцом. Защита, естественно, пока не представлена, но из доказательств, поданных по делу, и заявлений сторон очевидно, что между ними существуют многочисленные фактические разногласия. В качестве примера:

- i) Утверждения о наличии устного соглашения полностью оспариваются. Это не просто спор между двумя лицами (истцом и О1 о том, что обсуждалось и являлось ли это соглашением, — существует значительное разногласие относительно множества фактов, связанных с обстоятельствами, при которых, как утверждает, было достигнуто соглашение. Например, спор идет о том, сколько времени Истец и его семья провели на 27 Ингрэм-авеню (для этого даже предоставлялись квитанции Uber, чтобы определить время отъезда), было ли достаточно времени для обсуждения заявленных вопросов и насколько вероятно, что предмет соглашения мог обсуждаться (а тем более согласовываться) поздно вечером, во время семейного мероприятия, когда стороны постились весь день. Также существует спор о том, состоялась ли дальнейшая беседа после того, как О1 и Истец (со своими сыновьями) посетили молитву в Центральной лондонской мечети. Оспариваются также косвенные доказательства от жены и сына Истца о том, что он им говорил после обсуждений. Многие из контекста и предыстории предполагаемого соглашения также вызывает ожесточенные споры. Далее я подробнее изложу аспекты этого спора в контексте вопросов о наличии серьезного предмета для судебного разбирательства и обоснованной аргументации дела.
- ii) Существует спор о том, имел ли О1 полномочия от О2и О3 на заключение соглашения от их имени. Ниже этот вопрос рассматривается более подробно.
- iii) Оспариваются различные моменты относительно соглашения, которое, как утверждает Истец, он (или ККС Караганды) заключил с Ниа Тун (Хуа Тун), а также обстоятельства, при которых «Сталь» и здания АБК были исключены из этого соглашения. Ответчики не признают подлинность соглашения от 12 марта 2017 года между ККС Караганды и Ниа Тун (Хуа Тун), на которое ссылается Истец. Кроме того, Истец утверждает, что для того, чтобы убедить Ниа Тун (Хуа Тун) исключить имущество из договора, местным представителям Ниа Тун (Хуа Тун) в Казахстане пришлось предложить объекты жилой недвижимости и два автомобиля Mercedes-Benz S500, за которые О2, по крайней мере частично, компенсировал истцу расходы. Ответчики категорически отрицают эти утверждения.
- iv) Существует спор о том, могут ли стороны договориться о низких тарифах на электроэнергию в Казахстане, или же эти тарифы регулируются соответствующим казахстанским антимонопольным органом.
- v) Ответчики характеризуют Истца как «посредника» или «брокера» в отношении «Сталь» и зданий АБК, которые они впоследствии приобрели за их фактическую стоимость (а также других объектов, которые они рассматривали, но не приобрели), и утверждают, что Истец получил все, на что имел право в связи с этими сделками. Истец отрицает эту версию событий, заявляя (в числе прочего), что указанная в письменных соглашениях продажная цена на эти объекты не была рыночной, а представляла их балансовую стоимость, так как передача объектов являлась его вкладом (по его словам) в совместное предприятие.

11. Уже сейчас очевидно, что между сторонами существует множество споров, касающихся законодательства Казахстана (которое, как согласовано, регулирует данные иски). Эти споры включают (но не ограничиваются): действительность предполагаемого устного соглашения в соответствии с законодательством Казахстана; возможность О1 в соответствии с казахстанским правом связывать обязательствами О2и О3 по предполагаемому соглашению (или же вопрос о том, ратифицировали ли О2и О3 это соглашение); является ли предполагаемое устное соглашение соглашением о совместной

деятельности, что превращает отношения между истцом и О1-О3 в простое товарищество согласно казахстанскому праву; что требуется для подачи иска о неосновательном обогащении в соответствии с законодательством Казахстана; а также вопросы о доступности определенных способов правовой защиты.

12. Вкратце, ответчики описывают иски Истца как вымышленные и представляющие собой «шантаж» — претензии, искусственно созданные с целью попытки добиться урегулирования в условиях, когда, как предполагает Истец, О4 рассматривает возможность ПРО, что делает данный период благоприятным для оказания давления. Ответчики заявляют, что Истец проводит параллельную кампанию в СМИ и через вебсайт. Они даже описывают эту деятельность как «попытку вымогательства».

13. Как уже упоминалось выше, ответчики также обратили внимание на различия в изложении фактической стороны дела, представленной истцом в его досудебной претензии до подачи иска по сравнению с тем, как он представил эти факты в своем исковом заявлении (и последующих доказательствах). В частности, в письме до подачи иска не упоминается «Лондонское соглашение» или встреча, состоявшаяся 10 июня 2017 года, на которой, как утверждается, было достигнуто это соглашение. Также в письме до подачи иска утверждалось, что между О1-О3 якобы существовал сговор, который, как утверждалось, был заключен в Лондоне в сентябре 2018 года или около того. Ответчики указали в своих ответах, что фактические основания для вывода о сговоре, якобы заключенном в Лондоне в указанные даты, были неверными (в том числе потому, что О2 и О3 не находились в Лондоне в этот период). В последующем, в исковом заявлении Истец уже не настаивал, что был сговор.

14. Ответчики также отмечают, что в досудебной претензии утверждается, что 13 июня 2017 года ККС Караганда подписала с Ниа Тун (Хуа Тун) предварительное соглашение о продаже активов, т.е. менее чем через 3 дня после вечера, когда Истец (по его версии) якобы заключил устное соглашение, на котором основан его иск, что, по мнению Ответчиков, необъяснимо, если Истец действительно полагал, что он заключил соглашение с О1-О3, на которое он теперь ссылается. В исковом заявлении не упоминается это соглашение от 13 июня 2017 года, а вместо этого указывается соглашение, якобы заключенное с компанией Ниа Тун (Хуа Тун) 12 марта 2017 года (подлинность которого, как я уже отмечал, Ответчики не признают).

15. Ответчики характеризуют эти различия как признак того, что Истец выдумал эти обстоятельства для того, чтобы обосновать юрисдикцию в Англии.

Процессуальная сторона дела

16. 24 июня 2022 года Истец направил досудебную претензию трем ответчикам физическим лицам: О1 по адресу Ингрэм-авеню 27 в Лондоне, а также по электронной почте, О2и О3 по адресам в Казахстане, а также по адресам электронной почты), а также О4 «для информации» по адресам на Кипре и в Нью-Йорке. Компании Withers (для О1 и О3) и Mishcon de Reya (для О2), обе компании ответили 23 сентября 2022 года.

17. Какой-либо иной переписки до подачи иска не было. Исковое заявление (общее заявление без подробных исковых требований), было подано 12 мая 2023 года, а подробный иск был подписан истцом 11 сентября 2023 года.

18. Также 11 сентября 2023 года Истец утверждает, что он направил исковое заявление и подробные исковые требования О1 по трем адресам в Лондоне, а именно: (i) по адресу Ингрэм-авеню, упомянутому выше («27 Ingram Avenue»), (ii) 26 Holne Chase, London N2

0QN («26 Holne Chase»), и (iii) 5A Falkland Road, London NW5 2PS («5A Falkland Road»).

19. В ответе от Withers (по O1) на досудебную претензию от 23 сентября 2022 года утверждалось, что O1 не является резидентом Англии, а проживает в Дубае, ОАЭ. Withers повторили то же самое в письме от 26 сентября 2023 года, отправленном в ответ на попытку вручения документов O1 по вышеуказанным трем адресам, утверждая, что вручение не состоялось и/или является ошибочным.

20. 13 октября 2023 года Истец подал ходатайство (без уведомления сторон спора) о разрешении вручить иск вне юрисдикции в Дубае O1 (не ущемляя основной позиции Истца о том, что O1 уже был надлежащим образом уведомлен в рамках юрисдикции), O2 и O3, а также на Кипре O4. Истец также запросил разрешение на вручение документов O1-O3 альтернативными способами (включая электронную почту, мессенджер WhatsApp и сообщения в LinkedIn). Запрашиваемое постановление было вынесено судьей Диасом 24 октября 2024 года («Постановление судьи Диаса»).

21. Ответчики подали ходатайства об отмене постановления судьи Диаса, и O1 также подал ходатайство, утверждая, что ему не было надлежащим образом вручено исковое заявление в рамках юрисдикции, или, альтернативно, о приостановке иска против него по причине неподобающего выбора юрисдикции.

Заявления

22. В ходе слушаний мне были представлены следующие основные заявления:

- i) Заявление O1 от 23 октября 2023 года с просьбой: (i) отменить иск за неисполнение требований по вручению иска в юрисдикции в установленный срок; (ii) приостановить иск по причине неподобающей юрисдикции, перенаправив иск в суды Казахстана. O3, который был представлен теми же адвокатами, что и O1, подал аналогичное заявление 8 марта 2024 года.
- ii) Заявления O1 и O3 от 31 октября 2023 года, O4 от 7 ноября 2023 года и O2 от 8 марта 2024 года с просьбой об отмене постановления судьи Диаса.

23. Вышеуказанные заявления взаимосвязаны, и в них приводятся одни и те же основания. Вкратце:

- i) Ответчики утверждают, что O1 не был должным образом уведомлен в юрисдикции и не мог быть, так как он больше не имел места жительства или постоянного проживания в юрисдикции в соответствующее время. В качестве альтернативы, O1 утверждает, что, если его все же уведомили правильно в юрисдикции, иск против него следует приостановить на основании неподобающей юрисдикции.
- ii) Ответчики просят отменить постановления судьи Диаса на том основании, что нет серьезных вопросов, подлежащих рассмотрению, что нет достаточно веских оснований для применения судебной юрисдикции в Англии в соответствии с требованиями CPR PD6B, а также что суды Англии не являются подходящей юрисдикцией для этого дела. В отношении вопроса «нет серьезных вопросов, подлежащих рассмотрению»: (i) O1-O3 утверждают, что не было соглашения, как утверждает Истец; (ii) O2 и O3 также утверждают, что даже если такое соглашение существовало, они не были его сторонами;
- (iii) O4 утверждает, что нет серьезных вопросов для рассмотрения в отношении него, поскольку Истец не выдвигает иск против него и не требует от него компенсации.
- iii) O1-O3 также просят отменить постановления судьи Диаса о применении

альтернативных методов вручения на том основании, что для этого не было оснований.

- iv) O1-O3 также просят отменить постановления судьи Диаса на основании нераскрытия информации.

24. На самом деле, основным вопросом между сторонами является то, какой суд является подходящей юрисдикцией для рассмотрения этого дела — Англия или Казахстан (что возникает, хотя и немного по-разному, с различным бременем доказывания, как при заявлении о приостановке иска по причине неподобающей юрисдикции, так и при заявлении о вручении иска за пределами юрисдикции). Однако, поскольку некоторые другие вопросы формируют контекст для рассмотрения этих доводов, я сначала рассмотрю позицию в отношении O1 и вопрос о том, был ли он должным образом уведомлен в юрисдикции, затем вопросы, поднимаемые O1-O3 в связи с серьезностью вопроса, подлежащего рассмотрению, и с требованиями CPR PD6B.

После этого я перейду к вопросам, касающимся подходящей юрисдикции (в контексте аргументации о неподобающей юрисдикции, так и как подходящая юрисдикция для целей вручения иска за пределами юрисдикции). Позицию O4 я рассмотрю отдельно, так как она касается только вопросов, относящихся к O4. Далее я обращусь к заявлению о применении альтернативных методов вручения и утверждениям о нераскрытии информации.

25. Также имелись следующие заявления, которые я рассмотрю в ходе данного решения:

- i) Заявление от 8 марта 2024 года, поданное O2, с просьбой использовать экспертные доказательства по праву Люксембурга в поддержку его позиции по основным заявлениям.
- ii) Заявление, поданное Истцом в ходе слушания, с просьбой внести изменения в исковое заявление, чтобы добавить аргумент о ратификации.

Доказательства, представленные по этим заявлениям

26. В суд было представлено большое количество доказательств по этим заявлениям, включая 29 свидетельских показаний и 9 экспертных заключений.

27. Истец опирался на следующие свидетельские показания:

- i) 3 свидетельских показания Михаила Ятцухи, партнера компании Sterling Lawyers Ltd, адвокатов Истца. Его первое показание («Ятцуха 1») было подано для ходатайства без предварительного уведомления ответчиков; свидетельское показание Истца; iii) 6 дополнительных свидетельских показаний. Это показания: (i) Айдына Алимова (брата Истца), (ii) Армана Наурзалиева (директора ККС Караганды), (iii) Гульмиры Алимовой (жены Истца), (iv) Нояна Алимова (сына Истца), (v) Шолпан Сояевой (единственного акционера ККС Караганды), (vi) Эндрю Уордсворта (директора Raedas Consulting Ltd, агентства расследований, нанятого Истцом) и (vii) Асета Бегалиева (бывшего делового помощника Истца).

28. Ответчики опирались на следующие свидетельские показания:

- i) O1 /O3:
 - a) 4 свидетельских показания Роберто Моруззи, партнера Withers LLP, адвокатов O1 /O3;
 - b) 3 свидетельских показания O1;
 - c) 2 свидетельских показания O3;
 - d) Показания Вахи Гойгова (главы операционного отдела O4).

- ii) O2:
 - a) 2 свидетельских показания Касры Нуррузи Шамбайати, партнера компании Mishcon de Reya LLP, адвокатов O2.
 - b) 2 свидетельских показания O2.
 - c) 3 дополнительных свидетельских показания. Это показания: (i) Джона Аббаса Заиди и (ii) Елены Каплуновской, и (iii) Карлыгаш Еженовой (журналистки в Казахстане). O4 опирался на 2 свидетельских показания от Андреа Мокса, партнера компании Latham & Watkins (Лондон) LLP, адвокатов O4.

29. Экспертные заключения (для которых суд дал разрешение заранее, для Истца — в постановлении судьи Диаса, а для Ответчиков — в постановлении судьи Бутчера от 16 ноября 2023 года) включали:

- i) Законодательство Казахстана (по 2 отчета от каждого из следующих экспертов):
 - a) Для Истца — Асқар Коныспаев (руководитель отдела разрешения споров в Казахстане в международной юридической фирме GRATA International).
 - b) Для O1/O3 — Профессор Фархад Карагуссов (профессор юриспруденции в Высшей школе права «Адилет» Каспийского университета (в Алматы, Казахстан) и практикующий юрист в K&T Partners LLP).
 - c) Для O2— Асқар Калдыбаев (квалифицированный казахстанский юрист, работающий в Центре корпоративного и несостоятельного права «Талпын»).
- ii) Законодательство ОАЭ (по 1 отчету от каждого из следующих экспертов):
 - a) Для Истца — Гассан Эль Дайе (партнер в Charles Russell Speechlys LLP, зарегистрированный как юридический консультант в ОАЭ).
 - b) Для O1/O3 — Салех Альобейдли (управляющий партнер Международной консалтинговой юридической фирмы, юрист, квалифицированный в ОАЭ).
 - c) Для O2— Джонатан Дэвидсон (управляющий партнер в Davidson & Co Legal Consultants в Дубае, зарегистрированный как юридический консультант в Дубае).

(Также в суд было представлено письмо от юриста из Люксембурга, на которое, как я уже упоминал выше, O2запросил разрешение опираться.)

Уведомление O1 для целей юрисдикции

30. Истец утверждает, что O1 имеет место жительства в Англии и был уведомлен о вручении в пределах юрисдикции, или, в качестве альтернативы, что проживание O1 в Великобритании дает основание для разрешения уведомления O1 за пределами юрисдикции. Правовая база, в рамках которой рассматриваются оба вопроса, отличается, хотя факты и доказательства, относящиеся к этим вопросам, в значительной степени пересекаются.

31. Юридические контексты, в которых возникают вопросы (которые не были спорными между сторонами), следующие:

- i) В отношении уведомления в пределах юрисдикции основной вопрос заключается в том, был ли O1 уведомлен по своему обычному или последнему известному месту жительства в соответствии с CPR 6.9 (что должно рассматриваться на момент предполагаемой подачи иска). Истец также утверждал, что O1 был должным образом уведомлен в пределах юрисдикции на основании раздела 1141 Закона о компаниях 2006 года. Ни Истец, ни O1 не заявляли, что возникали дополнительные вопросы, касающиеся уведомления в пределах юрисдикции.
- ii) В отношении уведомления за пределами юрисдикции вопрос заключается в том, был ли O1 домицилирован в Великобритании, что обе стороны рассматривали в контексте его проживания в Великобритании для целей CPR PD6B параграф 3.1(1) (на момент подачи иска).

32. Сначала я изложу позиции сторон по доказательствам, касающимся места жительства O1, прежде чем перейти к вопросу, был ли O1 должным образом уведомлен в пределах юрисдикции.

Позиции сторон и доказательства

33. Истец утверждал, что O1 был уведомлен в пределах юрисдикции 11 сентября 2023 года, когда иск был доставлен и оставлен по одному из трех адресов, указанных выше. Истец настаивал, что O1 мог и был уведомлен по одному из этих адресов, потому что:

- i) Что касается адресов 27 Ingram Avenue и 26 Holne Chase, Истец заявил, что один из этих адресов был «обычным или последним известным местом жительства» O1 для целей CPR 6.9(O-2).
- ii) Что касается адреса 5A Falkland Road, Истец утверждал, что O1 мог быть уведомлен по этому адресу на основании раздела 1141 Закона о компаниях 2006 года, поскольку он указал этот адрес в качестве адреса для уведомлений.

34. Однако O1 утверждает, что хотя он ранее проживал в Англии, это стало неактуальным, когда он переехал в Дубай (по его словам, в сентябре 2021 года). Он утверждает, что адреса 27 Ingram Avenue, 26 Holne Chase не являлись его обычным или последним известным местом жительства на момент подачи иска в сентябре 2023 года. Он также утверждает, что раздел 1141 Закона о компаниях 2006 года не позволяет подать иск на него по адресу 5A Falkland Road. Этот последний момент, касающийся раздела 1141, вызывает вопросы толкования закона, и я рассмотрю его отдельно. Сначала я рассмотрю доказательства, касающиеся места жительства O1, как в отношении страны, так и конкретных адресов.

35. Что касается двух жилых адресов:

- i) Адрес 26 Holne Chase зарегистрирован на имя жены O1. O1 утверждает, что это был его семейный дом с декабря 2014 года, и что он жил там до своего переезда в Дубай (в сентябре 2021 года), а его семья продолжала проживать по этому адресу до того, как они переехали к нему в Дубай (4 сентября 2022 года).
- ii) Адрес 27 Ingram Avenue принадлежит трастовой компании Багамских островов, ранее

находился в собственности трастовой компании с острова Джерси. O1 отрицает, что он является собственником этого имущества, но не указывает, кто, по его мнению, является выгодоприобретателем. Он утверждает, что его мать проживает в этом доме.

36. Истец также указал на другие связи между O1 и адресом 27 Ingram Avenue. Это включает тот факт, что в 2015 году жена O1 подавала заявку на получение разрешения на строительство для этого объекта, а также то, что это был адрес, по которому O1 и его жена с сыном принимали Истца, его жену и сына на ифтаре 10 июня 2017 года, при этом O1 в текстовом сообщении описал этот адрес как свой «дом» (чтобы отличить его от ресторана). (Истец заявил, что в тот раз O1 сказал, что он заплатил около 10 миллионов фунтов за ремонт дома и подробно описал его — O1 это отрицал, и я не могу выразить мнение по этому вопросу в рамках текущего ходатайства).

37. Позиция O1 заключается в том, что он переехал в Дубай в сентябре 2021 года и с тех пор получил 10-летнюю визу для проживания в Дубае. Он говорит, что его семья присоединилась к нему в Дубае в сентябре 2022 года. Он утверждает, что намерен продолжать жить в Дубае до окончания срока своей визы. Однако многие из этих утверждений основаны только на словах O1, и для них представлено мало документальных подтверждений (за исключением записей о путешествиях, о которых я упомянул ниже). Например, копия визы на проживание не была представлена, не были предоставлены документы о месте жительства или путешествиях его членов семьи, а также другие доказательства проживания в Дубае (например, коммунальные счета; сведения о посещении школ детьми; нет данных о том, купил ли он или арендует ли он жилье).

38. Также стало очевидно, в результате расследования, проведенного по поручению Истца, что O1 является гражданином Великобритании. Сам O1 не сообщил эту информацию и не уточнил, когда он стал гражданином Великобритании. Он не представил копию своего паспорта. Из записей о его поездках, которые были предоставлены для O1 (см. ниже), видно, что он начал использовать свой текущий британский паспорт примерно в сентябре 2021 года. Хотя O1 не упомянул, является ли это его первым паспортом или это замененный/обновленный паспорт, Истец предположил, что это первый паспорт. Ранее O1 был гражданином Казахстана, но отказался от этого гражданства в марте 2022 года.

39. O1 предоставил некоторые записи о своих поездках за последние несколько лет. Эти записи включают «Отчет о въезде и выезде» из иммиграционной службы Дубая, в котором зафиксированы его поездки в и из ОАЭ в период с 2021 по 2023 годы. Эти документы были раскрыты в отредактированном виде, так что нельзя было увидеть, откуда и куда O1 путешествовал — только даты выезда из ОАЭ и въезда в страну. По подсчетам, он провел около 220 дней в ОАЭ в 2022 году и около 250 дней в ОАЭ в 2023 году. Также показалось, что, хотя O1 утверждал, что он переехал в Дубай на постоянное место жительства в сентябре 2021 года, с начала сентября по конец декабря 2021 года он провел в ОАЭ лишь около 17 дней. Таким образом, с сентября 2021 года O1, по всей видимости, проводил около 40-45% своего времени вне ОАЭ.

40. Эти официальные записи не раскрывают, сколько времени O1 провел в Великобритании. Однако O1 и его адвокаты представили некоторые доказательства этого. O1 сказал во втором заявлении, что в 2022 году он провел 50-60 дней в Великобритании, а в 2023 году — 15-20 дней. Его адвокаты позже проверили записи его паспорта и заявили, что в 2022 году это было 45 дней, а в 2023 — 16 дней (хотя, как уже упоминалось, записи паспорта, на которых это основано, не были раскрыты). O1 также заявил во втором заявлении, что единственной причиной его поездок в Лондон с момента переезда в Дубай

было посещение матери, хотя это маловероятно, если речь идет о периоде с сентября 2021 по сентябрь 2022 года, когда его жена и дети все еще жили в Лондоне. Возможно, он имел в виду только период после сентября 2022 года, говоря это, но если это так, то его заявление звучит немного неопределенно и часто не подкрепляется доказательствами, как и его ответы на вопросы о месте жительства.

41. Также важно то, что O1 сказал о своем месте жительства помимо этих судебных разбирательств. Это можно увидеть по нескольким декларациям, сделанным в корпоративные реестры. Документы, на которые Истец особо ссылался на слушаниях, включают:

- i) Декларация, поданная в 2022 году для O4 на Кипре, в которой указана дата последнего изменения — 27 июня 2022 года. В этом документе O1 указан как акционер, а его адрес — 26 Holne Chase.
- ii) Декларация для MKM GP SARL, зарегистрированной в Люксембурге, от 5 апреля 2022 года. В этом документе указан адрес O1 как 26 Holne Chase. Также приложены уставные документы MKM GP SARL, датированные 25 марта 2022 года, в которых указано, что O1 был лицом, присутствующим у нотариуса для составления учредительных документов (хотя через представителя), и что он «проживает» по адресу 26 Holne Chase (как в начале документа, так и под решением о назначении управляющих, включая O1).
- iii) Декларация для Scalo Technologies Pte Ltd, зарегистрированной в Сингапуре. Документ, поданный 16 августа 2023 года, показывает O1 как директора и акционера компании, с указанием его адреса на 26 Holne Chase, а также подтверждает его британское гражданство.

42. O1 утверждает, что большинство из поданных документов было завершено до того, как он покинул Англию в сентябре 2021 года, и что с тех пор, как ему была предоставлена 10-летняя виза для пребывания в Дубае, он не задумывался о необходимости обновлять эти данные. Он говорит, что не занимался регистрацией компаний самостоятельно и не был особо вовлечен в процесс их создания, а стороны, участвующие в этих компаниях (часто, по его словам, O2, O3 «и другие»), использовали агентов, которые, как утверждает O1, «держали мою информацию в файле, и поэтому часто просто обрабатывали регистрацию без моего участия». Он признает, что две компании (MKM GP SARL и GDA Sweden AB, еще одна компания, упомянутая истцом в его доказательствах) были зарегистрированы после того, как он переехал в Дубай, но говорит, что не участвовал в их регистрации и считает, что «соответствующие агенты просто использовали информацию, которую они имели в файле, из предыдущих поданных документов».

43. Однако он не говорит, что наводил справки у агентов, чтобы убедиться в правильности своей версии, и не проверял записи своих сообщений, чтобы выяснить, сообщал ли он им подробности, включая адрес, и если да, то когда. Более того, ни в доказательствах, ни на слушаниях не прозвучало и намека на то, что O1 пытался изменить какие-либо из этих документов, даже будучи проинформированным о них, чтобы записать свое место жительства как Дубай.

44. O1 также учредил компанию в Великобритании под названием Mirakhmedov Foundation Limited в марте 2022 года.

- i) Эта компания была зарегистрирована 9 марта 2022 года, с предложенным адресом для регистрации через корпоративного поставщика услуг в Хертфордшире. В реестре

компаний O1 указан как лицо с существенным управлением (PSC), с правами, составляющими 75% или более голосующих прав и правом назначать или увольнять большинство членов совета директоров. В записи указано, что «страна обычного проживания» O1 — Великобритания, а также адрес для получения уведомлений через того же корпоративного поставщика. Сын O1 (Халил Мирахмедов) был указан директором компании (с указанием, что он обычно проживает в Великобритании и предоставил тот же адрес для вручения корреспонденции).

- ii) 5 мая 2023 года были поданы новые данные о зарегистрированном офисе компании в Companies House, где был указан адрес 5A Falkland Road. Одновременно были обновлены данные о O1 как о лице с существенным управлением, где указано (с датой изменения 1 марта 2023 года), что его адрес для получения уведомлений является зарегистрированным офисом компании. В обновлении также было указано «Новая страна обычного проживания» - Великобритания».
- iii) O1 сказал очень немного об этой компании в своих доказательствах, указав лишь, что он не был директором или секретарем компании, и, по его мнению, указанные адреса не являются официальными для целей получения юридических уведомлений.

45. Заявление относительно «адреса для получения уведомлений» O1 в отношении компании Mirakhmedov Foundation Limited используется истцом как основание для дополнительного аргумента о надлежащем уведомлении в рамках раздела 1141 Закона о компаниях 2006 года. Я рассмотрю этот вопрос отдельно ниже. Однако эти записи также используются для поддержки более широкой позиции о том, что O1 продолжал проживать в Великобритании после сентября 2021 года.

46. Следует также отметить, что, насколько можно судить из имеющихся доказательств, O1 находился в юрисдикции на дату предполагаемого уведомления (11 сентября 2023 года). Это было подтверждено свидетельскими показаниями, что мать O1, когда уведомление о иске было вручено по адресу 27 Ingram Avenue, сказала, что O1 «не был в Дубае, а находился на работе». Это согласуется с записями о поездках O1, согласно которым он был вне ОАЭ с 20 по 24 сентября (хотя документы, представленные O1, не показывали, куда именно он поехал). В любом случае, O1 не заявлял, что в тот момент находился вне юрисдикции или что это каким-то образом повлияло бы на вопрос о том, было ли его уведомление в юрисдикции надлежащим.

Был ли O1 надлежащим образом уведомлен в юрисдикции?

47. Для выполнения требований CPR 6.9 в случае с физическим лицом уведомление должно быть осуществлено по адресу его «обычного или последнего известного места жительства». Не было предложено, что адрес 5A Falkland Road являлся или был местом жительства O1, и хотя в доказательствах утверждалось, что адрес 27 Ingram Avenue могло быть его обычным или последним известным местом жительства, к моменту слушания Истец сосредоточил внимание на адресе 26 Holne Chase.

48. Это был тот адрес, по которому O1 признал, что он проживал до сентября 2021 года, и который был предоставлен (им или, по крайней мере, от его имени) в различных реестрах компаний как его место жительства.

49. Дело O1 не в том, что у него был какой-либо другой адрес проживания в Великобритании, а в том, что он вообще перестал быть резидентом Великобритании к моменту вручения искового заявления (и, более того, - к моменту ее вручения). Поэтому вопрос о том, прекратил ли он свое проживание, является первым вопросом, который

необходимо разрешить.

50. Руководство по решению вопроса о том, когда, после того как лицо является резидентом Великобритании, оно перестает быть таковым для целей юрисдикции, было изложено в деле Шульман против Коломойского [2018] в Высоком суде Англии и Уэльса 160 (Ch) (судья Барлинг) в пункте 28:

- «i. Исследование представляет собой многофакторную и зависящую от фактов оценку, в ходе которой рассматриваются все соответствующие обстоятельства, чтобы увидеть, какой свет они бросают на качество отсутствия лица в Великобритании.
- ii. Для прекращения проживания должен быть явный перерыв в смысле изменения образа жизни человека в Великобритании.
- iii. Это может вполне включать в себя существенное ослабление социальных и семейных связей, но не требует их разрыва.
- iv. Намерение лица прекратить проживание в данной юрисдикции имеет значение для данного расследования, но не является определяющим.
- v. Действия лица после наступления существенного момента (в данном случае - выдачи искового заявления) могут быть релевантными, если они проливают свет на характер отсутствия лица в Великобритании.
- vi. Если человек действительно перестал быть резидентом в соответствии с применимыми критериями, тот факт, что его мотив был недостойным или даже незаконным, не повлияет на положение дел.
- vii. Следует быть осторожным, чтобы избежать риска чрезмерного анализа при применении обычных английских слов».

51. Вопрос в этом деле в первую очередь возник в связи с определением того, являлся ли ответчик резидентом Англии для целей режима Брюсселя/Лугано. Однако выявленные принципы остаются актуальными и в нынешнем контексте.

52. Хотя O1 утверждал, что он перестал быть резидентом Великобритании в сентябре 2021 года, доказательства свидетельствуют об обратном. На тот момент у него не было долгосрочной визы для пребывания в Дубае (что было причиной, которую он указал в своих показаниях как причину неизменения на том этапе своих контактных данных, например тех, которые указаны в различных реестрах компаний), и поэтому у него не было уверенности в том, что он останется или сможет остаться там. Более того, его жена и дети оставались в Лондоне (по адресу Холн Чейз 26), и он явно проводил время, навещая их в Великобритании. В этот период он подавал различные декларации в реестры компаний. В том числе данные, указанные при учреждении компании Mirakhmedov Foundation Limited в марте 2022 года, подтверждали, что он проживает в Великобритании. Любое предположение о том, что регистрационные агенты использовали «старые» данные, не проверив их у O1, является ошибочным, поскольку нет никаких предположений о том, что он когда-либо пользовался услугами этих регистрационных агентов ранее (как нет и никаких доказательств того, что он ранее зарегистрировал другую британскую компанию). Он должен был бы подтвердить свои собственные данные. Единственный вывод, который можно сделать из всего этого, заключается в том, что он считал себя резидентом Великобритании (даже если он также находился в процессе формирования дополнительного места жительства в Дубае) в 2022 году, по крайней мере, до получения 10-летней резидентской визы в Дубае и (по его словам) до переезда его семьи в Дубай. Поэтому я отклоняю его утверждение о том, что он не имел

места жительства в Англии после сентября 2021 года.

53. Настоящий вопрос заключается в том, сохранил ли O1 место жительства в Англии после сентября 2022 года, когда у него уже была 10-летняя виза для пребывания в ОАЭ и когда, по его словам, его семья переехала в Дубай, чтобы присоединиться к нему.

- i) Не вызывает сомнений тот факт, что в 2023 году O1 совершил меньше поездок в Великобританию, чем в 2022 году. Об этом свидетельствуют не только показания самого O1, но и раскрытые (хотя и отредактированные) записи о поездках, а также результаты проведенного юрисконсультами O1 анализа неотредактированных записей и паспорта O1.
- ii) Однако помимо этого (и помимо слов самого O1) явно не хватало доказательств того, как он и его семья переехали в Дубай, и каковы его намерения на будущее. Можно было бы предположить, что O1 будет относительно легко предоставить документы и другие доказательства в поддержку своей версии в этом отношении. Однако не было представлено никаких доказательств, например, относительно недвижимости, в которой проживает O1 и его семья (была ли она куплена или арендована, и если арендована, то - на какой срок); никаких доказательств относительно счетов за коммунальные услуги (поэтому нет доказательств того, что O1 и его семья оплачивают коммунальные услуги, что может быть показателем более постоянного проживания, чем если бы они снимали жилье на более короткий срок); нет доказательств от жены O1 или любого другого члена его семьи, подтверждающих их переезд в Дубай и то, что они намерены там остаться; говорится, что один из сыновей O1 работает в Дубае, но нет никаких подтверждающих доказательств этого, и неясно, тот ли это сын, который является директором Mirakhmedov Foundation Limited (британской компании, для которой сын заявил, что он является резидентом Великобритании).
- iii) В таком заявлении, как это, трудно не поверить показаниям O1 о том, что его семья переехала в Дубай, и что его дети теперь ходят там в школу - нет никаких доказательств, прямо противоречащих этому, - но удивительно, что не было представлено никаких других доказательств, подтверждающих это (кроме отредактированных записей о поездках O1). Таким образом, я исхожу из того, что семья находится в Дубае, и что дети сейчас учатся там в школе (или, в случае одного из сыновей, работают там), однако возникает вопрос о том, насколько постоянным было намерение O1 и его семьи жить в Дубае.
- iv) Более того, период времени, за который можно оценить установление нового образа жизни со стороны O1, является коротким. Записи о поездках, показывающие, что в 2023 году O1 ездил в Великобританию реже, чем в 2022 году, могут быть первой частью более длительного периода сокращения поездок в Великобританию, или это может быть единичный год. Для проверки этого не было достаточно длительного периода времени. Записи за 2024 год могли бы помочь в попытке выяснить это (как отметил Шульман в пункте v.), но доказательств этому не было.
- v) Запись, внесенная в реестр компаний Великобритании 5 мая 2023 года, с «датой изменения» 1 марта 2023 года, в отношении Mirakhmedov Foundation Limited подтвердила, что O1 обычно проживает в Великобритании. Это говорит о том, что:
 - a) Это официальный документ, который, несомненно, должен был быть заполнен с особой тщательностью. Что поразительно в доказательствах в отношении подачи документов на эту компанию, так это то, что O1 ничего не сказал о том, что было указано в

документах в отношении его места жительства. Он просто обратился к вопросу об «адресе обслуживания», заявив, что он не является директором или секретарем компании, поэтому, согласно его пониманию правовых норм в Англии, указанные адреса не являются официальными адресами для целей обслуживания судебных разбирательств. Но в Итцуха 1 речь шла о том, что в документах было указано, что он «обычно проживает» в Великобритании (фактически, это был первый пункт в параграфе 43 Итцуха 1, где говорилось об этих документах), и было очевидно, что Истец опирался именно на это.

- b) Более того, в отношении различных других корпоративных документов (документов компаний, зарегистрированных в других юрисдикциях) О1 в своем втором заявлении указал, что он не принимал особого участия в их регистрации, которые часто обрабатывались без его участия (часто в этом участвовали О2 и О3), и он считает, что агенты по регистрации просто использовали информацию, которая была у них в досье на него. В своих показаниях О1 не привел никаких аналогичных аргументов в отношении документов, касающихся компании Mirakhmedov Foundation Limited (ни в пункте 41 своего второго заявления, где он рассматривал документы этой компании, ни в других местах). Примечательно также, что он ничего не говорит о причастности О2 или О3 к этим документам в Великобритании (более того, в другом месте он говорит, что, насколько ему известно, ни О2, ни О3 не имели никаких деловых отношений в Великобритании). Если бы он не был причастен к подаче документов, он, предположительно, так бы и сказал. Можно сделать вывод, что О1 был прекрасно осведомлен о факте подачи документов и о том, что о нем говорилось, в том числе о том, что он является резидентом Великобритании, как при регистрации, так и при подаче заявления об изменении реквизитов в мае 2023 года.
- c) Таким образом, представляется, что О1 был полностью удовлетворен тем, что представил в Регистрационную палату Великобритании информацию о том, что он является резидентом Великобритании, и со стороны О1 не было предложено никаких причин, по которым он мог бы это сделать, если бы он не считал себя резидентом Великобритании.
- vi) Это полностью соответствует тому, что ранее он заявлял в различных реестрах компаний, что является резидентом Великобритании, и не предпринял никаких шагов для изменения записей в этих реестрах после того, как, по его словам, он переехал в Дубай (в сентябре 2021 года) или когда он получил свою 10-летнюю визу. Не было представлено никаких доказательств того, что он предпринял какие-либо шаги, чтобы изменить сведения о своем местожительстве в различных реестрах (включая реестр Великобритании), поскольку в ходе рассмотрения данного дела до его сведения было доведено, что все доказательства дела указывают на его местожительство в Англии. Из-за него трудно понять, почему он не сделал этого (и, сделав это, почему не стал бы просить о помощи в подтверждение своих доказательств того, что подача документов в других юрисдикциях была осуществлена без его участия и с использованием «старой» информации).
- vii) Правильно будет сказать, что записи о его поездках указывают на то, что в 2023 году он находился в Великобритании меньше общее время по сравнению с 2022 годом, и это не удивительно в условиях, когда его жена и дети, как утверждается, переехали к нему в Дубай в сентябре 2022 года, но это само по себе не имеет решающего значения. Как четко указал Апелляционный суд в деле Релфо Лтд против Варсани [2011] 1

Еженедельный сборник судебных решений 1402, проживание, тем более «обычное проживание», не зависит от простого количественного анализа, когда просто сравнивается продолжительность периодов проживания (см. пункты 27-30). Однако в той мере, в какой можно сделать выводы о каком-либо новом устоявшемся образе жизни после сентября 2022 года, очевидно, что он продолжал рассматривать Лондон как место, где он жил (в том числе потому, что там продолжала жить его мать), и был доволен тем, что называл себя резидентом Великобритании.

viii) Он утверждает, что не выполняет работу в Великобритании, но это не согласуется с тем фактом, что он решил зарегистрировать Mirakhmedov Foundation Limited в Великобритании, и сделать это после того, как, по его словам, он переехал в Дубай. Это также не согласуется со свидетельством того, что мать О1 сказала лицу, который вручал исковое заявление по адресу Ингрэм-авеню, 27, что О1 «не был в Дубае, а находился на работе».

54. Принимая во внимание все вышеизложенное, мне представляется, что после сентября 2022 года, по крайней мере до сентября 2023 года, О1 по-прежнему проживал в Великобритании, а также обосновывался в Дубае.

55. Учитывая мой вывод о том, что О1 не перестал проживать в Англии к моменту подачи искового заявления, из доказательств следует, что дом на Холн Чейз 26 оставался его местом жительства. Другого адреса, по которому, по его словам, он проживал в Великобритании, не было. В соответствии с пунктом 6.9 Правил гражданского судопроизводства (CPR) не является ошибочным вынесение решения о том, что адрес в Великобритании является «обычным местом жительства» ответчика, если он также имеет место жительства в другой стране: см. Релфо в пункте 28. Можно иметь более одного «обычного» места жительства.

56. О1 утверждает, что адрес Холн Чейз 26 не мог быть «обычным или последним известным местом жительства» О1 на момент предполагаемого вручения искового заявления, поскольку юриконсульты О1 сообщили Истцу в ответе на письмо до предъявления иска (отправленное в сентябре 2022 года), что О1 больше не является резидентом или не имеет постоянного места жительства в Англии.

57. Тот факт, что юриконсульты О1 утверждали, что он больше не проживает в Англии, конечно, не может сделать его таковым. Однако О1 опирался на тот факт, что его юриконсульты утверждали, что это давало Истцу основания полагать, что О1 больше не проживает по адресу Холн Чейз 26, и Истец должен был предпринять шаги для выяснения текущего места жительства О1 (согласно CPR 6.9(O-3)), чего, по словам О1, Истец не сделал.

58. Не совсем очевидно, как это может быть ответом на вручение по «обычному или последнему известному месту жительства» ответчика, если суд пришел к выводу (как это сделал я), что указанный адрес (Холн Чейз 26) был обычным местом жительства ответчика. Это может показаться странным, если ответчик действительно проживает по адресу, а тот факт, что его юриконсульты написали перед подачей иска просто «нам сказали, что он там не живет», означает, что он не может быть подан туда без дальнейших действий со стороны Истца. Однако я вижу, что при таких обстоятельствах, возможно, CPR 6.9(O-3) все же требует, чтобы Истец предпринял упомянутые разумные шаги и (учитывая выводы, к которым я пришел) пришел к выводу, что Ответчик все еще проживает по этому адресу (где он, следовательно, может быть вручен согласно CPR 6.9(O-4)). Возможно, это одна из особенностей режима правил 6.9 CPR, которую имел в виду суд в деле Релфо, говоря о «трудностях и неясностях» в формулировке.

59. В любом случае точка зрения О1 не ведет его дальше по фактам данного дела. Истец предпринял дальнейшие шаги, достаточные для удовлетворения требований CPR 6.9(О-3), в том числе поручил агенту по расследованию выяснить, проживает ли О1 в Англии по одному из указанных адресов. Информация, полученная агентом, включала заявления, внесенные в корпоративные реестры, о том, что О1 проживает по адресу Холн Чейз 26, даже после даты, когда его юрисконсульты заявили, что он больше не проживает в Англии, и заявление, внесенное в реестр компаний Великобритании в мае 2023 года, о том, что он проживает в Великобритании. Они не смогли найти ни одного адреса в Дубае для О1, указанного в каких-либо общедоступных документах. Этого было достаточно, чтобы они пришли к выводу, что О1 по-прежнему проживает в Великобритании по адресу Холн Чейз 26 (или, по крайней мере, по одному из Холн Чейз 26 и Инграм-авеню 27), или, в качестве альтернативы, что Холн Чейз 26 было последним известным местом жительства О1.

60. Таким образом, вручение по адресу Холн Чейз 26 было вручением по обычному месту жительства О1 по смыслу CPR 6.9(О-2). Даже если, вопреки этому, этот адрес не был его обычным местом жительства, это было его последнее известное место жительства. Таким образом, вручение О1 было произведено в пределах юрисдикции.

Разделы 1140 и 1141 Закона о компаниях 2006 года

61. Истец также утверждал, что О1 было правомерно вручено исковое заявление по адресу Фалклэнд Роуд 5А, в соответствии со статьей 1141 Закона о компаниях 2006 года. Вывод, к которому я пришел выше в отношении вручения по-обычному или последнему известному месту жительства О1, означает, что вопрос о том, было ли вручение правомерным, когда исковое заявление было доставлено по адресу Фалклэнд Роуд 5А, не влияет на взгляд в отношении юрисдикции. Однако, учитывая, что этот вопрос был оспорен обеими сторонами, я изложу свою точку зрения.

62. На дату предполагаемого вручения искового заявления, насколько это было существенно, раздел 1140 Закона о компаниях 2006 года гласил следующее:

«1140 Документы директорам, секретарям и другим лицам вручаются:

(1) Документ может быть вручен лицу, к которому применяется данный раздел, путем оставления его по зарегистрированному адресу этого лица или отправки его по почте.

(2) Данный раздел применяется к -

(а) директору или секретарю компании; ...

(3) Этот раздел применяется независимо от цели данного документа.

Он не ограничивается вручением для целей, вытекающих из назначения или должности, упомянутых в подразделе (2), или в связи с соответствующей компанией.

(4) Для целей данного раздела «зарегистрированный адрес» лица означает любой адрес, который на данный момент указан в качестве текущего адреса в отношении этого лица в части реестра доступной для общественной проверки.

(5) Если уведомление об изменении этого адреса подано регистратору, лицо может правомерно вручить документ по ранее зарегистрированному адресу до конца периода в 14 дней, начинающегося с даты регистрации уведомления об изменении.

(6) В силу настоящего раздела вручение не может быть произведено по адресу:

(а) если было зарегистрировано уведомление о прекращении назначения, в связи с которым был зарегистрирован данный адрес, и данный адрес не является

зарегистрированным адресом соответствующего лица в связи с любым другим назначением;

(b) в случае лица, занимающего любую должность, упомянутую в подразделе (2)(b), если зарубежная компания перестала иметь какую-либо связь с Соединенным Королевством, в силу которой она должна зарегистрировать сведения в соответствии с разделом 1046.

(7) Дополнительные положения, касающиеся вручения и других вопросов, содержатся в положениях о связи с компанией (см. раздел 1143).

(8) Ничто в настоящем разделе не должно рассматриваться как затрагивающее любой закон или норму права, в соответствии с которыми требуется разрешение на вручение вне юрисдикции.»

63. После даты предполагаемого вручения в данном деле в раздел 1140 были внесены поправки, включающие подраздел (2)(aa):

«(aa) лицо, являющееся лицом, подлежащим регистрации или соответствующим, подлежащим регистрации юридическим лицом в отношении компании (в рамках значений, указанных в разделе 790C)».

Таким образом, лицо с существенным контролем попадает под действие раздела 1140. Общеизвестно, что если бы подраздел (2)(aa) действовал на дату вручения в данном деле, то ответчику O1 документ мог бы быть вручен по адресу, зарегистрированному в Companies House как лицу с существенным контролем компании Mirakhmedov Foundation Limited.

64. Раздел 1141 гласит следующее:

«1141 Адреса вручения

(1) В Законах о компаниях «адрес вручения» в отношении лица означает адрес, по которому документы могут быть в действительности вручены этому лицу.

(2) Государственный секретарь может своими постановлениями определить условия, которым должен соответствовать адрес вручения.

(3) Постановления по данному разделу подлежат процедуре отрицательного решения».

65. Истец признал, что в соответствующее время O1 не подпадал под действие раздела 1140, и не пытался сослаться на него в своих доводах. Напротив, он заявил, что раздел 1141 был достаточен для его целей или, по крайней мере, был достаточен в сочетании с двумя другими разделами, на которые он ссылался, а именно: (i) раздел 790K(1)(b), который предусматривает (и так было в соответствующее время), что, будучи лицом с существенным контролем Mirakhmedov Foundation Limited, O1 должен был предоставить служебный адрес, и (ii) раздел 1142, который гласит: «Любое обязательство по Закону о компаниях предоставить адрес лица означает, если иное прямо не предусмотрено, предоставление служебного адреса для этого лица».

66. Важно, однако, не рассматривать раздел 1141 в отдельности, а рассматривать его вместе с разделом 1140. В ряде решений первой инстанции было подтверждено, что директору компании, проживающему за пределами юрисдикции, но указавшему адрес в пределах юрисдикции в качестве своего «зарегистрированного адреса» в соответствии с разделом 1140, документ может быть вручен по этому адресу в пределах юрисдикции, и что разрешение на вручение разбирательства за пределами юрисдикции не требуется. См. дело PJSC Bank v Zhevago [2021] EWHC (Высокий суд Англии и Уэльса) 2522 (Ch), в котором Флоу Си (в параграфах 46-56) пришел к выводу, что соответствующее решение по делу Idemia France SAS v Decantur Europe Limited [2019] EWHC 946 (Comm) (Королевский адвокат

Ричард Солтер заседал в качестве заместителя судьи Высокого суда) (и которому впоследствии последовали в других делах) было правильным. Флоу Си заключил (в пункте 55):

«Суть раздела 1140 заключается в том, что если директор предоставил «зарегистрированный адрес» в смысле, указанном в подразделе (О-4), который включает в себя «обычный адрес проживания», предусмотренный формой 288а, и этот адрес находится в пределах юрисдикции, то действие раздела заключается в том, что директору может быть вручен иск по этому адресу, даже если он физически не находится в пределах юрисдикции в момент вручения. Ситуация меняется, если адрес, указанный в форме или в записях, хранящихся в Регистрационной палате, является адресом за пределами юрисдикции. Как пояснил магистр Марш в деле *Key Homes*, именно такая ситуация охватывается разделом 1140(8): если указанный «служебный» адрес находится за пределами юрисдикции, раздел 1140 не может быть использован для осуществления вручения, и применяются обычные правила, требующие получения разрешения на вручение вне юрисдикции».

67. Важное значение имеют подробные положения раздела 1140. В разделе 1140(О-3) четко указано, что его положения применяются независимо от цели вручения документа: «Он не ограничивается вручением для целей, вытекающих из назначения или должности, упомянутых в подразделе (О-2), или в связи с соответствующей компанией». Раздел 1140(8) прямо сохраняет, как отмечалось в приведенной выше цитате из *Zhevago*, необходимость запрашивать разрешение на вручение вне юрисдикции, если указанный адрес является адресом за пределами юрисдикции.

68. Раздел 1140 был описан в деле *Key Homes Bradford Ltd v Patel* [2015] 1 BCLC (Сборник судебных решений Баттеруорта по корпоративным делам) 402 (магистр Марш) (на который опирался и которому следовал Королевский адвокат Ричард Солтер в деле *Idemia*) как «основание для вручения директору, которое полностью выходит за рамки положений о вручении в CPR (Правила гражданского судопроизводства). Это параллельный кодекс». Было сказано, что раздел 1140 «[вводит] новый режим вручения документов директорам, который должен был иметь широкое действие».

69. Отчасти важным контекстом этих решений является то, что в деле *SSL International Plc v TTK LIG Ltd* [2011] EWCA Civ 1170, [2021] 1 WLR 1842 (в пункте 57) лорд-судья Стэнли Бернтон определил, что: «Общий принцип общего права заключается в том, что при отсутствии специального положения, как, например, в правилах о вручении вне юрисдикции, суды осуществляют юрисдикцию только в отношении тех, на кого распространяется юрисдикция, т.е. в пределах юрисдикции». Было решено (в делах *Key Homes* и *Idemia*, а также подтверждено в деле *Zhevago*), что раздел 1140 является таким «конкретным положением», что «общий принцип», определенный таким образом, не применяется.

70. Я также отмечаю, что в пункте 126 дела *Idemia* судья отметил, что магистр Марш опирался на комментарий к статье 747 законопроекта (которая в итоге стала статьей 1140), когда он проходил через парламент:

«Этот пункт является новым положением. Оно гарантирует, что адрес, указанный в публичном досье любого директора или секретаря, будет действителен для вручения документов этому лицу. Подраздел (3) предусматривает, что адрес действителен, даже если документ не имеет отношения к обязанностям директора или секретаря».

71. Именно на этом фоне следует рассматривать дело Истца в данном заявлении, где он утверждает, что может вручить документ ответчику O1 по адресу, зарегистрированному для

него в Регистрационной палате, даже если O1 проживает за пределами юрисдикции, и даже если он не подпадает под действие раздела 1140, просто опираясь на положения раздела 1141. На мой взгляд, очевидно, что Истец не может ссылаться на раздел 1141 для этой цели.

- i) Раздел 1141 просто определяет, что такое «адрес вручения» (а именно, адрес, по которому лицу могут быть вручены документы), и предусматривает, что могут быть приняты постановления, определяющие условия, которым должен соответствовать адрес вручения. Постановления уже приняты: см. Постановления 2008 года к Закону о компаниях 2006 года (Ежегодная декларация и адреса обслуживания) (SI 2008/3000 с поправками, внесенными SI 2011/1487), которые включают в себя, в положении 10, следующее:

«Для целей раздела 1141 Закона о компаниях 2006 года (условия, которым должен соответствовать адрес вручения) условия заключаются в том, что адрес вручения должен быть местом, где:

- (a) вручение документов может быть осуществлено путем физической доставки; и
 - (b) доставка документов может быть зафиксирована путем получения подтверждения о доставке».
- ii) Раздел 1141, таким образом, определяет, что такое «адрес вручения», и содержит положения, определяющие условия, которые должны быть выполнены для действительного адреса вручения, но сам по себе он не создает никакого нового или отдельного правила, по которому лицу может быть вручен документ, связанный с судебным процессом. Раздел 790K(1)(b), требуя от PSC указывать «адрес вручения», также не означает, что раздел 1141 создает такое новое или отдельное правило, позволяющее вручать документы, связанные с судебным процессом.
 - iii) Органы, рассматривавшие раздел 1140 и пришедшие к выводу, что он может использоваться для вручения лицу, подпадающему под его действие, по «зарегистрированному адресу» в пределах юрисдикции, даже если оно проживает за границей тщательно рассмотрели подробные положения раздела 1140, придя к мнению, что он может быть использован для этой цели. Как указано в комментарии к законопроекту, приведенном выше, предполагалось, что адрес будет иметь силу для целей вручения, даже если документ не имеет отношения к должности, которая привела к включению зарегистрированного адреса в реестр компаний. Это последнее намерение было прямо выражено в подразделе (3). Ни одна из инстанций не предполагает, что сделанный вывод был бы возможен без опоры на раздел 1140, и ни одна из них не предполагает, что раздела 1141 самого по себе было бы достаточно.
 - iv) В подраздел (8) раздела 1140 была включена формулировка, сохраняющая необходимость вручения вне юрисдикции, если зарегистрированный адрес находится за пределами юрисдикции. Если раздел 1141 должен был иметь тот эффект, на который претендует Истец, трудно понять, почему аналогичная формулировка не должна была быть включена в связи с разделом 1141.
 - v) Если бы раздел 1141 действительно имел действие, на которое ссылается Истец, то возник бы вопрос, зачем вообще нужен раздел 1140. Когда я спросил г-на Самека (который выступал от имени Истца вместе с г-ном Халбаном) в ходе спора, какова, согласно его толкованию раздела 1141, цель раздела 1140, он в итоге сказал, что, возможно, раздел 1140 является бесполезным. Парламент не мог этого допустить.

72. В результате, Истец не может доказать, что документ был вручен ответчику O1 путем

доставки искового заявления по адресу Фолклэнд Роуд 5А.

Ходатайство о разрешении на вручение вне юрисдикции

73. Стороны не оспаривали, что для того, чтобы Истец мог получить разрешение на вручение ответчику вне юрисдикции, он должен убедить суд в том, что:

- i) В отношении иностранного ответчика, которому будет вручено искомое заявление, существует серьезный вопрос, подлежащий рассмотрению по существу, т.е. иск должен иметь реальную, а не надуманную перспективу успеха.
- ii) Имеются веские аргументы в пользу того, что иск к иностранному ответчику подпадает под одну или несколько категорий дел, по которым может быть дано разрешение на вручение вне юрисдикции. Они изложены в пункте 3.1 документа PD6B.
- iii) При всех обстоятельствах Англия явно или определенно является надлежащим форумом для рассмотрения спора, и что при всех обстоятельствах суд должен воспользоваться своим усмотрением и разрешить вручение иска за пределами юрисдикции. Это отражено в CPR 6.37(3).

См. АК Investment CJSC v Kyrgyz Mobil Tel Limited [2011] UKPC (Тайный совет Великобритании) 7, [2012] 1 WLR 1804 в пункте 71; Brownlie v Four Seasons Holdings Inc [2017] UKSC (Верховный Суд Великобритании) 80, [2018] [2018] 1 WLR 192 в пункте 3.

74. Как подчеркнули Ответчики, тот факт, что разрешение было выдано по ходатайству без уведомления, в значительной степени не имеет значения на стадии *inter partes*. Как сказано в книге «Бриггс, гражданская юрисдикция и судебные решения (7-е изд.)», в пункте 24-04, он «не оставляет следов». Истец должен доказать эти обстоятельства, несмотря на то, что именно ответчики ходатайствуют об отмене постановления судьи Диас (см. *Navig8 Pte Ltd v Al-Riyadh Co for Vegetable Oil Industry* [2013] EWHC 328 (Comm), [2013] 2 CLC 461, Эндрю Смит Дж. в пункте 10).

Проверка на наличие серьезного вопроса, подлежащего рассмотрению

75. Как я уже отмечал выше, именно Истец должен доказать наличие серьезного вопроса, подлежащего рассмотрению, то есть иск должен иметь реальную, а не надуманную перспективу успеха. Таков стандарт вынесения решения в порядке упрощенного производства (см. дело лорда Коллинза в деле АК Investment, выше).

76. Что касается вопроса о том, имеются ли веские аргументы в пользу того, что иск подпадает под одну или несколько категорий дел, по которым может быть дано разрешение на подачу вне юрисдикции, перечисленных в пункте 3.1 CPR PD6B (часто называемых «шлюзами»), то эта позиция была рассмотрена лордом Сампшн в деле Brownlie (выше) и в деле *Goldman Sachs International v Novo Banco SA* [2018] UKSC 34. В деле *Goldman Sachs* лорд Сампшн пояснил следующее (в пункте 9):

«Для целей определения вопроса о юрисдикции традиционным критерием является то, был ли у Истца «лучший аргумент» по фактам, относящимся к юрисдикции». В деле *Brownlie v Four Seasons Holdings Inc* [2018] 1 WLR 192, пункт 7, этот суд переформулировал действие этой проверки следующим образом: «(i) Истец должен представить правдоподобную доказательственную базу для применения соответствующего юрисдикционного шлюза; (ii) если существует вопрос факта или иная причина для сомнений в его применении, суд должен принять решение на основании имеющихся материалов, если он может достоверно это

сделать; но (iii) характер вопроса и ограниченность материалов, доступных на промежуточной стадии, могут быть таковы, что надежная оценка невозможна, и в этом случае существует веская аргументация в пользу применения шлюза, если для этого есть правдоподобная (хотя и спорная) доказательная база.» Общепринято, что тест должен быть выполнен на основании доказательств, относящихся к положению на дату начала разбирательства».

77. Апелляционный суд рассмотрел эту переформулированную проверку в деле *Kaefel Aislamentos SA de CV v AMS Drilling Mexico SA de CV* [2019] 1 WLR 3514, объяснив, как она действует на практике, как она соотносится с порогом «дела с должной аргументацией», и как её различные части взаимодействуют с относительным критерием в деле *Canada Trust Co v Stolzenberg (No 2)* [1998] 1 WLR 547 и [2002] 1 AC 1. В своем решении Лорд-судья Грин пояснил:

- i) что касается пункта (i), то Верховный суд, по крайней мере частично, подтвердил относительную проверку в деле *Canada Trust* (*Kaefel*, пункты 73-74). Ссылка на «правдоподобную доказательную базу» в подпункте (i) означает «доказательную базу, свидетельствующую о том, что у Истца более весомые аргументы» (но не «намного» более весомые аргументы). Проверка не является балансом вероятностей, она зависит от конкретного контекста и является гибким. Бремя доказывания лежит на истце.
- ii) Пункт (ii) объясняет, как суд должен подходить к решению этой задачи в условиях, когда доказательства могут быть неполными, не были раскрыты, а показания свидетелей не были проверены перекрестным допросом. Пункт (ii) гласит (*Kaefel*, пункт 78):

«...указание суду стремиться преодолеть трудности с доказательствами и прийти к заключению, если это «достоверно» возможно. В нем признается, что оспаривание юрисдикции неизменно носит промежуточный характер и будет характеризоваться пробелами в доказательствах. Суд не обязан совершать невозможное, но, как известно любому судье, не каждый пробел в доказательствах или спор является существенным или не может быть преодолен. Пункт (ii) - это указание использовать здравый смысл и прагматизм, не в последнюю очередь потому, что это мероприятие должно быть проведено «с должной оперативностью и без заслушивания устных доказательств»..... Следует иметь в виду, что истцы обычно добиваются от ответчика подробного раскрытия информации (как это было сделано в данном деле), рассчитывая (и надеясь), что ответчик будет сопротивляться, тем самым выдвигая аргумент, что ответчик не сотрудничает и скрывает соответствующие материалы по неприемлемым судебным причинам, и что это должно быть использовано против ответчика. В случае наличия подлинного спора судьи хорошо умеют обходить эту проблему».

- iii) Пункт (iii) возникает в тех случаях, когда суд не может прийти к определенному выводу на основании представленных ему доказательств и, следовательно, не может сказать, у кого аргументы лучше (*Kaefel*, пункты 79-80). «В определенной степени это отходит от относительной проверки и вместо него вводит проверку, объединяющую хорошую аргументацию и правдоподобность доказательств. Хотя, несомненно, есть место для споров о том, что это означает для стандарта доказывания, можно утверждать, что это более гибкая проверка, которая не обязательно зависит от относительных преимуществ».

78. Ответчики пытались охарактеризовать применение пункта (iii) как исключительное. С

моей точки зрения, добавление такого уточнения в анализ, изложенный лордом-судьей Грином, не представляется особенно полезным. Очевидно, что суд должен стремиться (в рамках пункта (ii)) преодолеть доказательственные трудности и прийти к выводу, если это можно сделать достоверно, используя те инструменты, которые доступны в данных обстоятельствах (как отметил лорд Сампшн в деле *Goldman Sachs*: «суд должен принять решение на основе доступного материала, если это можно сделать достоверно» (подчеркнуто мной)). Однако если это сделать достоверно невозможно, тогда следует переходить к пункту (iii). Замечу, что аналогичный аргумент был приведен в деле *Hadi Kalo v Bankmed SAL* [2023] EWHC 2606 (Comm), который был рассмотрен судьей Фокстоном в пункте 7:

«Между сторонами велась некоторая дискуссия относительно момента, когда применяется пункт (iii), при этом Банк, в частности, стремился представить его исключительно как крайнюю меру. На первый взгляд, идея о том, что суд «не может прийти к определённом выводу» о том, у кого более сильная позиция по представленным доказательствам, кажется маловероятной — фактически, обе группы юридических советников, скорее всего, сделали именно это. Однако в некоторых случаях характер доказательств таков, что принятие судебного решения о сравнительной значимости доказательств будет несовместимо с характером слушания и запретом проводить мини-процесс. Более того, ограничения представленных материалов могут быть такими, что любое решение о сравнительной значимости лишено той надёжности, которая требуется для судебного решения столь важного значения. Лорд-судья Грин в своей дискуссии о пункте (iii) ссылаясь на решение судьи Тира в деле *Antoni Gramsci Shipping Corp v Reoletos Ltd & Ors* [2012] EWHC 1887 (Comm), [39] и [45], в котором упоминаются случаи, когда «имеется конфликт доказательств, который нельзя разрешить без проведения процесса до начала основного разбирательства,» включая, например, «ярко выраженный спор между противоположными свидетелями» в деле, где «попытка определить, у кого более сильная позиция на основании таких доказательств, сопряжена с риском проведения досудебного разбирательства на промежуточной стадии.» Ранее в своём решении лорд-судья Грин ссылаясь на слова лорда Сампсона в деле *Goldman Sachs International v Novo Banco SA* [2018] UKSC 34, где пункт (iii) описывался как применимый в случаях, когда «невозможно сделать надёжную оценку» сравнительной значимости доказательств.»

79. При рассмотрении вопросов, возникающих в отношении критериев (как и в случае вопроса о «серьёзности подлежащего рассмотрению спора»), эти вопросы обычно должны рассматриваться с опорой на заявленную позицию сторон (см. *Okrabi v Royal Dutch Shell plc* [2021] UKSC 3, [2021] WLR 1294, пункты 103–105).

Серьёзный вопрос, подлежащий рассмотрению – введение

80. Оставив в стороне отдельную позицию Ответчика 4, было заявлено два аргумента в поддержку позиции ответчиков о том, что в отношении иска против них отсутствует серьёзный вопрос, подлежащий рассмотрению. Оба аргумента касались вопроса о том, существовал ли договор, который обязывал их:

ii) Ответчики O1-O3 утверждали, что у Истца нет реальных шансов доказать своё утверждение о существовании предполагаемого устного договора.

iii) Ответчики O2 и O3 заявляли, что даже если договор был заключён между Истцом и O1, нет реальных шансов, что он обязывал их в соответствии с законодательством Казахстана.

81. Эти два вопроса касаются только исков, связанных с договором. Господин Самек указал, что иск о неосновательном обогащении не зависит от существования предполагаемого

устного соглашения, и ни один из Ответчиков не выдвигал аргументов против этого. Я также отмечаю, что господин Самек признал, что, в результате, иск о неосновательном обогащении не подпадает под юрисдикцию на основании «договорного критерия».

82. Эти два вопроса значительно перекрываются с вопросом о том, подпадают ли договорные иски под «договорный критерий» для целей юрисдикции, хотя применяемый тест отличается. Учитывая перекрытие доказательств и фактов (а также, что касается вопросов полномочий, законодательства Казахстана), я рассмотрю эти вопросы, связанные с серьезным спором, подлежащим рассмотрению, вместе с вопросами о «договорном критерии» ниже.

Критерий (1) – место нахождения O1

83. Первым критерием, на который ссылался Истец, было то, что O1 находился в Англии в соответствии с пунктом 3.1(1) Процессуального правила гражданского судопроизводства (CPR) PD6B:

«(1) Иск предъявляется с требованием о предоставлении средства судебной защиты против лица, находящегося в пределах юрисдикции, в значении, предусмотренном статьями 41 и 42 Закона о гражданской юрисдикции и судебных решениях 1982 года.»

84. Раздел 41 Закона о гражданской юрисдикции и судебных решениях 1982 года устанавливает, что физическое лицо считается проживающим в Великобритании, если (а) это лицо является «резидентом» Великобритании, и (b) «природа и обстоятельства его проживания указывают на наличие существенной связи» с Великобританией. Если лицо проживает в Великобритании и является резидентом в течение последних трёх месяцев или более, то предполагается наличие «существенной связи», если не будет доказано обратное: раздел 41(6).

85. Я уже рассмотрел доказательства, касающиеся проживания O1, и пришёл к выводу (в контексте вопроса о том, было ли ему надлежащим образом вручено уведомление в пределах юрисдикции), что он был резидентом в пределах юрисдикции на момент вручения уведомления. Следовательно, вопрос о том, следовало ли предоставить разрешение на вручение уведомления за пределами юрисдикции, становится излишним. В любом случае, ответ на вопрос, был ли O1 резидентом Великобритании для целей подачи заявления о вручении уведомления за пределами юрисдикции на момент подачи иска (при условии, что между подачей и датой предполагаемого вручения не произошло ничего существенного), следует из моих выводов и заключений выше – он был резидентом (и, следовательно, в данном деле, также domiciliрован). Фактически, ситуация является даже более очевидной, поскольку определение проживания для целей подачи заявления о вручении уведомления за пределами юрисдикции не требует указания конкретного «обычного» или «последнего известного» адреса в соответствии с CPR 6.9. Другими словами, даже если мой подход к CPR 6.9 в пунктах 55-60 выше был неверен, выводы в пунктах 52-54 выше достаточны, чтобы продемонстрировать, в рамках стандарта «хорошего обоснованного иска», что O1 был резидентом в пределах юрисдикции на момент подачи иска.

86. В результате, иск подпадает под критерий (1) в отношении O1.

Критерий (3) — Надлежащая сторона

87. CPR PD6B, параграф 3.1(3) применяется в случаях, когда:

(3) Иск предъявлен против лица («ответчика»), на которого подан иск, и —

(a) (между истцом и ответчиком существует реальный вопрос, который разумно

рассматривать в суде; и

(b) Истец желает подать иск другому лицу, которое является необходимой или подходящей стороной для этого иска.”

88. Относительно данного варианта я принимаю во внимание необходимость осторожности при его применении, учитывая его «аномальный характер»: см. АК Investment в параграфе 73 и поддержку, предоставленную в нем для того, что было сказано лорд-судьей Ллойдом в деле The Golden Mariner [1990] 2 Сборник судебных решений 215 на странице 222:

«Я согласен... что всегда необходимо проявлять осторожность при привлечении иностранных ответчиков в нашу юрисдикцию в рамках [варианта необходимой или надлежащей стороны]. Это не должно становиться практикой привлекать иностранных ответчиков сюда как правило только потому, что единственной альтернативой является проведение нескольких процессов в различных юрисдикциях»

89. Однако, рассматривая позицию O2 и O3 и характера исков против них (где они обвиняются в том, что являются совместными сторонами того же соглашения, что и O1, и несут совместную ответственность перед истцом), нельзя реально утверждать, что они не являются надлежащими сторонами иска против O1, если против них существует серьезный вопрос для рассмотрения. Ни O2, ни O3 не пытались утверждать обратное.

Критерий (6) – иск, вытекающий из договора, заключённого на территории юрисдикции

90. Параграф 3.1(6) Правил гражданского судопроизводства (CPR PD6B) применяется в случае, если:

«(6) Иск вытекает из договора, который был:

(a) (i) заключён на территории юрисдикции...»

91. Сначала я рассмотрю вопрос о том, был ли заключён предполагаемый устный договор, а затем перейду к вопросам, касающимся того, были ли O2 и O3 связаны этим договором.

Предполагаемый устный договор

92. Вопрос о том, имел ли Истец основание для утверждения, что его иск основан на договоре, заключённом в юрисдикции, был предметом горячих споров, а основной вопрос заключался в том, был ли заключён устный договор (заключённый в Лондоне), как утверждает Истец. Множество доказательств, представленных для заявлений, касались именно этого вопроса.

93. Вопрос о том, был ли заключён договор, регулируется предполагаемым правом договора — в данном случае, правом Казахстана. (Если договор был заключён, вопрос о том, где он был заключён для целей применения договора в юрисдикции, регулируется английским правом (см. ниже в параграфе 121), хотя, учитывая, что предполагаемый договор был устным и заключённым лично в Лондоне, отдельного спора по этому поводу не было). Тем не менее, ни одна из сторон не пыталась использовать какие-либо конкретные вопросы казахстанского права для этой цели. Хотя очевидно, что стороны спорят по некоторым аспектам казахстанского права, касающимся устных договоров (о чём я вернусь в отношении определения подходящего форума ниже), Ответчики не пытались выдвигать аргументы, что нет серьёзного вопроса для рассмотрения или не существует оснований для иска, касающихся существования или действительности устного соглашения, исходя из такого

вопроса. Для целей определения серьезного вопроса для рассмотрения и для вопроса о юрисдикции данный вопрос рассматривался с учётом фактов и того, в какой степени на основе фактов можно было утверждать, что предполагаемый договор был заключён. Ниже я объясню основные доводы сторон, касающиеся этого вопроса.

94. Как уже было изложено выше, позиция Истца заключается в том, что он заключил устный договор с О1 (который, по его утверждению, также действовал от имени Ответчиков О2 и О3) 10 июня 2017 года в ходе обсуждения, которое прошло на Инграм-авеню 27, во время Ифтара, который они и их семьи собрались разделить. Истец утверждает, что это было завершение серии предварительных обсуждений между Истцом и Ответчиками О1-О3, которые имели место в Казахстане в мае 2017 года.

95. Не оспаривается, что Истец с женой и сыном присутствовали на Ифтаре с Ответчиком О1 и его семьей в 27 Инграм-авеню вечером 10 июня 2017 года. Также не оспаривается, что после ужина Ответчик О1 и Истец с их сыновьями поехали в мечеть на молитву Таравих. Однако это, по сути, и является пределом общего согласия.

- ii) Истец утверждает, что он и его семья прибыли на Инграм-авеню 27 около 20:40. Ответчик О1 утверждает, что это было около 21:15. Никто из них не имеет документа, подтверждающего их воспоминания по этому поводу.
- iii) Истец говорит, что после того, как он прибыл, он и Ответчик О1 вели обсуждение отдельно от членов их семей, время от времени присоединяясь к семьям, чтобы поесть. В ходе этого отдельного обсуждения (до и после еды) Истец утверждает, что они достигли соглашения. Ответчик О1 же утверждает, что после прибытия Истца и его семьи был короткий легкий прием пищи, затем вечерняя молитва, после чего они вернулись к столу для основного ужина; он говорит, что это было чисто социальное событие, и что никакие деловые вопросы не обсуждались. Кроме того, он утверждает, что «считается неподобающим обсуждать дела в религиозный праздник, такой как Ифтар».
- iv) Истец утверждает, что они покинули дом около 22:50, чтобы поехать в мечеть. Ответчик О1 первоначально помнил, что они покинули дом для выезда в мечеть около 21:55, но позднее нашел соответствующую квитанцию Uber, которая показала, что они на самом деле уехали около 22:15. Ответчик О1 утверждает, что (по его версии) одного часа было недостаточно для Ифтар-приема пищи и обсуждений/соглашения, которое, по утверждению Истца, состоялось. Истец, в свою очередь, утверждает, что он прибыл раньше и у них было достаточно времени.
- v) После молитвы в мечети обе стороны согласны, что они шли вместе в сторону отеля Истца (Ответчик О1 утверждает, что не мог бы взять такси сразу у мечети). Истец утверждает, что они пересмотрели пункты своего соглашения, пока шли; Ответчик О1 говорит, что никакие дела не обсуждались.
- vi) Истец также представил свидетельства от своей жены и сына, поддерживающие его рассказ о событиях, включая утверждения каждого из них, что в конце вечера, когда они остались вдвоем, Истец сказал им, что он «стал бизнес-партнером [Ответчика О1] в проекте по майнингу биткойнов и ему предложили хорошую долю в предприятии»¹.

¹ Цитата взята из заявления сына Истца (которое было сделано на английском языке), но аналогичная часть английского перевода заявления жены Истца (сделанного на русском языке) содержит практически идентичные формулировки.

96. В отношении утверждений о встрече 10 июня 2017 года Ответчики обращают внимание на, и опираются на, изменчивый характер рассказа Истца по этому вопросу, в частности на тот факт, что в письме до подачи иска вообще не упоминалась эта встреча. Я уже упоминал об этом и других аналогичных моментах в пунктах 13-14 выше.

97. Истец также опирался на определенные документы и коммуникации, все из периода после даты, когда, по его утверждениям, было заключено соглашение, которые, по его мнению, подтверждают его версию событий, однако по этим документам имеются существенные споры:

- i) 23 июля 2017 года ОЗ отправил Истцу документ, в котором перечислены активы и расходы проекта, и Истец утверждает, что в нем упоминается «объект Е. Алимова» как актив совместного предприятия СП GM, оцененный в 16 миллионов долларов. Истец считает, что это относится к Сталь и зданиям АБК, которые являются его активами, которые он вносил в предполагаемое совместное предприятие, таким образом признавая его вклад (хотя он признает, что 16 млн долларов — это завышенная оценка стоимости). ОЗ опровергает это и дает подробное объяснение, утверждая, что речь идет о другой электростанции — Риддерской, которой Истец не владел, но предложил им (отсюда и описание «объект Е. Алимова») и что цель таблицы — расчет прибыльности для этого потенциального объекта.
- ii) 10 августа 2017 года г-н Гойгов, сотрудник О1-ОЗ отправил истцу по WhatsApp электронную таблицу доходов и расходов для совместного предприятия СП GM («Таблица доходов и расходов августа 2017 года»). В ней указаны доходы: «казахстанской стороны» совместного предприятия СП GM (то есть О1-ОЗ в размере около 16,6 млн долларов (половина общей прибыли предприятия)). За этим следует запись «Доходы казахстанского партнера (ЕА)» в размере около 5,8 млн долларов. «ЕА» — это инициалы Истца на русском языке, и эта цифра составляет ровно 35% от суммы доходов О1-ОЗ.
 - a) Истец утверждал, что это подтверждает его версию о том, что было согласовано, что ему будет принадлежать 35% от биткойнов, полученных О1-ОЗ.
 - b) Ответчики оспаривают подлинность этой таблицы. Хотя номер телефона, с которого, как видно, было отправлено сообщение по WhatsApp, был подтвержден г-ном Гойговым как его номер, г-н Гойгов заявил в своем свидетельском показании, предоставленном для этих заявлений, что он не узнает сообщение и документ, который, как утверждается, был прикреплен к нему. Он сказал, что не помнит общения с Истцом через WhatsApp вообще, хотя несколько раз разговаривал с ним по телефону. Он не смог проверить, было ли такое сообщение отправлено, поскольку с 2017 года он сменил телефон, с 2018 года использует другой номер и не имеет доступа к старым сообщениям.
 - c) Ответчики утверждали, что таблица была изменена Истцом (или по поручению Истца) из документа, который ОЗ отправил ему по электронной почте (который был очень похож), и что строка, относящаяся к «Доходам казахстанского партнера (ЕА)», была добавлена.
 - d) Юристы Истца подтвердили, что они проверили оригинальное сообщение в WhatsApp на телефоне Истца, к которому прикреплена таблица в том виде, в котором она была представлена истцом. Однако ни Истец, ни ответчики не привлекали IT-эксперта или

судебного эксперта для анализа этого документа.

- iii) Истец утверждает, что он обращался к О1-О3 с просьбой о создании корпоративной структуры и о том, когда он получит свои акции. Он ссылается на сообщения в Telegram (которые, по его словам, были отправлены 16 февраля 2018 года), которые он получил от О3 следующего содержания (в переводе)²:

«Кроме того, брат, мы все нигде не оформлены, ты сам видишь, мы ничего от тебя не скрываем. Ты действительно думаешь, что кто-то из нас тебя обманет?»

«Брат, это не его [то есть О1] сделка, это наша сделка. Думаю, его предложения были отличными, он оплачивает все полностью, несмотря ни на что, мы становимся акционерами, разве сейчас можно найти людей с такой широкой душой?»

Истец утверждал, что ссылка на «мы становимся акционерами» была связана с процессом создания О4, что заставило его думать, что предполагаемое Лондонское соглашение выполняется. В ответ О3 утверждал, что ссылка на

«акционеров» касалась только О1-О3, а не также Истца, и что более широкий контекст сообщений важен, поскольку эти сообщения были отправлены в ответ на настойчивые просьбы Истца о выплатах, а не в контексте какого-либо акционерного участия с его стороны.

98. Истец также опирается на то, что, по его утверждениям, являлось частичным выполнением Лондонского соглашения в виде платежей, которые О1-О3 подтверждают, что они сделали ему в виде биткойнов на сумму, эквивалентную около 1,7 миллиона долларов США в период с января по август 2018 года (точная сумма оспаривается — Истец указывает сумму 1,69 миллиона долларов США; Ответчики — около 1,75 миллиона долларов США, при этом О3 заявляет, что это 1 756 650 долларов США). Истец утверждает, что эти платежи были частью его 35% доли в биткойнах, полученных О1-О3, и что платежи, полученные за первые месяцы, составляют точно 35%. Ответчики отрицают этот расчет, утверждая, что он был тщательно составлен так, чтобы сумма совпала с тем, что Истец утверждает, как 35%, но на самом деле, если расчет провести правильно, получится 9,8%. Истец также обращает внимание на электронные таблицы, позже переданные ему (через других лиц, включая его брата), которые, по его словам, были составлены О3, в которых рассчитывается 35% доля за более поздний период, но утверждает, что ему была выплачена меньшая сумма. Однако О3 говорит, что он не признает эти таблицы, так как они не выполнены в стиле или формате, который он обычно использует.

99. В свою очередь, Ответчики представили в своих доказательствах объяснение тех фактов, которые они признают (включая платежи в биткойнах Истцу). Они утверждают, что у них действительно было соглашение с Истцом (хотя и не обязательное соглашение), что он будет выполнять роль некоего "брокера" или "посредника" в поиске и приобретении недвижимости, за что ему полагалась комиссия. Например, О2 говорит, что О1-О3 искали площадки для их бизнеса по майнингу биткойнов, и Истец представил им несколько потенциальных объектов, из которых они в итоге купили Сталь и здания АБК. О2 утверждает, что в обмен на его рекомендации Истец попросил, чтобы за активы была уплачена справедливая рыночная стоимость, а также комиссия, выплаченная ему в биткойнах на сумму 1,75 миллиона долларов США. О2 добавляет: "Я не уверен, как мистер Алимов пришел к этой цифре, и мы

² Первоначально существовали конкурирующие переводы этих сообщений. Здесь приводится цитата из перевода, на который опирался ДЗ в своем первом заявлении и который истец в своем (последующем) заявлении с удовольствием принял для этих целей.

никогда не вели переговоры по этому вопросу с ним", хотя он заявил, что они условились, что платеж будет "зависеть от финансового положения бизнеса и его прибыльности".

Изначально существовали конкурирующие переводы этих сообщений. Приведенная здесь цитата является переводом, на который ссылался ОЗ в своем первом заявлении, и который Истец в своем (позднейшем) заявлении согласился использовать для этих целей.

100. Этот рассказ, в свою очередь, оспаривается Истцом, который указывает на то, что, по его мнению, имеются определенные трудности с ним, включая:

- i) Доказательства Истца заключаются в том, что он был бенефициарным собственником ККС Караганды, и решения компании принимались по его указаниям, что, по его мнению, противоречит идее, что он был «брокером» или «посредником» при продаже принадлежащих ему активов. Другие свидетели, которые предоставили заявления для Истца, поддержали это, включая г-на Наурзалиева (директора ККС Караганды) и г-жу Сояеву (предположительно номинального акционера ККС Караганды).
- ii) Истец указывает на свидетельства О2, в которых утверждается, что ответчики просто приняли цифру в 1,75 млн долларов США, предложенную Истцом в качестве его «комиссии», без всяких переговоров. Он утверждает, что с коммерческой точки зрения совершенно нереалистично, чтобы ответчики не пытались договориться о сумме.
- iii) Истец также отмечает, что сумма «комиссии» в размере \$1,75 млн была почти в два раза больше полной цены продажи активов, как это указано в договорах купли-продажи, которые (в эквиваленте в долларах США) составляют 159 000 долларов США за Сталь и 855 000 долларов США за здания АБК. Он утверждает, что нелепо, чтобы брокер или посредник получал не только больше стоимости проданного актива, но и почти в два раза больше цены продажи.

101. Что касается передачи Сталь и зданий АБК, ответчики утверждают, что они были проданы по рыночной стоимости, которая была указана в договорах купли-продажи этих объектов. Они утверждают, что продажа была проведена на рыночных условиях, и что Истец получил комиссию за сделку. С другой стороны, Истец утверждает, что это не так, и что цена, указанная в договорах купли-продажи, была просто «номинальной балансовой стоимостью», а сами «продажи» на самом деле были переводом имущества в совместное предприятие в качестве его вклада в него, согласно договоренности, которую, по его словам, он заключил. Истец попытался подтвердить свою позицию с помощью свидетельств г-на Наурзалиева, г-жи Сояевой и его брата, Айдына Алимова³.

102. Для подтверждения позиции ответчиков ОЗ утверждал, что ККС Караганды приобрела Сталь и здания АБК относительно недавно (в феврале 2017 или январе 2018), а затем перепродала их, что соответствует его роли посредника. Однако Истец утверждает, что он также был 90% бенефициарным собственником компании, которая продала активы ККС Караганды, а именно ТОО «Temirshi», таким образом, он уже фактически был конечным собственником этих активов.

103. То, как предполагаемая продажа Стали и зданий АБК компании Ниа Тун (Хуа Тун) соотносится с данным делом, также является предметом спора между сторонами.

- i) Ответчики утверждают, что позиция Истца о том, что соглашение было заключено 10 июня 2017 года, несовместима с тем, что 13 июня 2017 года ККС Караганды подписала

³ Айдын Алимов описывает себя как «в основном младшего партнера [истца] или наемного менеджера, в зависимости от того, в какое дело я был вовлечен вместе с ним».

контракт с компанией Hua Tun (Хуа Тун) о продаже Стали и зданий АБК (наряду с заводом Вторпром). (Этот контракт был описан в письме Истца перед иском как «предварительное соглашение»). Они утверждают, что, если бы Истец считал, что он заключил соглашение, о котором он теперь утверждает, 10 июня (включая возможность передачи Стали и зданий АБК в совместное предприятие), он бы не согласился продать эти активы компании Hua Tun (Хуа Тун) всего через 3 дня.

- ii) Истец отвечает на это, утверждая, что с компанией Hua Tun (Хуа Тун) было заключено предварительное письменное соглашение 12 марта 2017 года (хотя оно не упоминалось и не было идентифицировано в его досудебной претензии), в соответствии с которым ККС Караганды задерживалась с передачей активов, что ставило под угрозу продажу компании Hua Tun (Хуа Тун), и что 13 июня ККС Караганды подписала соглашение с компанией Hua Tun (Хуа Тун), чтобы «сохранить сделку», зная, что, если ему все-таки придется передать Сталь и здания АБК в совместное предприятие, он всегда может попытаться пересогласовать с компанией Hua Tun (Хуа Тун) исключение этих активов из продажи⁴.
- iii) Ответчики, в свою очередь, оспаривают подлинность предполагаемого соглашения от 12 марта 2017 года и ссылаются на письмо от компании Hua Tun (Хуа Тун), в котором отрицается существование этого соглашения.
- iv) В ответ Истец представил свидетельское заявление одного из своих сотрудников, г-на Бегалиева, который предоставил электронную переписку с представителем компании Hua Tun (Хуа Тун) в Казахстане и китайским юристом компании, в которой содержатся изменения в проекты соглашения и окончательная версия, а также письма, подтверждающие дату встречи для подписания.

104. Ответчики также ссылаются на ряд странностей, которые, по их мнению, возникают из того, что утверждает Истец относительно согласованного. Эти странности включают:

- i) Предполагаемое соглашение включало в себя обязательство Истца гарантировать, что цена на электроэнергию, вырабатываемую для совместного предприятия, не будет превышать (что он называет «дешевой ценой») 0,04 доллара США за кВтч, а также что он будет получать (в дополнение к акциям и биткойнам) сумму, равную разнице между 0,04 доллара США за кВтч и фактической ценой, по которой электроэнергия поступала для совместного предприятия. В своем свидетельском заявлении Истец утверждает, что он «гарантировал [О1]» цену около 0,024 и 0,027 доллара США. Однако Ответчики обращают внимание на тот факт, что в рамках обсуждений всего несколько месяцев назад г-н Бегалиев информировал компанию Hua Tun (Хуа Тун), что невозможно гарантировать низкие цены на электроэнергию, и не может быть включена в соглашение с компанией Hua Tun (Хуа Тун) оговорка, гарантирующая такие цены, так как это вопрос, относящийся к «ТЭЦ (Теплоэлектроцентраль) и Агентству по регулированию природных монополий». Это в целом согласуется с доказательствами О1, согласно которым тарифы на электроэнергию устанавливаются «Комитетом по регулированию природных монополий Министерства национальной экономики Республики Казахстан».

⁴ Существует также побочный спор о том, что, по словам Истца, нужно было предложить местным представителям компании Hua Tun (Хуа Тун) в Казахстане, чтобы они убедили компанию Hua Tun (Хуа Тун) освободить ККС Караганды от обязательства продать Сталь и здания АБК компании Hua Tun (Хуа Тун). Истец утверждает, что он передал им жилую недвижимость и два Mercedes-Benz S500, и что О2 согласился возместить ему эти расходы, что О2 отрицает.

- ii) Факт того, что согласно предполагаемому соглашению Истец должен был получать те же выплаты (35% доли О1-О3, 35% биткойнов, полученных О1-О3 до создания корпоративного предприятия, и разницу в цене за электроэнергию, как указано выше), независимо от того, выполнил ли он свои обязательства путем (i) поиска подходящих электростанций для покупки О1-О3 (включая представление и переговоры), или (ii) путем передачи права собственности на Сталь и здания АБК. На первый взгляд, вариант (ii) был бы гораздо более затратным для Истца, чем вариант (i).

105. Ответчики также утверждают, что крайне маловероятно, что соглашение, имеющее такое потенциальное значение и сложность, как предполагаемое Истцом, было бы заключено устно, в ходе таких кратких обсуждений. Они также опираются на тот факт, что Истец не стремился зафиксировать в письменной форме условия соглашения, которое, как он утверждает, было заключено, даже для собственных нужд, как напоминание⁵. Истец возразил на это в своем показании, сославшись на то, что в Казахстане существует, по его словам, «общее понимание», особенно среди «старой школы» бизнесменов, что сделка заключается на основе джентльменского соглашения, без подписания письменных договоров. Он также добавил, что не было необходимости в более длительных обсуждениях, поскольку детали сделки уже были обсуждены на встречах, которые проходили в Казахстане.

106. Заметной особенностью обсуждений на слушаниях было то, что каждая сторона в основном тратило свое время на то, чтобы опровергать версию другой стороны о фактах, и очень мало времени уделяла объяснению того, как их версия согласуется с документальными доказательствами (какие бы они ни были).

107. Я изложил выше основные аргументы сторон по вопросу, было ли заключено предполагаемое устное соглашение. Мое описание позиций сторон не является исчерпывающим обзором всех точек зрения, представленных сторонами в их доказательствах и заявлениях по данному вопросу, которых было очень много (хотя я учел все эти моменты при принятии решения).

108. Однако, что ясно, даже из приведенных выше материалов, так это то, что этот случай не подходит для решения по типу промежуточного судебного решения. Пытаться разрешить споры сторон о том, было ли заключено устное соглашение, как утверждается, потребовало бы проведения так называемого «мини-судебного разбирательства» и привлекло бы суд к оценке прямо противоречивых доказательств на фоне несоответствующих документов. Это не является подходящим для применения в процессе вынесения промежуточного судебного решения, и также не является уместным при оценке вопроса «существенного вопроса для рассмотрения», как он возникает при заявлении о предоставлении разрешения на подачу иска за пределами юрисдикции.

109. В деле Истца есть определенные явные трудности или странности, включая: (i) изменение его позиции между письмом перед иском и деталями иска, (ii) утверждение о том, что подробное устное соглашение было достигнуто за относительно короткое обсуждение на семейной / социальной / религиозной встрече, (iii) подписание соглашения о продаже с компанией Ниа Тун (Хуа Тун) всего через три дня после того, как утверждается, что было заключено устное соглашение. Однако ни одно из этих обстоятельств не является решающим, и Истец представил объяснения, которые нельзя отвергнуть без дальнейшего рассмотрения.

⁵ Ответчики также ссылались на высказывание судьи Поплуэлла в деле *Edgeworth Capital (Luxembourg) SARL против Aabar Investments PJS* [2018] EWHC 1627 (Comm) в пункте 34, где отсутствие письменных записей у опытных бизнесменов может убедительно указывать на отсутствие устного контракта.

Более того, объяснения Ответчиков относительно причин, по которым Истец получил биткойны (а именно как "комиссию" за продажу недвижимости), сами по себе имеют свои сложности. Есть также ряд документов, на которые полагается Истец, и которые на первый взгляд поддерживают его позицию, включая электронную таблицу от августа 2017 года (где указано "Доход партнера из Казахстана (ЕА)" на уровне 35% от суммы для О1-О3. Я полностью признаю, что Ответчики не принимают подлинность этой таблицы, но, с учетом доказательств, представленных суду, в рамках настоящего заявления я не могу отклонить ссылку Истца на нее. Другие документы, которые, на первый взгляд, поддерживают его позицию, включают письмо от 23 июля (где "объект Е. Алимова" упоминается как актив совместного предприятия) и ссылку на "мы становимся акционерами" в сообщении в Telegram от О3. Ответчики не согласны с трактовкой этих документов, но позиция Истца в отношении них не может быть разумно отклонена без дальнейшего исследования фона, чего невозможно достичь в рамках такого заявления.

110. В результате, я не могу сделать вывод, что нет серьезного вопроса, который подлежит рассмотрению в связи с вопросом о том, было ли заключено устное соглашение, как утверждает Истец.

111. Этот вопрос также возникает в контексте «контрактного порога», где ключевым вопросом является, есть ли у Истца веские аргументы по этому вопросу.

112. Я изложил выше подходы в праве, которые определяют юридический подход, в пунктах 76-78. То, что в деле *Caefeg* было охарактеризовано как первый этап, заключается в вопросе, существует ли доказательная база, показывающая, что у Истца есть более сильный аргумент: это относительный тест. То, что было охарактеризовано как второй этап, указывает суду преодолеть доказательные трудности и прийти к заключению, если это возможно «с уверенностью». Следовательно, первый вопрос заключается в том, могу ли я надежно прийти к выводу о том, у кого из сторон более убедительные аргументы по этому вопросу. На мой взгляд, в обстоятельствах данного дела я не могу этого сделать, даже используя «судебный здравый смысл и прагматизм», как это предложил лорд-судья Грин в деле *Caefeg*. Мои причины для такого вывода, следующие:

- i) Это потребует предпочтения одного из показаний Истца и О1 относительно содержания обсуждения на встрече 10 июня 2017 года перед другим, в условиях, когда существует мало (или нет) независимых или (неоспариваемых) документальных доказательств, которые могли бы прояснить, кто более вероятно прав. Это потребует оценки достоверности каждого из них, что приведет к необходимости учитывать широкий спектр других факторов, которые могут повлиять на эту достоверность. Это также потребует оценки достоверности показаний сына и жены Истца, снова без какого-либо документального контекста для ориентира.
- ii) Это потребует оценки подлинности хотя бы некоторых из документов, по которым возникли вопросы относительно их подлинности. В частности, августовская таблица 2017 года, которая на первый взгляд поддерживает позицию Истца, но лицо, которое, как утверждается, отправило ее, заявляет, что оно никогда не отправляло истцу сообщение в WhatsApp, а ответчики утверждают, что таблица была изменена из другой, ранее отправленной истцу. Другим примером является предполагаемое соглашение от 12 марта 2017 года между ККС Караганды и компанией *Hua Tun* (Хуа Тун), которое Истец использует для опровержения того, что его позиция по поводу устного соглашения подрывается соглашением с компанией *Hua Tun* (Хуа Тун) от 13 июня 2017 года. Однако это соглашение также оспаривается в отношении подлинности, и стороны

представили противоречивые доказательства (в том числе, для ответчиков, письмо от компании Hua Tun (Хуа Тун), отрицающее его существование, и для Истца свидетельские показания с приложением переписки по электронной почте, которая, по видимому, показывает проекты соглашений и организацию встречи для подписания).

- iii) Это потребует принятия решения по вопросам, касающимся того, было ли предполагаемое устное соглашение коммерчески реалистичным при отсутствии доказательств, которые, как, по крайней мере, утверждают ответчики, понадобятся для разрешения вопроса на суде, например, экспертных заключений по регулированию рынка электроэнергии в Казахстане, которое необходимо для того, чтобы разобраться с вопросом о том, могли ли стороны вообще договориться о конкретных ценах на электроэнергию.
- iv) Это потребует оценки того, были ли цены продажи Сталь и здания АБК рыночными (как утверждают ответчики) или «номинальными бухгалтерскими ценами» (как утверждают истцы). Адвокаты О1 и О3 на слушаниях предложил, что для этого в суде потребуются экспертные заключения по оценке земельных участков в Казахстане, но на данном этапе этого не имеется.
- v) Существуют и другие фактические вопросы между сторонами (как я указал выше, при изложении их позиций), по которым также может потребоваться принятие решения. Я не пытался обозначить все из них, но те, которые я упомянул, кажутся мне такими, которые нужно будет разрешить, но которые на этапе такого ходатайства невозможно решить.

113. Другими словами, это один из тех случаев, о которых, как мне кажется, упоминал судья Фокстон в деле *Hadi Kalo v Bankmed SAL* (выше), когда он сказал, что «доказательства в некоторых случаях будут такими, что вынесение судебного решения о сравнительных достоинствах будет несовместимо с характером слушания и с запретом на проведение мини-процесса. Кроме того, ограничения материалов могут быть такими, что любое решение о сравнительных достоинствах будет лишено той надежности, которую требует судебное решение такого значения». Он продолжил цитировать ссылку лорд-судьи Грина в деле *Kaefer* на решение судьи Тира в деле *Antoni Gramsci Shipping Corp v Recoletos Ltd & Ors* [2012] EWHC 1887 (Comm), [39] и [45], в котором он ссылался на дела, где «имеется конфликт доказательств, который не может быть разрешен без проведения предварительного судебного разбирательства», приводя пример «резкого спора между противоположными свидетелями» в деле, где «попытка оценить, кто имеет более сильный аргумент на основании таких доказательств, рискует стать предварительным разбирательством на промежуточной стадии». Эти ссылки подходят для описания ситуации здесь. Это не тот вопрос, по которому можно надежно оценить сравнительные достоинства.

114. В результате необходимо прибегнуть к пункту (iii), который лорд Сампсон в деле *Goldman Sachs* объяснил следующим образом: «существует хорошее аргументированное обоснование для применения шлюза, если для этого есть правдоподобная (хотя и оспариваемая) доказательная база».

115. По материалам, представленным суду по данным заявлениям, существует правдоподобная доказательная база для утверждения Истца о том, что устное соглашение, о котором он заявляет, было заключено в Лондоне. В частности, ключевыми моментами являются:

- i) Собственные показания Истца (а также показания его жены и сына, хотя они и являются

лишь письменными показаниями) подтверждают его версию. Несмотря на то, что могут существовать некоторые материалы, позволяющие усомниться в его показаниях, по которым он, несомненно, будет подвергнут перекрестному допросу на суде (включая, но не ограничиваясь, относительно короткую возможность обсуждения, о которой он заявляет, моменты, которые ответчики отметили, как коммерческие странности его предполагаемого соглашения, и изменение характера его дела между досудебной претензией и исковым заявлением), эти потенциальные трудности не являются основанием для отказа от его показаний на данном этапе.

- ii) Его показания подтверждаются некоторыми документами, по крайней мере, на первый взгляд, и в данном заявлении (как я уже сказал выше) я не могу отступить от того, что эти документы представляют собой и говорят. Электронная таблица за август 2017 года является правдоподобным подтверждающим доказательством, так же как и электронное письмо ОЗ от 23 июля 2017 года и сообщения ОЗ в Telegram. Эти доказательства могут сохраниться до суда в качестве подтверждающих материалов, а могут и не сохраниться, но, как я уже сказал, я не могу высказать свое мнение по этим вопросам в рамках данного заявления.
- iii) Тот факт, что истцу были выплачены значительные суммы биткоинов, которые, как представляется, отражают то, что, по его словам, полагалось ему по предполагаемому устному соглашению в период с января по август 2018 года, подтверждает его мнение. Ответчики выдвинули другое объяснение (которое имеет свои сложности), но я не могу определить, кто прав в этом вопросе в рамках данного заявления. Выплата биткоинов является правдоподобным доказательством, подтверждающим позицию Истца.
- iv) Существуют и другие доказательства, на которые я ссылался выше и на которые Истец опирается в поддержку различных частей своего дела (и в попытке подорвать версию Ответчиков), которые не могут быть отвергнуты на данном этапе и которые, следовательно, также поддерживают на данном этапе правдоподобность его версии.

116. В результате, третий элемент теста в деле Goldman Sachs здесь выполнен, и я прихожу к выводу, что у Истца есть веские аргументы в пользу того, что его иск в отношении договора, который он утверждает, подпадает под контрактный порог.

Полномочия

117. Дополнительный аргумент, представленный О2 и О3, заключался в том, что даже если Истец заключил устное соглашение с О1, как он утверждает, это не могло быть соглашением с О2 или О3 из-за отсутствия полномочий у О1 заключать договор от их имени. В результате, по мнению О2 и О3, нет серьезного вопроса, который подлежит рассмотрению в отношении их по иску о договоре, или же нет обоснованного иска, который позволяет утверждать, что иски против них на основании договора попадают под «критерий» (б).

118. В том виде, в котором это изложено в иске, утверждается, что О2 и О3 были сторонами предполагаемого устного соглашения следующим образом:

- i) В пункте 2 утверждается: «Во все существенные моменты (если не указано иное) каждый из [О1, О2 и О3] действовал совместно, так что каждый действовал как от своего имени, так и одновременно в качестве агента других...». Истец постоянно ссылается на них в Частях иска как на единое целое, назвавшееся «ММК», утверждая, что «такие ссылки включают в себя одного или двух из них, действующих от имени всех троих».

- ii) В пункте 27 утверждается, что O1, «действуя от имени ММК», заключил «Лондонское соглашение».

119. O2 и O3 утверждают, что вопрос о том, обязаны ли они выполнять предполагаемый договор, регулируется законодательством Казахстана, и что согласно законодательству Казахстана для того, чтобы O1 мог связать O2 и O3, им необходимо было предоставить O1 доверенность. Они обращают внимание, что в иске нет указаний или доказательств наличия доверенности, что делает иск против них, основанный на этом соглашении, фатально ошибочным.

120. Позиция Истца была следующей:

- i) Этот вопрос регулируется английским правом, а не правом Казахстана, хотя этот аргумент не был поднят в устных выступлениях г-на Самека.
- ii) Согласно законодательству Казахстана, доверенность не является единственным способом подтверждения фактических полномочий. Они также могут быть подтверждены в контексте или среде сделки (этот аргумент был поднят впервые на слушаниях).
- iii) В любом случае, в соответствии с законодательством Казахстана, существует возможность ратификации, что Истец пытался учесть в процессе слушания, подав запрос на внесение изменений в иск.

121. В отношении первого вопроса я считаю, что г-н Самек был прав, что не продолжил его развивать. Истец утверждает, что если договор был заключен, то он регулируется законодательством Казахстана (и, действительно, в этом не было спора). Как указано в Dicey, Morris & Collins, *The Conflict of Laws*, Rule 223(1):

«Вопрос о том, может ли агент связать принципала с третьей стороной по договору или его условию, регулируется законодательством, которое применялось бы к этому договору или его условию, если бы полномочия агента были установлены». (Другой правовой порядок, который может повлиять на вопрос, это законодательство, регулирующее отношения между принципалом и агентом (здесь O1 и O2/O3), но если это и имеет значение, то, скорее всего, это также будет законодательство Казахстана, а не английское право). Первоначальный аргумент Истца, что этот вопрос регулируется английским правом, основан на Dicey, Morris & Collins, параграфы 11-150 и 11-151. Однако эти параграфы касаются вопроса о месте заключения договора (для целей Gateway 6(a)), а не вопроса о его заключении или определении сторон договора. Вопрос о наличии договора для целей доступа решается на основе правил английского частного международного права (*Amin Rasheed Shipping Corp v Kuwait Insurance* [1984] AC 50; см. например, *Briggs, Civil Jurisdiction and Judgments* (7-е издание), стр. 503). Здесь, как было согласовано, эти правила указывают на законодательство Казахстана.

122. Следовательно, вопрос заключается в том, что требуется по законодательству Казахстана для того, чтобы связать O2 и O3 с предполагаемым устным соглашением. Стороны согласились, что соответствующее положение содержится в статье 163 Гражданского кодекса, которая гласит:

«1. Сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) на основании полномочий, полученных через доверенность, законодательство, судебное решение или административный акт, прямо создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Полномочия также могут быть очевидны из окружения, в котором действует представитель (например, розничный продавец, кассир и т.д.).

2. По сделке, совершенной представителем, права и обязанности возникают непосредственно у представляемого.»

123. В экспертном заключении по праву Казахстана, представленном в суд в рамках заявки без уведомления (Первый отчет господина Конысбаева), не было доказательств того, как О1 мог иметь полномочия связывать О2 или О3 каким-либо договором. Ятцуха 1 заявил (без указания на какую-либо конкретную систему права), что у Истца есть обоснованное мнение, что О1 действовал от имени О2 и О3, «учитывая, что (а) они были в бизнесе вместе с 2015 года ... и (б) господин Мирахмедов был самым важным из них троих. Таким образом, господин Махат и господин Ким, вероятно, следовали бы его указаниям и были бы связаны договором, который он заключил с господином Алимовым по поводу СП JV (их совместного проекта)».

124. Вопрос об отсутствии полномочий был поднят в доказательствах ответчиков в поддержку заявки на отмену приказа судьи Диаса. Заявления как О2, так и О3 ясно показали, что О1 не имел полномочий заключать соглашение с Истцом от их имени, и О2 заявил, что для этого потребовалась бы доверенность (а также, что такое требование было «общеизвестным среди опытных казахстанских бизнесменов»).

125. Это было подтверждено экспертным отчетом господина Калдыбаева (для О2), где, изложив положения статьи 163, господин Калдыбаев заявил:

«Следовательно, если полномочия не очевидны из обстановки, в которой действует представитель (как в примерах, приведенных в статье), только уполномоченный представитель, действующий на основании доверенности, законодательства, судебного решения или административного акта, может заключать контракты от имени другого лица (представляемой стороны)»

126. Он также обратил внимание на статью 167(1), в которой указано:

«1. Доверенность — это письменное уполномочие одного лица (доверителя) действовать от его имени, выданное им другому лицу (доверенному лицу)»

Он продолжил объяснительным абзацем, схожим с тем, который я уже привел:

«Именно наличие письменной доверенности определяет способность лица выступать в качестве представителя другого лица, если только полномочия представителя не вытекают из законодательства, судебного решения или административного акта, либо не являются очевидными из обстановки, в которой действует представитель»

127. В отчете профессора Карагусова этот вопрос был рассмотрен менее подробно. Он просто отметил, что данная ситуация регулируется статьями 163–171, что означает, что для того, чтобы О1 мог связать О2 и О3 предполагаемым устным соглашением, требовалась доверенность.

128. Ответ на вопрос о законодательстве Казахстана был представлен от имени Истца в виде второго доклада г-на Конысбаева. Он изложил позицию господина Калдыбаева, резюмировав её следующим образом: «...он утверждает, что лицо может создавать права и обязанности для другого лица только на основании доверенности, судебного решения, административного акта или если это

предусмотрено законодательством». Примечательно, что господин Конысбаев не упомянул

возможность определения полномочий «из обстановки», даже описывая позицию господина Калдыбаева. Вместо этого господин Конысбаев ничего не сказал о требованиях статьи 163 и сослался только на статью 165 Кодекса, которая

предусматривает эквивалент ратификации следующим образом (в переводе, предоставленном господином Калдыбаевым):

«Сделка, совершённая от имени другого лица лицом, не уполномоченным на её совершение, либо с превышением полномочий, создаёт, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности для представляемого лица только в случае последующего одобрения этой сделки. Последующее одобрение представляемым лицом делает сделку действительной с момента её заключения»

129. Затем господин Конысбаев указал, что в комментариях высказывается мнение, что необходимое «одобрение» может быть «подтверждено в любой форме, включая принятие товаров или осуществление платежей, среди прочих действий». Он сослался на два судебных дела, которые, по его мнению, подтверждают эту точку зрения.

130. Ятцуха 3 сослался на доказательства господина Конысбаева относительно последующего одобрения, а также заявил следующее:

«Что касается подтверждения того, что господин Махат и господин Ким являются сторонами Лондонского соглашения, господин Алимов излагает доказательственную базу, чтобы показать, что господин Махат и господин Ким были связаны этим соглашением, поскольку господин Мирахмедов действовал от их имени, как их деловой партнер. Они рассматривали господина Алимова как партнера, и господин Ким даже упомянул “наших партнеров” (имея в виду GM) в сообщении господину Алимову»

131. Однако в Ятцуха 3 не предпринималось попыток сослаться на положение статьи 163, на которое ссылался господин Самек во время слушания.⁶

132. В своем ответном отчете господин Калдыбаев согласился с тем, что «одобрение» может быть выражено в любой форме. Он также добавил, что, по его мнению, «казахстанский суд не признал бы, что имело место одобрение/ратификация соглашения, если бы не было ясно, что лицо, одобряющее/ратифицирующее, знало, что оно одобряет/ратифицирует, осознавало возможность одобрения/ратификации рассматриваемого соглашения, понимало последствия одобрения/ратификации и совершило действие, которое ясно и недвусмысленно показывало, что оно одобряет/ратифицирует именно то соглашение, которое утверждается как заключенное».

133. В кратком изложении позиции Истца были заявлены только два пункта: i) вопрос о применимом праве, который устно не рассматривался, и я уже разобрал его выше, и ii) аргумент о ратификации, основанный на втором отчете господина Конысбаева. Попыток поддержать какой-либо довод о наличии полномочий на основании статьи 163 не предпринималось.

134. Однако в своих устных выступлениях господин Самек попытался выдвинуть аргумент,

⁶ Действительно, в другом абзаце Ятцуха 3 было ясно выражено мнение, что ответом на аргумент ответчиков о необходимости доверенности в рамках законодательства Казахстана является только вопрос о ратификации: «100. ... Как [господин Конысбаев] объяснил во втором отчете, он не согласен с тем, что единственным способом, при котором сторона может быть связана соглашением, заключенным другим лицом, является доверенность: он указывает, что в соответствии со статьей 165 Гражданского кодекса сторона также может быть связана своим последующим одобрением сделки, и это одобрение может быть подтверждено в любой форме, включая поведение».

который ранее не был заявлен, основываясь на второй части статьи 163.1, а именно на словах: «Полномочия могут также вытекать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.д.)».

135. Этот вопрос не поднимался господином Конысбаевым, который не предоставил никаких доказательств относительно указанного положения статьи 163 или даже не упомянул о его существовании. Однако господин Самек сослался на отчет господина

Калдыбаева, в котором была изложена статья 163, и на то, что господин Калдыбаев сказал об этом, как я уже изложил выше. Господин Самек заявил, ссылаясь на примеры, приведенные в статье 163.1 (а именно: «продавец в розничной торговле, кассир и т.д.»), что это положение охватывает ситуации, где очевидно, что полномочия существуют. Он охарактеризовал это как полномочия, которые являются «подразумеваемыми» или

«выводимыми». Господин Самек сказал, что позиция Истца заключается в том, что О1-О3 были «все вместе вовлечены в проект», и что полномочия О1 связывать О2 и О3 были «очевидны из конкретной обстановки, в которой [О1] действовал в данном случае, в частности, включая Лондон, когда было заключено соглашение».

136. Это была несколько неудовлетворительная основа для продвижения данного аргумента. Довод о том, что у О1 не было полномочий связывать О2 или О3, был явно представлен в доказательствах в поддержку ходатайства об отмене приказа судьи Диаса. Ни в одном из доказательств, представленных истцом, будь то в рамках заявки без уведомления или в ответ на доказательства ответчиков, не утверждалось, что полномочия О1 могли быть основаны на этом положении статьи

163. Господин Конысбаев не сослался на эту часть статьи и не дал никакого мнения о том, какие ситуации (помимо «продавца в розничной торговле» и «кассира») могли бы подпадать под это положение, и существовали ли какие-либо правовые акты или комментарии, которые могли бы помочь в их интерпретации. Как я уже отметил, Истец не уведомил о намерении полагаться на этот довод до устных выступлений господина Самека.

137. Как я отметил, этот вопрос возникает в контексте определения того, существует ли серьезный вопрос, подлежащий рассмотрению, и смог ли Истец показать, что у него есть хорошие аргументы. В обоих случаях бремя доказательства лежит на истце, который должен продемонстрировать, что требуемый стандарт выполнен/

138. На мой взгляд, Истец не продемонстрировал, что по этому вопросу в рамках законодательства Казахстана существует серьезный вопрос, подлежащий рассмотрению, тем более что у него есть хорошие аргументы по этому поводу. Что касается последнего, то это не тот вопрос, по которому имеются конфликты в доказательствах, которые невозможно разрешить, требующие обращения к третьему элементу теста в деле Goldman Sachs. Напротив, как я отметил, по данному вопросу имеется очень мало доказательств в рамках законодательства Казахстана.

139. Учитывая (i) что Истец и его эксперт вообще не касались этого положения в своих доказательствах, и (ii) что Истец не уведомил ответчиков о намерении полагаться на этот довод, в результате чего эксперты ответчиков не имели возможности специально рассмотреть его в контексте фактов данного дела, единственным аргументом, который господин Самек смог выдвинуть, было основание на формулировке статьи (в переводе на английский язык) и утверждение, что она применима к рассматриваемой ситуации. Однако, по моему мнению, на основании представленных доказательств по данному ходатайству Истец не имеет реальной перспективы успеха по этому вопросу (тем более преимущества в

аргументации):

- i) Эксперт Истца по законодательству Казахстана вообще не представил никаких доказательств относительно этого положения. В частности, он не дал никаких объяснений о том, какие именно ситуации могут подпадать под рассматриваемые слова («очевидно из обстановки, в которой действует представитель»), а также о том, следует ли понимать слова в скобках («продавец в розничной торговле, кассир и т.д.») как указание на конкретные виды «обстановки», соответствующие правилу, или как примеры из более широкой категории, которая могла бы включать ситуации, существенно отличающиеся фактически. Также отсутствовали какие-либо доказательства наличия судебной практики или комментариев, которые могли бы указать, как интерпретировать эти слова. У господина Конысбаева была возможность это сделать. Вопрос о полномочиях был четко поставлен ответчиками в их доказательствах, поданных в поддержку ходатайства об отмене. Господин Калдыбаев изложил статью 163. Профессор Карагусов отметил (в пункте 195): «Эти правила требуют, чтобы [O1] мог связать [O3] и [O2] с предполагаемым «Лондонским соглашением», [O3] и [O2] должны были предоставить письменную доверенность». Было очевидно, что аргумент против Истца заключался в том, что требовалась доверенность (и, кроме того, O2 четко выразил свою позицию по этому вопросу в пункте 37(b) своего заявления).
- ii) Господин Конысбаев представил второй отчет, в котором в пункте 1 указал, что его попросили прокомментировать и ответить на два упомянутых отчета, заявив, что он не согласен с некоторыми выводами каждого из них «по причинам, изложенным ниже». В разделе второго отчета, отвечая на доводы профессора Карагусова, он вообще ничего не сказал о пункте 195. Отвечая на господина Калдыбаева, как я уже изложил выше, он упомянул то, что сказал господин Калдыбаев (не ссылаясь на вопрос о «обстановке»), и ничего не сказал о статье 163, вместо этого перейдя к рассмотрению статьи 165 и ратификации. (Кроме того, господин Самек на слушании не утверждал, что эксперт его клиента мог бы добавить что-либо по этому вопросу, если бы он дошел до суда, или что существует какой-либо дополнительный материал, который мог бы пролить свет на этот вопрос).
- iii) Если бы господин Конысбаев или те, кто представлял интересы Истца в данном деле, предполагали, что слова, на которые сейчас ссылается господин Самек, могут быть основанием для полномочий в рамках законодательства Казахстана, то трудно понять, почему об этом ничего не было сказано. Из этого можно сделать вывод, что господин Конысбаев не считал их применимыми.
- iv) В результате ни один из трех экспертов по законодательству Казахстана, которые представили отчеты, не утверждал, что слова, на которые сейчас ссылается господин Самек, могут покрывать ситуацию, которую Истец утверждает, как основание для устного соглашения.
- v) В отсутствие каких-либо экспертных доказательств по этим положениям, господин Самек сам выдвинул свои аргументы относительно того, что, по его мнению, означают эти слова, и что «обстановка» охватывает действия O1 в Лондоне, когда было заключено предполагаемое соглашение. Однако слова, на которые ссылаются в статье 163, на первый взгляд, не подходят для описания ситуации в данном деле, особенно учитывая примеры, приведенные для типов ситуаций, в которых могут возникнуть такие полномочия. Легко понять, что продавец в розничной торговле или кассир

должен считаться обладающим полномочиями бизнеса (будь то физическое лицо, компания или другая юридическая структура), в «обстановке» которой они действуют. Однако ситуация в данном деле сильно отличается от такого типа примера.

- vi) Однако следует учитывать не только сами слова, но и тот факт, что Истец привлек эксперта по законодательству Казахстана для решения возникающих вопросов, включая вопрос о том, как О2 и О3 оказались связанными с предполагаемым устным соглашением, и что при рассмотрении этого вопроса он не учел вообще слова, на которые теперь ссылается господин Самек. Иными словами, если бы господин Конысбаев считал, что существует реальная перспектива применения этих слов в качестве основания для полномочий в данном деле, он, безусловно, сказал бы об этом.
- vii) Аргумент господина Самека был изложен очень кратко – как я уже отметил выше, он утверждал, что О1-О3 «вместе участвуют в проекте», что О1 был «главным игроком» с полномочиями связывать всех, и что его полномочия «очевидны из обстановки, в которой [О1] действовал в данном деле, в том числе в Лондоне, когда было заключено соглашение». Однако было далеко не очевидно, что подразумевается под «обстановкой», на которую ссылается статья 163. Господин Самек ничего не сказал, чтобы попытаться объяснить это (вероятно, потому что ему было бы трудно сделать это в отсутствие помощи от эксперта его клиента по данному вопросу).
- viii) При разрешении этого вопроса я не принимаю решения относительно фактических утверждений, сделанных истцом, а только о том, попадает ли описанная им фактическая ситуация под правило казахстанского законодательства, идентифицированное господином Самеком (хотя и не экспертами Истца по законодательству Казахстана). Так, например, тот факт, что Истец утверждает, что О1 сказал ему 10 июня 2017 года, что он действует от имени «всех братьев» (что предполагается как ссылка на О2 и О3, не изменяет сути дела. Даже если это было сказано, это не превращает ситуацию в пример типа «продавца в розничной торговле» (полномочия продавца очевидны из обстановки, в которой он/она продает, а не из какого-либо устного подтверждения продавца о своих полномочиях), если только эксперт не объяснил бы это.

140. В результате, исходя из имеющихся материалов (которые представляют собой только слова статьи 163 в сочетании с тем фактом, что ни один эксперт, в частности эксперт Истца, не предложил применения этих слов к данной ситуации), у Истца нет реальной перспективы на успех. Ситуация не эквивалентна и не аналогична примерам «продавца в розничной торговле» или «кассира», приведенным в статье, и не было предпринято попыток объяснить, какие элементы «обстановки» считаются значимыми, чтобы фактическая ситуация в этом деле подпадала под статью. Более того, как я уже отметил, даже если бы я считал, что существует реальная перспектива успеха, я бы не признал, что Истец имеет более сильные аргументы по имеющимся материалам — этого явно не происходит.

Ратификация

141. Истец также попытался выдвинуть аргумент на основе ратификации, утверждая, что даже если О1 не имел полномочий от О2 и О3 заключить предполагаемое соглашение на момент его заключения, О2 и О3 позже ратифицировали это соглашение в соответствии со статьей 165 Гражданского кодекса.

142. Как я уже упоминал, этот вопрос был впервые поднят в доказательствах, представленных от имени Истца в ответ на ходатайства об отмене приказа судьи Диаса.

Господин Конысбаев объяснил, что необходимое «одобрение» может быть «доказано в любой форме, включая принятие товаров или совершение платежей, среди прочих действий». Ятцуха 3, ссылаясь на эти доказательства, заявила, что «поведение господина Махата и господина Кима показало, что они одобрили договор и исполнили его, и поэтому они связаны им».

143. Как также было упомянуто выше, в своем ответном отчете господин Калдыбаев согласился, что «одобрение» может быть в любой форме, и также добавил свое мнение, что требуется определенный уровень осведомленности. (Профессор Карагусов ничего не сказал по этому поводу в своем ответном отчете.) Однако в ответном заявлении O2 отметил, что он не понимает, на какое поведение ссылаются в качестве одобрения и что именно считается исполнением. Его адвокат, господин Шамбайати, в своем ответном заявлении также отметил, что утверждения Истца слишком расплывчаты.

144. В исковом заявлении не содержалось упоминания о ратификации.

Аргумент, что O2 и O3 обязаны по соглашению, заключался, как я уже сказал выше, в том, что O1-O3 действовали совместно, каждый действуя за себя и за других, и что, когда O1 заключил предполагаемое устное соглашение, он действовал от имени всех трех (упоминаемых как «ММК»). Хотя господин Самек слегка намекнул, что это включает аргумент о ратификации, мне кажется, что это неверно. В тексте искового заявления вообще не говорится о ратификации. Также статья 165 (которая касается ратификации) применяется в случае, когда сделка «совершается от имени другого лица лицом, не уполномоченным совершить сделку, или превышающим свои полномочия...». Другими словами, статья 167 является альтернативой полномочиям, предоставляемым в статье 163, так что нельзя просто «дополнить» общие утверждения о «действии от имени» какой-то дополнительной или альтернативной формой ратификации (как это предполагалось).

145. Хотя господин Самек формально не признал ошибочность утверждения о ратификации, он, похоже, признал его обоснованность, потому что в ходе своих устных выступлений он попытался подать ходатайство о внесении изменений в исковое заявление, чтобы добавить положительное утверждение о ратификации. Это началось (в конце утреннего заседания второго дня двухдневного слушания) с попытки устно объяснить предложенную поправку, которая затем была отложена, и проект поправки был передан в 14:00 в тот же день.

146. Текст поправки, которую пытались внести, был следующим:

«Новый параграф 29А.

Если (что оспаривается) господин Мирахмедов [O1] не имел полномочий от господина Кима [O3] и господина Махата [O2] заключить Лондонское соглашение от их имени в соответствии с статьей 163 Гражданского кодекса Казахстана, то господин Ким и господин Махат позднее одобрили или ратифицировали Лондонское соглашение, так что, в соответствии с статьей 165 Гражданского кодекса Казахстана, оно стало действительным по отношению к ним, и они были обязаны им с момента его заключения 10 июня 2017 года. Господин Алимов [Истец] опирается на следующие обстоятельства как подтверждающие такое одобрение или ратификацию: i) запрос, сделанный в декабре 2017 года или январе 2018 года господином Махатом и господином Кимом к господину Алимову о передаче Стала и зданий АБК, как указано в параграфе 39 ниже; ii) платежи в биткойнах, совершенные господином Кимом от его имени, господина Махата и господина Мирахмедова господину Алимову, как указано в параграфе 43 ниже; iii) сообщение от господина Кима от 16 февраля

2018 года, как указано в параграфе 50 ниже.»

147. Мистер Самек подчеркнул, что детали, указанные в предложенном новом параграфе, не стремятся ввести новые вопросы, поскольку они ссылаются на моменты, которые уже были упомянуты в других частях Искового заявления, что он не пытается вводить новые стороны или новое основание для иска, что вопросы, содержащиеся в предложенной поправке, показывают реальную вероятность успеха в доказательстве того, что О2 и О3 одобрили предполагаемое устное соглашение, и что (по его словам) ответчики не понесут ущерба от внесения поправки.

148. В ответ мистер Китченер (который представлял О2 вместе с мистером Кэпланом):

- i) Ссылаясь на слова Лорда судьи Асплина в деле *Elite Property Holdings Ltd против Barclays Bank plc* [2019] EWCA Civ 204, пункт 40, что «вопрос о том, следует ли предоставить разрешение на внесение поправки, должен рассматриваться с учетом необходимости проведения судебного разбирательства справедливо и честно, а также с пропорциональными затратами»
- ii) Указал на тот факт, что вопросы о том, как возникла предполагаемая ответственность О2 и какова была позиция по агентскому договору, не были новыми. В частности, он сослался на:
 - a) Тот факт, что этот вопрос был поднят в ответе компании *Mishcon de Reya* (от 23 сентября 2022 года) на письмо до начала судебного разбирательства, в котором утверждалось, что объединение О1-О3 в одну группу и их трактовка как единого целого (как «ММК») является проблематичной и приводит к бессмысленным заявлениям, в которых невозможно было разобраться, как возникли требования против каждого из отдельных лиц.
 - b) Второе заявление О2 (подаваемое в ответ, от 9 сентября 2024 года), в котором отмечалось, что третье заявление г-на Ятцуха (подаваемое в ответ на заявление о восстановлении дела) утверждало, что О2 связан с предполагаемым соглашением, поскольку его последующее поведение «одобрило» и «исполнило» его, и сказано, что это казалось совершенно другим делом, чем то, которое, как он понял, было предъявлено против него (на основании полномочий О1 заключить соглашение от его имени), и что он не понимал, что означало «одобрение» или «исполнение».
- iii) Ссылаясь на доказательства мистера Калдыбаева во втором отчете (где он ответил на замечания мистера Конысбаева по вопросу ратификации по законам Казахстана), в частности, на его утверждение:

«... на мой взгляд, Казахстанский суд не признал бы, что произошло одобрение/ратификация соглашения, если бы не было ясно, что лицо, одобряющее/ратифицирующее, знало, что именно оно одобряет/ратифицирует, знало о возможности одобрения/ратификации данного соглашения и осознавало последствия одобрения/ратификации, а также сделало бы что-то, что ясно и недвусмысленно показало бы, что оно одобряет/ратифицирует именно то соглашение, которое предполагается быть заключенным.»

Мистер Китченер отметил, что не было представлено дополнительных отчетов от мистера Конысбаева, оспаривающих это, и также не было указаний на то, что это не является точным отражением закона Казахстана. Он также указал, что проект поправки не пытался затронуть вопросы, связанные с осведомленностью.

- iv) Что касается деталей, предоставленных в проекте, он предположил, что только первая из них напрямую касается О2, касающаяся передачи зданий, и указал, что это не является актом, явно одобряющим предполагаемое соглашение, поскольку было общепризнано, что ответчики покупают здания. Он сказал, что нет достаточных доказательств того, что представляет собой достаточное «одобрение» по законам Казахстана, чтобы можно было проверить, являются ли заявленные детали достаточными. Кроме того, тот факт, что проект поправки был представлен так поздно, не дал ответчикам возможности показать эти детали своим экспертам для определения, достаточны ли они или могут ли они создать потенциальные проблемы в соответствии с законом Казахстана.
- v) Он также обратил внимание на то, что могут возникнуть вопросы по срокам давности, предусмотренные законодательством Казахстана, но, из-за отсутствия уведомления о заявлении на внесение поправки, не было возможности изучить эти вопросы или оценить, как они могут повлиять на позицию по поводу внесения поправки.
- vi) В вопросе усмотрения он указал не только на запоздалость подачи заявления, но и на тот факт, что, хотя вопрос о правильной идентификации основания, по которому О2 предположительно несет ответственность, был поднят в письме компании Mishcon de Reya от 23 сентября 2022 года, ничего не было сказано по заявлению без уведомления, пытающемуся решить этот вопрос.

149. Мистер Камминг (который представлял О1 /О3) также подчеркнул, что запоздалость подачи заявления лишила ответчиков возможности должным образом рассмотреть вопросы, которые должны были быть подняты с помощью поправки, и что, хотя оно может быть отклонено, оно не должно быть разрешено на этом слушании.

150. После того как были рассмотрены позиции сторон, включая все вышеизложенные моменты, я пришел к выводу, что следует разрешить предложенную поправку и позволить истцу представить дело о ратификации в соответствии с статьей 165 для целей этих заявлений. Основные причины для этого следующие:

- i) Ссылка Истца на статью 165 и концепцию одобрения/ратификации была отмечена в доказательствах, представленных 28 июня 2024 года в ответ на заявления о восстановлении дела. Ответчики имели возможность рассмотреть и ответить на это в своих доказательствах, в том числе с ответными доказательствами по вопросу законодательства Казахстана. Действительно, мистер Калдыбаев с этим справился. Ответчики подчеркнули, что заявление было подано чрезвычайно поздно и без предварительного уведомления. Что касается условий, представленных в проекте, это правильно. Однако, как я отметил, ссылка на ратификацию была сделана несколько месяцев назад. Это не было чем-то совершенно неожиданным.
- ii) Правильно сказать, что в доказательствах Истца в ответе не было указано конкретных действий, на которые планировалось опираться для обоснования утверждения об одобрении в соответствии со статьей 165. Однако показания г-на Ятцухи были ясными (хотя и достаточно общими): планировалось опираться на поведение О2 и О3 в одобрении и выполнении предполагаемого соглашения. Из этого следовало, что это охватывает то, что было указано в иске относительно их поведения при выполнении предполагаемого устного соглашения.
- iii) Запоздалость появления проекта не стала источником реального ущерба для ответчиков. Все детали, содержащиеся в проекте поправки, уже были изложены в

Исковом заявлении. Хотя эти конкретные параграфы ранее не были прямо обозначены в контексте требования о ратификации, для ответчиков должно было быть разумно очевидно, что именно эти моменты (и/или любые другие похожие моменты в Исковом заявлении) будут использованы в поддержку аргументации по ратификации.

- iv) Верно сказать, что проект поправки не содержит утверждения о знании со стороны О2 и О3 в тех аспектах, которые мистер Калдыбаев предложил в своем втором отчете, как необходимые для того, чтобы Казахстанский суд признал ратификацию. Однако:
 - a) Доказательства мистера Калдыбаева в этом отношении не были абсолютно категоричными. Он признал, что статья 165 не устанавливает конкретных условий и требований для одобрения/ратификации, и продолжил утверждать, что, на его взгляд, Казахстанский суд не признал бы одобрение/ратификацию, если бы не было знаний в тех аспектах, которые он указал. Однако он не ссылался на какие-либо судебные дела, комментарии или другие источники, поддерживающие это. Он также не привел дальнейших обоснований для этого — просто заявив, что это его мнение. Это было заметно, потому что в предыдущем параграфе он ссылался на два комментария, которые утверждали, что «одобрение» может быть в любой форме, но ни один из них не касался конкретного требования о знании.
 - b) После этого отчета не было представлено дополнительного экспертного мнения, в результате чего трудно иметь уверенность в том, существует ли, и если существует, то какое требование о знании в законодательстве Казахстана для того, чтобы признать «одобрение» в соответствии со статьей 165.
 - c) В любом случае, хотя в проекте поправки это не было прямо указано, из существующих параграфов в искомом заявлении, на которые ссылается проект поправки, ясно, что утверждается, что О2 и О3 знали о предполагаемом устном соглашении. Например, утверждение в параграфе 39 Искового заявления состоит в том, что О2 и О3 запросили передачу Сталей и зданий АБК компании Prima до создания корпоративного инструмента, упомянутого в явных условиях предполагаемого устного соглашения. Если (как утверждается) запрос был в таких терминах, это включает утверждение, что О2 и О3 знали о предполагаемом устном соглашении.
 - d) Таким образом, хотя этот вопрос мог бы быть более полно рассмотрен через экспертные доказательства и мог бы стать предметом более четко сформулированного проекта иска, на этом основании я не могу сказать, что данное требование не имеет реальной перспективы на успех.
 - v) Что касается утверждения, что только один из пунктов напрямую касается О2, и что, по словам мистера Китченера, это не является явным одобрением предполагаемого устного соглашения, это не является причиной для отклонения поправки. Существует фактический спор о том, были ли здания переданы в соответствии с предполагаемым устным соглашением (как утверждает Истец, или по отдельному договору купли-продажи (с выплатой комиссии истцу, как утверждают ответчики). Я не могу разрешить этот вопрос в рамках этих заявлений, и я уже указал, что версия Истца в целом имеет реальную перспективу успеха. Этого достаточно на данном этапе.
- vi) Ответчики утверждают, что хотели бы показать проект поправок своим экспертам по Казахстанскому праву, чтобы выяснить, не приведет ли их конкретная формулировка к конкретным пунктам законодательства Казахстана, о которых они могли бы попросить в помощь. Я не сомневаюсь, что они хотели бы показать их своим

соответствующим экспертам, однако, учитывая весьма общие формулировки, в которых статья 165 рассматривалась экспертами до сих пор, далеко не ясно, возникли бы какие-либо конкретные вопросы. Доказательства г-на Калдыбаева заключались в том, что «одобрение» соглашения может быть выражено в любой форме, будь то письменная или устная форма или форма взаимодействия. Кроме того, что он сказал далее о знании, он не предполагал, что существует какой-либо другой конкретный аспект законодательства Казахстана, который бы ограничивал то, что может представлять собой ратификация, или иным образом влиял на нее. Как я уже сказал, было ясно, что ратификация по статье 165 — это вопрос, на который собирался ответить Истец, и у Ответчиков была возможность для своих экспертов ответить на него.

vii) Утверждение о том, что могли возникнуть проблемы с исковой давностью, сопряжено с той же проблемой. Если бы такие вопросы исковой давности существовали, я бы ожидал, что ответчики не останутся в стороне, учитывая, что некоторое время назад было четко указано, что ратификация является основанием (или, по крайней мере, одним из оснований), на котором Истец будет решать вопрос об отсутствии полномочий (хотя до слушания дела это не было сформулировано). Однако ответчики не выдвинули никаких особых аргументов в отношении исковой давности, и г-н Китченер согласился с тем, что изменение не вводит нового требования.

viii) Г-н Камминг также указал на то, что одна часть предложенного нового ходатайства действительно выглядит новой, а именно предположение о том, что платежи в биткоинах в адрес Истца были произведены ОЗ (от имени О1-ОЗ), в то время как в пункте Искового заявления, на который была сделана перекрестная ссылка, говорится, что «в рамках частичного исполнения Лондонского соглашения ММК г-н Алимов получил часть биткоинов...». Другими словами, в исковом заявлении ранее не утверждалось, что платеж был произведен ОЗ от имени О1-ОЗ (в отличие от «от ММК»). Этот пункт ни к чему не приводит. Не было никакого спора о том, что платеж был произведен ОЗ (в пункте 71 документа Moguzzi 1, поданного от имени О1, прямо говорилось об этом) или что он был произведен от имени О1-ОЗ (хотя ответчики утверждают, что это был комиссионный платеж, а не платеж по предполагаемому устному соглашению).

ix) Г-н Самек был прав, когда предположил, что его клиент понесет ущерб, если ходатайство об изменении не будет разрешено, поскольку тогда Истец не сможет предъявить иск к О2 и ОЗ. Хотя в какой-то степени это можно назвать проблемой, созданной самим Истцом и его законными представителями, мне кажется, что это не полный ответ, учитывая, что вопрос ратификации был отмечен в ответных доказательствах.

151. В заключение, поправка имеет реальную перспективу успеха, и запоздалость ее подачи не является причиной, по которой Истцу не следует разрешать ее внести. В результате я разрешаю внесение поправки для целей данного заявления.

152. Это приводит к вопросу о том, имеет ли Истец обоснованный аргумент в отношении его довода о ратификации. Подобно рассмотрению этого вопроса относительно того, было ли вообще заключено предполагаемое устное соглашение, я не могу надежно прийти к заключению о том, у кого из сторон более сильный аргумент по этому вопросу, учитывая фактические споры, которые здесь имеют место. Из трех подробностей, приведенных в

проекте поправки, которые, как утверждается, представляют собой одобрение или ратификацию: первое требует принятия решения о том, были ли здания переданы в соответствии с предполагаемым устным соглашением или нет; второе — принятия решения о том, были ли платежи в биткойнах, произведенные истцу, сделаны в соответствии с предполагаемым устным соглашением или же в рамках предполагаемой комиссии; третье — принятия решения о правильной интерпретации сообщений в Telegram от ОЗ к Истцу, включая значение фразы «мы становимся акционерами». Все эти споры являются основными для фактической стороны дела и тесно переплетаются друг с другом и с вопросом о том, было ли вообще заключено предполагаемое устное соглашение. Как я уже отметил, это не те вопросы, по которым я могу надежно прийти к выводу о том, кто имеет более сильный аргумент на данном этапе.

153. В результате, вопрос заключается в том, существует ли (в рамках пункта (iii) дела Goldman Sachs) правдоподобная (хотя и оспариваемая) доказательная база для дела о ратификации. На мой взгляд, такая база существует. Это следует из того, что я сказал выше, а также из моих выводов по тому же вопросу в контексте того, было ли вообще заключено предполагаемое устное соглашение. Основание для дела о ратификации существует в законодательстве Казахстана по статье 165. Существует правдоподобная база для утверждения, что данные, поддерживающие одобрение или ратификацию, удовлетворяют требованиям статьи 165, и существует правдоподобная доказательная база для фактических утверждений, поддерживающих эти данные. Таким образом, Истец имеет обоснованный аргумент против О2 и О3 в отношении своих исков по договору.

154. В результате, иски Истца по договору против О2 и О3 демонстрируют серьезный вопрос, который необходимо рассмотреть в суде, и достаточно для целей критерия (б).

Надлежащий судебный форум

155. В данном деле есть два контекста, в которых возникает вопрос о надлежащем судебном форуме. Во-первых, в связи с ходатайством О1 о приостановлении производства против него на основании принципа неуместности суда, а во-вторых, в связи с ходатайством об отмене постановления судьи Диаса о вручении искового заявления за пределами юрисдикции, в котором Истец должен продемонстрировать, что Англия является надлежащим местом для предъявления претензий. В первом случае на ответчика возлагается обязанность продемонстрировать, что существует другой доступный судебный орган, который явно и однозначно является более подходящим. Во втором случае на Истца возлагается обязанность доказать, что Англия явно является надлежащим местом рассмотрения дела.

156. Как хорошо известно, лорд Гофф в деле *Spiliada Maritime Corporation против Cansulex Ltd* [1987] в постановлении АС 460 определил (в связи с ходатайством о приостановлении действия) два этапа проверки в пунктах 476С – 478Е:

“(а) Основной принцип заключается в том, что отсрочка будет предоставлена только на основании несоответствия суда требованиям, если суд убедится в наличии какого-либо другого доступного суда, обладающего компетентной юрисдикцией, который является подходящим судом для рассмотрения иска, т.е. в котором дело может быть рассмотрено более подробно, соответствующим интересам всех сторон и целям отправления правосудия.

(б) ... как правило, бремя доказывания лежит на ответчике, который должен убедить суд по своему усмотрению предоставить отсрочку. ... [если] суд убедится, что существует другой доступный орган, который, на первый взгляд, является подходящим

для рассмотрения иска, бремя доказывания того, что существуют особые обстоятельства, в силу которых судебное разбирательство, тем не менее, должно проводиться в этой стране, будет возложено на Истца. (см. подпункт (f) ниже).

(с) ... бремя, лежащее на ответчике, заключается не только в том, чтобы доказать, что Англия не является естественным или подходящим местом для судебного разбирательства, но и в том, чтобы доказать, что существует другое доступное место, которое явно или неоспоримо более подходящее, чем английский суд....

(d) поскольку вопрос заключается в том, существует ли какой-либо другой суд, который явно более подходит для рассмотрения иска, суд сначала рассмотрит, какие факторы указывают в пользу другого суда. Это факторы... указывающие на то, что правосудие может быть отправлено в другом месте при “значительно меньших неудобствах или затратах” ... Возможно, было бы более желательно... использовать выражение... “естественный суд” как “тот, с которым действие имело наиболее реальную и существенную связь”. Таким образом, именно на наличие связующих факторов в этом смысле суд должен обратить внимание в первую очередь; и они будут включать в себя не только факторы, влияющие на удобство и расходы (например, наличие свидетелей), но и другие факторы, такие как законодательство, регулирующее соответствующую сделку ... и места, где стороны соответственно проживают или ведут бизнес.

(е) если на этом этапе суд придет к выводу, что нет другого доступного органа, который явно более подходил бы для рассмотрения иска, он, как правило, отказывает в приостановлении;

(f) однако, если на этом этапе суд придет к выводу, что существует какой-либо другой доступный орган, который, на первый взгляд, явно более подходит для рассмотрения иска, он, как правило, предоставляет отсрочку, за исключением случаев, когда существуют обстоятельства, по причине которых правосудие требует, чтобы отсрочка, тем не менее, не предоставлялась. В ходе этого расследования суд рассмотрит все обстоятельства дела, включая обстоятельства, которые выходят за рамки тех, которые принимались во внимание при рассмотрении связующих факторов с другими юрисдикциями. Одним из таких факторов может быть тот факт, что, если он объективно установлен с помощью убедительных доказательств, Истец не добьется правосудия в иностранной юрисдикции...в ходе этого расследования бремя доказывания переходит к истцу”.

157. На первом этапе ответчик должен доказать, что существует другой доступный суд, который явно или неявно является более подходящим, чем Англия. Таким образом, в данном случае обязанность установить это в отношении Казахстана лежит на О1. Если О1 сможет это установить, то бремя доказывания того, что существуют обстоятельства, в силу которых правосудие требует, чтобы отсрочка не предоставлялась, ложится на Истца, что иногда называется этапом 2.

158. Для целей заявлений (которые в любом случае должны рассматриваться в отношении О2, О3 и О4, и которые должны были бы рассматриваться в отношении О1, если (вопреки вышеуказанному) я пришел к выводу, что иск О1 не мог быть подан или не был надлежащим образом подан в рамках данной юрисдикции) бремя по обоим пунктам лежит на Истце (в том числе, чтобы доказать, что Англия является подходящим местом для подачи иска: CPR 6.37(О-3)).

159. В обоих случаях, связанных с оказанием услуг, перед Судом в конечном счете стоит вопрос о том, чтобы определить “форум, в котором дело может быть рассмотрено надлежащим образом в интересах всех сторон и для целей правосудия”: " Spiliada " (выше), пункт 480G; " Vedanta " (выше), пункты 66, 68.

160. Что касается этапа 2, когда утверждение Истца (как в данном случае) заключается в том, что существует реальный риск того, что он не добьется правосудия в зарубежной стране (в данном случае в Казахстане), необходимо различать (а) простые различия в процессуальных системах Европейского суда по правам человека, двух юрисдикций, чего будет недостаточно, и (b) реальный риск существенной несправедливости по отношению к истцу, что позволит обоснованно отсрочить рассмотрение дела (см. Dicey, Morris & Collins, параграф 12-041).

161. Истцу нет необходимости демонстрировать на основе баланса вероятностей, что правосудие не будет совершено в иностранной юрисдикции, достаточно показать, что существует реальный риск того, что правосудие там не будет совершено: АК Investment в пунктах 94-95 (хотя, как отметил лорд Коллинз, если это произойдет) может быть доказано, что правосудие “не будет достигнуто”, что будет иметь более весомое значение при осуществлении дискреционных полномочий в свете всех других обстоятельств).

162. В "Vedanta" лорд Бриггс сказал в параграфе 88:

“Если существует реальный риск отказа в правосудии по существу в конкретной юрисдикции, то мне кажется очевидным, что это вряд ли будет тот форум, в котором дело может быть рассмотрено наиболее подходящим образом для интересов сторон и целей правосудия”.

163. Однако следует проявлять осторожность, прежде чем принимать решение о том, что существует реальный риск того, что правосудие не будет совершено в иностранном суде, и требуются убедительные доказательства. см. Лорда Коллинза в АК Investment, параграф 97:

“Необходимо, чтобы суд был предельно был осторожен, прежде чем принимать решение о том, что существует риск того, что правосудие не будет совершено иностранным судом в другой стране, и именно поэтому требуются убедительные доказательства”.

Истец, выдвигающий такую точку зрения, должен заявить об этом “добросовестно и подкрепить свои утверждения положительными и убедительными доказательствами”: Abidin Daver [1984] AC 398 в 411C-D.

164. В деле Dynasty Co по делу Oil and Gas Trading Ltd против регионального правительства Курдистана в Ираке [2022], QB 246, Butcher J рассмотрел все, что требовалось (см. пункты 173-177), включая:

“175. Обе стороны также порекомендовали мне ознакомиться с комментарием профессора Бриггса по гражданской юрисдикции и судебным решениям, который, по их мнению, был полезен. В пункте 4.30, в отношении второго этапа теста Spiliada, он говорит:

“Что требуется от Истца, так это чтобы он привел ясные и убедительные доказательства, на основании которых, по его словам, было бы несправедливо заставлять его обращаться в иностранный суд. Английский суд не будет действовать на основе неточной информации или предположения, и он вообще не будет восприимчив к общему пренебрежительному отношению к процедуре иностранного суда. Несмотря на случайные неожиданные решения, лишь в редких случаях обоснованная презумпция приостановления действия будет опровергнута на этих основаниях”.

165. Заявителю недостаточно просто сказать, что иностранная система отличается и может привести к другому результату. Лорд Гофф в деле *Spiliada* (482B-D), рассматривая вопрос о том, как относиться к “законному личному или юридическому преимуществу”, ясно дал понять, что “сам факт наличия у Истца такого преимущества в судебном разбирательстве в Англии не может быть решающим”. И:

“...преимущество Истца обычно влечет за собой сопоставимое невыгодное положение ответчика; и простое предоставление истцу его преимущества за счет ответчика не соответствует объективному подходу...”.

166. Лорд Гофф подчеркнул это в деле *Коннелли против RTZ Corporation plc* [1998] AC 854 в 872G-873A:

“...если будет определен явно более подходящая юрисдикция за рубежом, то, вообще говоря, истцу придется воспользоваться этой юрисдикцией, даже если это в определенных отношениях менее выгодно для него, чем английская юрисдикция. Например, ему, возможно, придется согласиться на меньший ущерб или обойтись без более щедрой английской системы раскрытия информации. То же самое должно относиться к системе судопроизводства, включая правила доказывания, применяемые в иностранном суде. Это может иметь много особенностей, которые отличают его от нашего и которые, по мнению английских юристов, могут сделать его менее выгодным для Истца. Такой результат, в частности, может быть справедлив для тех юрисдикций, которых в мире много, которые меньше нашей и, как следствие, испытывают недостаток в финансовых ресурсах по сравнению с нашими собственными. Но этого само по себе недостаточно, чтобы отказать в приостановлении. Только в том случае, если сможет доказать, что правосудие по существу не может быть осуществлено надлежащим образом, суд откажет в предоставлении отсрочки...”.

167. Таким образом, в деле *Scott против Walker* [2024] EWHC 636 (Ch) Адам Джонсон в пункте 56 сказал:

“Недостаточно сказать, что иностранная правовая система отличается и может привести к другому результату; или что применимая процедура будет иной и может предусматривать (например) более ограниченные или более расширительные правила обнаружения, в зависимости от обстоятельств”.

168. Таким образом, не существует необходимой эквивалентности между риском проигрыша в иностранной юрисдикции и риском несправедливости. Как отмечено в *Dicey, Morris & Collins* в параграфе 12-043:

“...если Истец утверждает, что он выиграет, если ему разрешат подать иск в Англии, но проиграет, если его вынудят подать иск в иностранный суд, нет оснований предполагать, что Истец имеет право на победу или что ответчик должен быть признан ответственным”.

Аналогично, Бриггс, Гражданская юрисдикция и судебные решения (параграфы 22- 23):

“...Истец, который, по сути, может сказать только, что он может выиграть в Англии, но проиграет, если его вынудят уехать за границу, не сделал достаточно, чтобы убедить суд в том, что Англия является подходящим местом для подачи иска”.

169. Иск подан против O1-O3 совместно, и в обстоятельствах данного дела было бы нецелесообразно оценивать факторы, имеющие отношение к этому процессу, отдельно в отношении O1, с одной стороны, и O2/O3, с другой просто потому, что возникает соответствующий судебный вопрос в отношении претензии к ним предъявляются в разных

контекстах и с разным бременем доказывания. Действительно, ни одна из сторон не предложила использовать такой подход. В таком деле, как это, суд должен комплексно рассмотреть вопрос о надлежащей судебной инстанции как для подачи ходатайства о приостановлении действия, так и для подачи заявления об отказе в обслуживании, при этом хорошо помня о различном бремени доказывания.

Доступная и надлежащая судебная инстанция

170. В данном случае вопросы, связывающие этот спор с Казахстаном, многочисленны и значительны:

- i) Все иски рассматриваются (и только рассматриваются) в соответствии с законодательством Казахстана.
- a) Хотя в некоторых случаях это может иметь меньшее значение, в данном случае это важный фактор. Даже из экспертных заключений по законодательству Казахстана, представленных в связи с вопросами, возникающими в связи с этими заявлениями, ясно, что между соответствующими экспертами сторон существует много разногласий, например, в отношении характеристики ключевого правила о допустимости свидетельских показаний как правила существа или процедуры, предусмотренного законом Казахстана; является ли предполагаемое устное соглашение соглашением о совместной деятельности (в соответствии со статьей 228 Кодекса) таким образом, что отношения между Истцом и О1-О3 представляют собой простое товарищество в соответствии с законодательством Казахстана (как утверждает Истец); и каковы необходимые элементы требования о неосновательном обогащении в соответствии с законодательством Казахстана (в том числе необходимо ли истцу доказывать, что ответчики не имели никакого законного права владеть каким-либо имуществом, о котором идет речь).
- b) Одним из таких вопросов является вопрос о том, будет ли предполагаемое устное соглашение представлять собой “внешнеэкономическую сделку” в соответствии со статьями 1084 и 1104 Кодекса, так что оно будет недействительным, если не будет заключено в письменной форме. Г-н Каругуссов (эксперт О1 /О3) говорит, что это могло бы представлять собой такую сделку (с чем эксперт О2 в основном согласился, хотя и старался не высказывать свое мнение по фактам); г-н Конысбаев (эксперт Истца) говорит, что нет. Очевидно, что этот вопрос должен быть решен в судебном порядке, что, вероятно, будет особенно сложным вопросом в условиях, когда, по словам г-на Конысбаева, “в судебной практике Казахстана отсутствует определение “внешнеэкономической сделки”...”.
- c) Это не тот случай, когда вопросы, возникающие в соответствии с законодательством Казахстана, скорее всего, будут второстепенными или не смогут повлиять на конечный результат. Они являются центральными.
- d) Арбитражный суд, конечно, хорошо разбирается в вопросах иностранного права, и хорошо известны случаи, когда оспаривалось законодательство Казахстана, но это не отменяет иностранного права как фактора, в частности, в тех случаях, когда вопросы, возникающие в соответствии с иностранным законодательством, по-видимому, противоречат законодательству Казахстана, быть такими, которые ранее не были определены в судах соответствующей страны (здесь, Казахстан): смотрите, в частности, пункт выше об отсутствии определения “внешнеэкономической сделки” в судебной практике Казахстана. Точка зрения, высказанная Кокериллом Дж. в деле VTB

Commodities Trading против JSC Antipinsky Refinery " [2021] EWHC 1758 (Comm) в пункте 201, здесь уместна:

“...особенно непривлекательна перспектива просить судью этого Суда высказать свое мнение относительно области, где российское законодательство, по-видимому, вызывает серьезные споры и действительно находится в процессе разработки. Это тем более актуально, что любое обжалование решения в соответствии с российским законодательством здесь было бы затруднено из-за того, что оно принималось на основе фактов и экспертных заключений, в которые апелляционный суд вряд ли вмешается, в то время как в России был бы доступен полный процесс обжалования”.

(Смотрите также заявление PJSC Bank “Finance and Credit” (ПАО “Банк” Финансы и кредит”) против Zhevago [2021] EWHC 2522 (Ch) (Flaux C), в котором цитируется и подтверждается это в пунктах 82 и 141).

- e) Как правило, предпочтительнее (при прочих равных условиях), чтобы дело рассматривалось в стране, законодательство которой применяется, и этот фактор имеет особую силу там, где вопросы права, вероятно, имеют важное значение и где существуют соответствующие различия в правовых принципах или нормах, применимых к этим вопросам в двух странах в целом, оспаривание в качестве надлежащей юрисдикции (VTB против Nutritek, пункт 46). Таким образом, в данном случае, когда юридические вопросы носят сложный характер и когда материальные законы Англии и Уэльса не являются в значительной степени аналогичными нормам применимого права, общий принцип, согласно которому другой суд будет применять свое собственное законодательство более надежно, чем иностранный суд, является весомым фактором, указывающим в пользу из числа судов Казахстана.
- ii) Истец и трое индивидуальных ответчиков имеют существенные связи с Казахстаном.
 - a) Истец проживал в Казахстане до (по его словам) августа 2018 года, будучи там “ведущим специалистом в энергетическом секторе” (как он утверждает в пункте 1 своих исковых требований), в том числе возглавлял АО "АстанаЭнергоСервис", государственную холдинговую компанию, которой принадлежали все энергетические компании в Астане, и ТОО "Карагандинский Энергоцентр", частную компанию энергетическая компания, которая владела электростанцией и обеспечивала энергией город Караганда. Это правда, что в настоящее время он проживает в Англии, но его веб-сайт подтверждает, что он видит свое будущее в Казахстане. В нем говорится о том, что в настоящее время он учится на 2-летней магистерской программе в университете Великобритании и что он “планирует вернуться в Казахстан после завершения учебы и совершенствования своих знаний и навыков в области инвестиций и венчурного капитала. Обладая знаниями и опытом работы в энергетическом секторе, он верит в прогрессивное развитие национальной экономики”.
 - b) В исковых требованиях указывается, что трое ответчиков физических лиц “также являются бизнесменами казахского происхождения” (на самом деле O1 родился в Узбекистане, но впоследствии обосновался в Казахстане и имеет там значительные деловые интересы). Все они имеют значительные экономические и деловые интересы в Казахстане.
 - c) Тот факт, что (как я уже отмечал) O1 является резидентом Великобритании и обслуживался по праву в пределах юрисдикции, является связующим фактором с Англией. Однако, как я также отметил, хотя я обнаружил, что Ответчик-1 имеет

постоянное место жительства в Англии, он также проживает в ОАЭ, и, скорее всего, он является резидентом в обоих местах.

d) Альтернативный иск о неосновательном обогащении предъявлен Истцом в качестве правопреемника по иску казахстанской компании "ККС Караганды".

iii) Почти все события, имеющие отношение к этому спору, произошли в Казахстане.

a) Они касаются развития проекта по добыче биткоинов в Казахстане.

b) В событиях участвуют физические лица, почти все из которых проживали в Казахстане в рассматриваемое время. Что касается отдельных сторон, то О1 больше не проживал в Казахстане на момент заключения предполагаемого устного соглашения, но, тем не менее, у него все еще были существенные деловые интересы в Казахстане, и он проводил там время (действительно, Истец утверждает, что именно в Казахстане он впервые встретился с О1, а также с О2 и О3 в связи с проектом по добыче биткоинов).

c) Утверждения касаются ряда встреч в Казахстане. В своем заявлении истец описал переговоры, которые он провел с О2 и О3 в Казахстане (до того, как была достигнута предполагаемая устная договоренность), как "расширительные". Он говорит, что встречался с О1 (как до, так и после предполагаемого устного соглашения) по меньшей мере 6 или 7 раз, из которых все, кроме i) встречи за ужином в Лондоне 10 июня 2017 года и ii) возможной встречи в Москве⁷ были в Казахстане. О2 считает, что он встречался с Истцом в общей сложности три или четыре раза; Истец добавил в своем ответе доказательства еще шести встреч с О2; все это происходило в Казахстане. Истец сказал, что у него были "десятки" встреч, большинство из которых, по его словам, были с О3, и в его описании этих встреч говорилось, что все они проходили в Казахстане.

d) Имущество, которое было передано (Сталь и здания АБК), находится в Казахстане.

e) Единственным существенным событием, имеющим отношение к иску, которое, судя по деталям иска и представленным на сегодняшний день доказательствам, имело место за пределами Казахстана, является "лондонская встреча", когда, как утверждает истец, была достигнута устная договоренность. Однако то, что эта встреча состоялась в Лондоне, не имеет особого значения – это просто место, где в то время находились Истец (который был в отпуске) и О1. Более того, каким бы ни был окончательный вывод относительно того, было ли достигнуто юридически обязывающее соглашение на этой встрече, примечательно (a), что Истец не счел достаточно важным упомянуть об этом в своем подробном письме до подачи иска, и (b) что в своих доказательствах по этим заявлениям он объяснил членам семьи, что краткость обсуждений на встрече в Лондоне была обусловлена тем, что "мы уже обсудили ключевые вопросы и контуры нашей сделки в ходе наших предыдущих обсуждений в Казахстане". Таким образом, тот факт, что предполагаемое устное соглашение якобы было заключено в Лондоне, является, в обстоятельствах данного дела, не имеет большого значения в связи с соответствующим вопросом юрисдикции.

iv) Что касается Сталь и зданий АБК, то они не только находились в Казахстане, но и:

a) Соответствующий контекст включает в себя (письменные) соглашения о купле-продаже подстанции Сталь и зданий АБК. Эти соглашения были заключены между казахстанскими юридическими лицами (а именно, ККС Караганда, транспортным

⁷ О1 говорит, что, возможно, Истец приезжал в его офис в Москве до февраля 2022 года (когда он закрыл этот офис), но он не может вспомнить.

средством, которое, по утверждению Истца, было связано с ним, и Prima, транспортным средством, связанным с ответчиками) на основе письменных соглашений, заключенных и оформленных на русском языке, которые прямо регулировались законодательством Казахстана и которые содержали положения о юрисдикции судов Казахстана.⁸

- b) Существует спор относительно того, были ли эти переводы осуществлены по номинальной или рыночной стоимости. Для этого вполне могут потребоваться доказательства оценки соответствующего имущества в Казахстане.
- c) По альтернативному делу Истца (в соответствии с нормами казахстанского законодательства о неосновательном обогащении)

представляется, что он стремится расторгнуть эти сделки и, как правопреемник "ККС Караганды", добивается распоряжения о том, чтобы Сталь и здания АБК были возвращены ему в натуре (в соответствии со статьей 955 Кодекса).

Ответчики не предполагали, что это предусматривает какую-либо конкретную отдельную юрисдикционную норму, но тот факт, что испрашивается такая защита, является сильным связующим фактором с Казахстаном.

- v) Первым языком (языками) всех потенциальных свидетелей для судебного разбирательства, выявленных на данный момент, является русский и/или казахский, оба являются официальными языками в Казахстане.

- a) Таким образом, маловероятно, что потребуются какой-либо перевод свидетельских показаний, если спор будет рассматриваться в Казахстане. Не было никаких предположений о том, что какой-либо свидетель в суде должен будет давать свои показания на английском языке.

- b) Однако многим свидетелям пришлось бы давать показания через переводчика, если бы судебное разбирательство проходило в Англии. Восемь свидетельских показаний, представленных для целей этих заявлений, были составлены на русском языке и представлены с переводом на английский.⁹

- c) Это относится и к самому Истцу (в чьих первых свидетельских показаниях говорится, что он "ограниченно говорит по-английски" и что его устные показания в Англии "потребовали бы помощи переводчика"). Это имеет особое значение в случае, когда основное утверждение заключается в устном соглашении, заключенном на другом языке, и когда можно было бы ожидать, что определенный акцент будет сделан на фактических словах, использованных (в той мере, в какой их можно вспомнить) в ходе обсуждений, и их значении с точки зрения заключения юридического соглашения. Обязательное к исполнению соглашение. Очевидно, что почти все (если не все) разговоры между ключевыми лицами, которые, вероятно, имеют отношение к делу, велись на русском языке.

- d) O2 также отметил в своем заявлении, что, если бы ему пришлось давать устные

⁸ Соглашение от 13 июня 2017 года между ККС Караганда и компанией Ниа Тун (Хуа Тун) в отношении недвижимости также было соглашением (составленным на русском языке), которое прямо регулировалось законодательством Казахстана.

⁹ Соглашение от 13 июня 2017 года между ККС Караганда и компанией Ниа Тун (Хуа Тун) в отношении недвижимости также было соглашением (составленным на русском языке), которое прямо регулировалось законодательством Казахстана.

показания, он хотел бы сделать это на казахском или русском языках.

е) Другие потенциальные свидетели, которые не давали показаний в контексте этих заявлений, но некоторые из которых были определены сторонами в качестве возможных свидетелей, также, вероятно, находятся в Казахстане и, возможно, им придется давать показания на казахском или русском языках.

vi) Почти все соответствующие документы составлены на казахском или русском языках. а) Это увеличило бы стоимость судебного разбирательства в Англии за счет затрат на получение переводов документов, которые будут использоваться в ходе судебного разбирательства, а также, вероятно, усложнило бы или удорожило процедуру раскрытия информации (либо из-за необходимости поиска юристов, владеющих соответствующим языком (языками), и/или из-за огромного количества документов должны быть переведены перед раскрытием).

Это также имело место в одном из экспертных докладов по казахстанскому праву, подготовленном г-ном Калдыбаевым.

б) Из обмена доказательствами на сегодняшний день также очевидно, что существуют все основания для возникновения споров по поводу точного перевода документов с казахского/русского на английский язык. Такие споры уже возникали в связи с (относительно) небольшим количеством документов, представленных в качестве доказательств по этим заявлениям.

vii) Из доказательств, представленных для рассмотрения этих заявлений, следует, что разногласия между сторонами в ходе судебного разбирательства, вероятно, будут включать ряд вопросов, которые ответчики охарактеризовали как “нюансы казахстанского законодательства и коммерческой практики”. Примерами этого могут служить (i) вопросы, касающиеся казахстанской энергетики и рынков электроэнергии и ценообразования на них, включая их регулирование (в частности, в отношении того, устанавливаются ли тарифы на электроэнергию центральным правительственным комитетом Казахстана и в какой степени); (ii) утверждение Истца, оспариваемое ответчиками, о том, что среди “бизнесменов старой школы” в Казахстане существует “общее понимание того, что сделка заключается на основе джентльменского соглашения без каких-либо письменных контрактов”; и (iii) предположение, высказанное в заявлении г-на Наурзалиева, поданном от имени Истца (и в контексте владения ККС Караганда), о том, что передача акций “без каких-либо документов” является “нормальной практикой в Казахстане”. Независимо от того, потребуются ли для решения этих вопросов в английском суде экспертные заключения (как предполагали ответчики), очевидно, что подобные вопросы, вероятно, будут решаться легче (и, возможно, с меньшими затратами) в Казахстане.

viii) Местонахождение свидетелей не является особенно важным фактором в любом направлении. Истец в настоящее время находится в Англии. Все отдельные ответчики находятся в ОАЭ (хотя я и утверждал, что О1 также проживает в Англии, он, по-видимому, в основном находится в ОАЭ). Некоторые из других свидетелей (семья Истца) находятся в Англии, но большинство других опознанных на данный момент находятся в Казахстане. В обстоятельствах, когда часто возможно дача показаний по видеосвязи (и в данном случае экспертиза подтвердила, что казахстанские суды будут принимать доказательства, представленные по видеосвязи), этот фактор, как мне кажется, в любом случае не окажет реальной помощи.

171. Истец ссылался на тот факт, что предполагаемое устное соглашение было заключено в Англии (что, как объяснялось выше, является относительно хрупкой связью с этой юрисдикцией). Он также ссылался на тот факт, что ни одна из сторон в настоящее время не проживает в Казахстане и что О1 отказался от своего казахстанского гражданства. Однако, что касается их роли в судебном разбирательстве в качестве свидетелей, я уже говорил об этом выше и объяснил, почему это не является фактором в ту или иную сторону. С точки зрения их роли в качестве сторон судебного процесса, очевидно, что все отдельные стороны хорошо знакомы с Казахстаном и сохраняют связи с Казахстаном (и Истец выразил намерение вернуться туда), и никто не предполагал, что привлечение казахстанских юристов из-за рубежа к ведению судебного разбирательства вызовет какие-либо трудности. Тот факт, что О1 было вручено по праву в Англии, является, как я уже отмечал выше, фактором, связывающим этот спор с Англией, и его нельзя упускать из виду. То, что О1 отказался от казахстанского гражданства и теперь имеет британский паспорт, также является связующим фактором с Англией. Однако в обстоятельствах данного дела эти факторы, даже в сочетании с тем фактом, что Истец в настоящее время проживает в Англии, не имеют достаточного веса, чтобы оценить силу связей этого спора с Казахстаном.

172. Истец также ссылается на тот факт, что активы, являющиеся предметом его претензий, находятся за пределами Казахстана, а именно акции О4 (кипрской компании) и биткойны, полученные О1-О3, которые (как сформулировал основной аргумент г-на Самека) находятся "в облаке" и в биткойн-кошельки, доступные из любого места, где находятся О1-О3. Правильно, что эти активы находятся не в Казахстане. Однако это не указывает на связь спора с Англией. Даже если биткойны доступны, например, О1, когда он находится в Англии (где он иногда бывает), они доступны и ответчикам, когда они находятся в Казахстане (где у всех них есть деловые интересы, включая бизнес, который генерирует эти биткойны). Это нейтральный фактор.

173. Истец также ссылается на возможность приведения в исполнение судебного решения (что, как я полагаю, в принципе может быть важным фактором), заявляя, что английское судебное решение может быть легко приведено в исполнение в отношении акций О4 на Кипре, в отношении О1-О3 в Дубае (или в Англии, для О1) и/или в отношении соответствующих акций обмена биткойнов или кошельков. Основной аргумент г-на Самека заключался в том, что это, вероятно, было бы проще, чем привести в исполнение решение казахстанского суда, но доказательств этому вообще не было. Истец нигде не пытался привести какие-либо доказательства легкости приведения в исполнение решения казахстанского суда.

174. Наконец, заявитель утверждает, что О1 имеет интерес выгодоприобретателя в двух объектах недвижимости в Англии (хотя из представленных доказательств это не было ясно, поскольку объекты были оформлены на имя i) его жены и ii) багамской компании), в отношении которых могло быть исполнено судебное решение, в то время как не было никаких доказательств конкретного актива в Казахстане. Однако неясно, имеет ли О1 такой выгодный интерес к собственности в Англии (как я уже отмечал), и если да, то какова может быть ее стоимость (маловероятно, что она будет сколько-нибудь существенной по сравнению с суммами, заявленными в ходе этого разбирательства). Любое принудительное взыскание, скорее всего, будет осуществляться в другом месте и в отношении других активов.

175. Даже принимая во внимание все доводы Истца о связях с Англией, эти связи являются относительно незначительными по сравнению с очень существенными связями с Казахстаном. Подводя итог, можно сказать, что это дело имеет очень слабую связь (и не

имеет никакого существенного отношения) с Англией, в то время как оно имеет очень существенную связь с Казахстаном.

176. Более того, очевидно, что Истец может обратиться в суды Казахстана со своими требованиями. Не было никаких предположений о том, что ответчикам не может быть предъявлен иск в этой стране (и О1 - О3 подтвердили, что они готовы подчиниться юрисдикции судов Казахстана). Также очевидно, что Истец может вести разбирательство в судах Казахстана, учитывая, что он делал это в недавнем прошлом. В своем третьем заявлении г-н Моруцци привел примеры таких разбирательств, включая апелляцию, поданную ККС Караганды (против Prima) в 2019 году в споре о зданиях АБК.

177. Истец утверждал в своих доказательствах и в основной аргументации своих адвокатов, что Казахстан не был для него реально доступным судом в данном конкретном случае из-за нормы казахстанского законодательства, содержащейся в статье 153(1) Кодекса, согласно которой в случае предполагаемого устного контракта, стороны не могут доказать существование контракта “свидетельскими показаниями”. Предполагалось, что в результате применения этого правила Истец не сможет доказать свою претензию в Казахстане по доказательственным причинам (а не из-за существа претензии), в результате чего он заявил, что Казахстан не является доступным местом для юрисдикции. Однако в своих устных заявлениях г-н Самек рассматривал этот момент не как свидетельство доступности Казахстана в качестве форума, а как фактор, создающий реальный риск существенной несправедливости по отношению к Истцу, если ему придется отстаивать свои претензии там (в рамках 2-го этапа проверки Spiliada). Это, безусловно, подходящее место для рассмотрения этого аргумента, который вообще не касается “доступности” (см., например, обсуждение в Briggs, Гражданская юрисдикция и судебные решения, параграф 22.09). Поэтому я рассмотрю этот момент ниже в данном контексте.

178. По этим причинам я считаю, что Казахстан является доступной юрисдикцией и, безусловно, является наиболее подходящим местом для рассмотрения этих претензий. Очевидно, что это более подходящее место, чем Англия.

Этап 2 – существует ли реальный риск существенной несправедливости?

179. Истец утверждает, что несмотря на то, что Казахстан является более подходящим судом, существует реальный риск того, что в Казахстане не будет осуществлено правосудие по существу, так что рассмотрение исков в Англии не следует приостанавливать на основании того, что суд не является удобным.

180. В своих доказательствах и в ходе подготовки к судебному разбирательству Истец ссылаясь на ряд моментов в этом отношении, но в своих устных заявлениях г-н Самек подтвердил, что в настоящее время он опирается только на два момента. Во-первых, аргумент, основанный на статье 153 Кодекса; и, во-вторых, аргумент, основанный на угрозах, которые, по утверждению Истца, поступали в его адрес и в адрес некоторых его потенциальных свидетелей.

(1) Статья 153 Кодекса

181. В соответствии со статьей 151 Кодекса Казахское законодательство в целом признает устные соглашения (за исключением случаев, когда закон прямо требует письменной формы соглашения). Статья 152 требует, чтобы стороны заключали письменное соглашение, если соглашение касается предпринимательской деятельности (статья 152.1(1)) или если суммы соглашения превышают определенный порог (статья 152.1(О-2)). Было

общепризнано, что соглашение, о котором заявляет Истец в данном случае, подпадает под одно или оба из этих описаний и, следовательно, требует письменной формы в соответствии со статьей 152.

182. Однако, как также было общепринято, не заключение письменного соглашения не делает его недействительным в соответствии с законодательством Казахстана. Пункт 1 статьи 153 Кодекса гласит (в переводе, предоставленном экспертом Истца, г-ном Конысбаевым):

“...несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае возникновения спора подтверждать заключение, содержание или исполнение свидетельскими показаниями. Однако стороны имеют право подтвердить заключение, содержание или исполнение письменными или иными доказательствами, отличными от свидетельских показаний.”

183. Таким образом, статья 153(О-2) Кодекса предусматривает, что соглашение будет считаться недействительным только в случае неиспользования письменного соглашения в случаях, прямо предусмотренных законом или соглашением сторон.

184. Истец утверждает, что действие статей 152(1) и 153 заключается в том, что существует (по крайней мере) реальный риск того, что его свидетельские показания и показания других свидетелей, подтверждающих его дело об устном соглашении, не будут приняты казахстанскими судами с таким результатом (по его словам), что он не сможет доказать свою правоту в казахстанских судах. Он сравнивает позицию, которая была бы достигнута, если бы дело рассматривалось в Англии, где, по его утверждению, эта норма казахстанского законодательства не применялась бы, поскольку это норма казахстанской процедуры, а не материального права, так что его показания (и показания свидетелей, поддерживающих его дело) были бы допустимо доказать свое устное согласие в английском суде (несмотря на то, что соглашение будет регулироваться законодательством Казахстана). Поэтому с его стороны было бы несправедливо настаивать на своем иске в Казахстане, поскольку, по его словам, он проиграл бы в результате применения этого правила.

185. На самом деле, эта позиция содержит больше нюансов, чем та, которую отстаивает Истец. Ниже приводится позиция, которая вытекает из представленных суду доказательств.

186. Во-первых, действие статьи 153(1) Кодекса не является таким исключаяющим с точки зрения доказательств, как предполагал Истец. Из заключения эксперта по законодательству Казахстана стало ясно, что:

- i) Исключение “свидетельских показаний” не мешает стороне судебного разбирательства изложить свои собственные соображения в “первичном документе по делу”. Эти соображения будут приняты судом во внимание аналогично показаниям свидетелей. Это было разъяснено экспертами ответчиков и не было, по существу, оспорено экспертом Истца.
- ii) Истцу не будет запрещено приводить “свидетельские показания” третьих лиц в отношении контекста или образца, например, относительно поведения какой-либо стороны, соответствующего хода событий или других объективных фактов. По этому поводу, согласно экспертным заключениям, не было никаких серьезных разногласий.

187. Следует отметить, что эксперты по казахстанскому законодательству придерживались мнения (выраженного различными способами), что суд в Казахстане, скорее всего, скептически отнесется к неподтвержденным показаниям свидетеля или к неподтвержденному заявлению стороны в его первичном документе по делу относительно

устного соглашения. Однако в данной юрисдикции также вполне может случиться так, что неподтвержденные доказательства заинтересованной стороны относительно существования сложного устного соглашения в коммерческом контексте будут рассматриваться судьей с некоторой осторожностью и вполне могут иметь относительно небольшой вес, хотя многое, несомненно, будет зависеть от обстоятельства и имеющиеся документальные свидетельства. Это вопрос веса, который суд может придать приемлемым доказательствам, и трудно понять, как это может быть равносильно “существенной несправедливости” в данном контексте.

188. Это верно, что доказательства третьей стороны относительно заключения соглашения были бы исключены по этому правилу, но в данном случае в любом случае можно было бы усомниться в реальной ценности таких доказательств, поскольку единственными прямыми свидетелями предполагаемого устного соглашения были Истец и О1, так что в данном случае можно было бы усомниться в реальной ценности таких доказательств. свидетельства других лиц о том, что было сказано или согласовано, являются слухами (например, о том, что Истец якобы рассказал своей жене и сыну о заключении соглашения).

189. Во-вторых, в Казахстане Истец также сможет представить документальные доказательства в поддержку своего предполагаемого устного соглашения.

Это не было спорным: Истец подтвердил в своем основном аргументе, что стороны в Казахстане “имеют право подтверждать заключение, содержание или исполнение письменными или иными доказательствами, отличными от свидетельских показаний (показания свидетелей)”. Истец представил ряд документов для целей этих заявлений, которые, по его утверждению, подтверждали его предполагаемое устное соглашение (например, электронную таблицу и сообщения Telegram, упомянутые в пункте 97 выше), и он с таким же успехом мог полагаться на документы в Казахстане.

190. В результате, большая часть доказательной базы в судах Казахстана будет аналогична той, которая была до судебного разбирательства спора в Англии.

191. Эксперт Истца в своем отчете привел примеры предыдущих исков Казахстана, в которых Истец ссылался на устный контракт, но суд отказался принять свидетельские показания, подтверждающие наличие контракта, и иск был отклонен за отсутствием доказательств. Истец также признал, что в Казахстане было несколько дел, в которых суд установил, что устный договор был заключен на основе документов, хотя и предположил, что в целом это были простые дела с документом, который предоставлял четкие доказательства. Однако эти дела касались их собственных конкретных фактов и не выдвигали принципиальных аргументов.

192. В любом случае, даже если применение рассматриваемого правила приведет к результату, отличному (или реальному риску иного результата) в Казахстане от того, который может быть достигнут в Англии, этого недостаточно, чтобы представлять собой "существенную несправедливость" для этой цели.

- i) Статьи 152(1) и 153(1) Кодекса имеют понятную и рациональную основу. Аналогичные положения содержатся в других правовых системах СНГ (например, аналогичные положения в России были предметом спора в деле *Filatona Trading Limited против Navigator Equities Limited* [2019] EWHC 173 (Comm)). Каждая правовая система может по-разному подходить к соблюдению формальностей, необходимых для заключения юридически обязательного контракта, и/или к доказательствам, которые являются допустимыми в обоснование контракта. Тот факт, что система другой страны отличается от системы английского права, сам по себе не является причиной того, что

в судах этой страны невозможно добиться существенного правосудия.

- ii) Из приведенных выше положений ясно, что тот факт, что иностранная система отличается и может привести к другому результату, недостаточен для того, чтобы считать это “существенной несправедливостью”. Более того, если – как в данном случае – был определен явно более подходящий суд, то, вообще говоря, Истец должен воспользоваться этим судом в том виде, в каком он его считает; и это включает систему судебного разбирательства, включая правила доказывания, применимые в иностранном суде (см. " Connelly против RTZ", выше).
- iii) Неясно, будет ли рассматриваемая норма квалифицироваться как процессуальная или материальная по своему характеру в соответствии с законодательством Казахстана. Эксперты ответчиков предположили, что она носит материальный характер; эксперт Истца - процессуальный. В любом судебном разбирательстве в Англии этот вопрос должен быть решен. Но даже если его следует рассматривать как процессуальный (к такому выводу пришел Тир Джей в деле Filatona в пункте 341 в отношении аналогичного положения российского законодательства¹⁰) и, следовательно, он не будет применяться в Англии, то, по-видимому, не будет никакой реальной несправедливости со стороны, принявшей решение, соглашение, которое регулируется законодательством Казахстана и действует в соответствии со всеми нормами законодательства Казахстана, которые к нему относятся, а не только с некоторыми из них.
- iv) На самом деле, несколько странным является утверждение о том, что Истец может добиться "справедливости" только путем применения некоторых, но не всех норм законодательства Казахстана, касающихся заключения договоров. То, что Истец пытается сделать в данном случае, — это подать иск в соответствии с законодательством Казахстана, но попытаться сделать это за пределами Казахстана (который является естественной юрисдикцией), чтобы одна из норм законодательства Казахстана, которая действовала бы ему во вред, не применялась. То, что он не может этого сделать, не является существенной несправедливостью с его стороны.
- v) Жалоба Истца на самом деле сводится к тому, что он утверждает, что выиграл бы в Англии, но проиграл в Казахстане. Но это, как ясно из заявления властей, не является "существенной несправедливостью" в данном случае.

193. В результате не было бы реального риска существенной несправедливости на этом основании, если бы Истцу пришлось подавать свой иск в суды Казахстана.

194. Как отмечалось выше, на предыдущих этапах (хотя и не на самом слушании) Истец предположил, что правило, содержащееся в статье 153(1), привело к тому, что казахстанский суд был недоступен для рассмотрения его иска (относящегося к этапу 1 проверки Spiliada). Как я уже сказал, этот пункт не был рассмотрен в устных заявлениях. Во избежание каких-либо сомнений, я отвергаю любые утверждения о том, что этот пункт делает суды Казахстана недоступными для Истца при рассмотрении его иска. Это явно не так. Он может подать свой иск в казахстанские суды. Его жалоба заключается не в том, что суд для него недоступен, а в том, что он опасается, что проиграет или, скорее всего, проиграет там.

¹⁰ Хотя, см. Дело ПАО "Банк Санкт-Петербурга" против Архангельского [2018] в EWHC 1077 (Ch), параграф 829(9), где Хилдьярд Дж. придерживается иной точки зрения.

195. Как сказал г-н Самек в своей основной аргументации, Истец “не критикует казахстанские суды за применение различных процедур (и не призывает этот суд к этому); он лишь утверждает, что это существенное процессуальное различие в данном конкретном случае означает, что судебное разбирательство в казахстанском суде реально невозможно.” Это продемонстрировало, что то, что Истец пытался представить как указание на доступность иностранного суда, не было ничем подобным. Это была жалоба на то, что рассматриваемое правило приведет или может привести к его проигрышу. Но это явно не было вопросом недоступности суда.

(2) Предполагаемые угрозы

196. Вторым вопросом, на который обращалось внимание в ходе слушания, которое, как было заявлено, касалось вопроса о том, существует ли реальный риск существенной несправедливости в Казахстане, было утверждение Истца о том, что некоторым из его свидетелей и потенциальным свидетелям угрожали, чтобы они не давали показаний в пользу Истца. Вопросы, на которые ссылался Истец, заключались в следующем.

197. Во-первых, Истец опирался на показания г-на Армана Наурзалиева:

- i) Г-н Наурзалиев указал в своем заявлении, что с момента встречи с Истцом в 2012 году он работал у Истца на руководящей должности в компаниях, конечным бенефициарным владельцем которых был Истец. С ноября 2016 года он является директором "ККС Караганды". Он сказал, что считает Истца и его брата Айдына фактически членами своей семьи.
- ii) Дав некоторые показания о “ККС Караганды” и сделках, связанных с подстанцией Сталь и зданиями АБК, г-н Наурзалиев рассказал (без ссылки на какие-либо документы или другие доказательства) о встрече, которая состоялась у него в мае 2024 года, со своим “давним знакомым”, имеющим “связи в криминальном мире”, в Казахстане”, с которыми он встречается раз в 2-3 месяца и встречи с которыми “больше похожи на встречи друзей”. На упомянутой встрече (которая состоялась “в заранее оговоренном нейтральном месте на дороге рядом с жилым комплексом”) г-н Наурзалиев сказал, что его друг из О2 передал ему сообщение с призывом прекратить поддерживать Истца и предупреждением о серьезных последствиях, если он этого не сделает. Он сказал, что с его другом связалось то, что г-н Наурзалиев назвал “бандитским комитетом”, который, по его словам, был группой лиц, имеющих связи с преступным миром Казахстана (именно так он описал своего друга). Он сказал, что его друг попросил его не давать никаких свидетельских показаний о проекте по добыче золота (в котором, как утверждает, участвовали Истец и О2, но в любом случае, который, по-видимому, не связан с этим спором), или о судебном разбирательстве Истца против О2 в Лондоне, или о любых других вопросах в котором участвует Истец. Г-н Наурзалиев сказал, что не было бы смысла сообщать об этих угрозах правоохранительным органам Казахстана, поскольку, по его словам, “у этого “бандитского комитета” есть свои люди в правоохранительных органах, и, если бы я сообщил об этих угрозах, “бандитский комитет” узнал бы об этом в течение нескольких дней”, и было неясно, с какими последствиями я мог столкнуться в результате”.
- iii) Несмотря на эту версию, г-н Наурзалиев дал свидетельские показания для целей настоящего заявления от 24 июня 2024 года, и на слушании не было представлено никаких доказательств того, что в результате он пострадал от каких-либо последствий.

198. Во-вторых, Истец сообщил, что двум другим потенциальным свидетелям, а именно

г-ну Джону Аббасу Заиди и г-же Елене Каплуновской, угрожали, чтобы они не давали показаний в поддержку Истца. Они оба участвовали в подготовке технических отчетов по электростанциям, которые, по словам Истца, могут быть пригодны для предложения инвесторам в рамках конкретного проекта (который, по словам Истца, был (как он сам это называет) СП GM). Значение придавалось не тому, о чем, по их словам, они могли бы дать показания (на самом деле, ни у одного из этих потенциальных свидетелей, по-видимому, нет доказательств, которые, вероятно, имели бы значение для решения ключевых вопросов в этом споре), а просто утверждению о том, что им угрожали.

- i) Истец утверждает, что эти два человека согласились предоставить ему свидетельские показания, но после угроз они отказались это сделать. Он утверждает, что в ходе телефонного разговора с ним 7 июня 2024 года (который он записал и расшифровал) г-жа Каплуновская сообщила ему, что: i) г-н Аббас работал над проектом в Узбекистане, и представитель узбекского правительства сказал ему, что, если он планирует давать показания в пользу Истца, ему следует уйти в отставку из проекта; и ii) что к ее мужу в Казахстане обратились люди, предлагавшие деньги, если г-жа Каплуновская не будет свидетельствовать в пользу Истца, а затем, когда в этом было отказано, эти люди начали угрожать ей, ее мужу и детям.
- ii) Истец признает, что он не знает, кто делал эти предполагаемые угрозы, но он говорит, что не может представить себе кого-либо еще, заинтересованного в их совершении, кроме Ответчиков.

199. В-третьих, Истец сообщил, что он получал анонимные угрозы по электронной почте (“есть люди, которые пытаются причинить вам вред... и они уже получили достаточно информации, которая может привести к тому, что вы будете похоронены и окажетесь на длинной темной дороге...”) от кого-то, кто предлагал “повторно...получить информацию и помочь вам найти людей, которые отвечают за это”. Однако в рассматриваемых электронных письмах не было ничего, что указывало бы на какую-либо связь с этим спором, или с кем-либо из ответчиков, или вообще с чем-либо конкретным, в чем был замешан Истец.

200. Ответчики полностью отрицали, что имеют какое-либо отношение к каким-либо “угрозам”, которые им поступали. Более того, и г-н Заиди, и г-жа Каплуновская дали свидетельские показания в поддержку О2 и его заявлений, заявив, что им вообще не угрожали.

201. Г-н Заиди сказал, что Истец обратился к нему с просьбой предоставить доказательства примерно в марте 2024 года, но г-н Заиди почувствовал, что то, о чем его просят предоставить доказательства, выходит за рамки его собственных знаний или понимания. Г-н Заиди также сообщил, что Истец пообещал выплатить ему финансовую компенсацию, что г-н Заиди воспринял как предложение какой-то взятки. Г-н Заиди сказал, что это было одной из причин, по которой он решил не помогать Истцу. Он заявил, что утверждения о том, что он подвергнулся запугиванию со стороны кого-либо из ответчиков или от их имени с целью не предоставлять доказательства в пользу Истца, полностью не соответствуют действительности, что он не получал никаких угроз и не подверглся запугиванию со стороны кого-либо в связи с этим разбирательством или иным образом, и подтвердил, что на него никоим образом не оказывалось давления с целью заставить его дать свидетельские показания.

202. Что касается госпожи Каплуновской:

- i) Она сказала, что Истец также обратился к ней в марте 2024 года и что она была склонна

помочь ему, учитывая их прежние хорошие отношения, хотя она считала, что ее участие в качестве свидетеля обязательно будет ограничено подтверждением того, над какими проектами она работала. По ее словам, Истец сказал ей, что в случае победы в деле он поделится с ней присужденной ему суммой. По ее словам, Истец говорил о возможном давлении на нее, а также об угрозах, которые могут быть высказаны, и попросил ее дать показания о том, что ей угрожали. Она заявила, что на нее не оказывалось никакого давления и ей не угрожали, и поэтому она отказалась предоставить Истцу такие свидетельские показания.

- ii) Однако, по ее словам, Истец пытался “навязать” ей свое мнение о том, что на нее, должно быть, оказывалось давление. Затем она сказала, что, по ее мнению, она могла избежать участия в судебном процессе, сказав Истцу то, что он хотел услышать, что она и сделала. Она объясняет, что, по ее мнению, у нее был единственный выход - рассказать Истцу то, что он хотел услышать, т.е. что члены семьи подвергались угрозам и давлению и что то же самое произошло с Г-ном Заиди, и надеялась, что, рассказав ему об этом, она будет избавлена от необходимости участвовать в судебном процессе.
- iii) Это послужило основой для ее объяснения разговора с Истцом 7 июня. Она сказала, что перед звонком выпила довольно много алкоголя с друзьями и что во время разговора, который она расценила как просто “вечернюю беседу”, она была “совершенно пьяна”. Она объясняет, что, по ее мнению, лучший способ избежать судебного разбирательства — это сказать Истцу то, что он хотел услышать, как она и делала, и во время разговора, по ее словам, она еще больше приукрасила эти истории. Она говорит, что не знала, что ее слова записываются.
- iv) За стенограммой самого телефонного разговора не всегда легко уследить, но, помимо того, что она содержит фрагменты, на которые ссылался Истец (которые, по словам г-жи Каплуновской, она выдумала), также ясно, что Истец очень хотел заставить ее сказать, что ей угрожали, и таким образом использовать это в ходе этого судебного разбирательства (“в английских судах... всего одно слово о том, что ей угрожают прийти сюда и дать показания, в корне меняет все дело”), даже если предположить, что это было единственное ценное свидетельство, которое она могла предоставить (сказав, что она “изначально никогда не была свидетелем” ... У нас даже не было понимания или формата, в котором вы могли бы быть свидетелем... вы никогда не были свидетелем”).
- v) В своих свидетельских показаниях она заявила, что не подвергалась никакому давлению или угрозам, и никакие посредники не оказывали давления на нее или на кого-либо из членов ее семьи.

203. Таким образом, имеющиеся данные представляют собой (в лучшем случае) нечто вроде неясной картины. Хотя есть некоторые свидетельства того, что им угрожали, некоторые из них противоречивы, показания о том, кто именно угрожал, в целом неясны, двое из тех, кто, как утверждается, подвергался угрозам, в подписанных свидетельских показаниях отрицают, что им угрожали, а ответчики отрицают, что вообще были к чему-либо причастны связанные с угрозами или запугиванием. Что касается свидетельских показаний г-на Заиди и г-жи Каплуновской, г-н Самек пытался предположить, что следует сделать вывод о том, что эти заявления были сделаны в результате дальнейших угроз в их адрес, но, как мне кажется, это связано с чем-то вроде порочного круга. Таким образом, из имеющихся свидетельств по этому поводу можно сделать относительно небольшой вывод. Принимая во внимание три обстоятельства, на которые ссылался Истец:

204. Во-первых, электронные письма, полученные Истцом, не содержат ссылок на что-

либо, связанное с этим спором. Они не могут иметь реального значения для формирования какого-либо мнения о предполагаемых угрозах, связанных с этим судебным разбирательством.

205. Во-вторых, утверждения в отношении г-на Заиди и г-жи Каплуновской также не связаны напрямую никакими доказательствами с ответчиками, как признал Истец в своих собственных показаниях. Что касается факта каких-либо угроз в адрес этих двух лиц.:

- i) Г-н Заиди в кратких и прямолинейных свидетельских показаниях отрицал, что в его адрес поступали какие-либо угрозы (и, по сути, предположил, что Истец пытался подкупить его).
- ii) Хотя рассказ г-жи Каплуновской несколько более запутан и может показаться немного странным, суть ее рассказа (в конце концов, она решила сказать Истцу, чего он от нее хочет, чтобы он ушел и оставил ее в покое, а затем приукрасила свой рассказ по телефону в состоянии алкогольного опьянения) не настолько неправдоподобен, чтобы (без каких-либо веских доказательств того, что он был неверным) его можно было сразу отвергнуть. Более того, из стенограммы следует, что у Истца никогда не было намерения вызывать ее в качестве свидетеля для рассмотрения вопросов существа дела, а только для того, чтобы сообщить, что ей угрожали.

206. В-третьих, утверждения, выдвинутые г-ном Наурзалиевым, напротив, были направлены против О2 как источника угроз (хотя его идентификация как лица, стоящего за угрозами, не была однозначной, утверждалось, что это сообщение поступило через то, что г-н Наурзалиев называл “бандитским комитетом”). Однако есть только версия (не подкрепленная никакими другими доказательствами) г-на Наурзалиева (он, очевидно, был близок к Истцу и в своем заявлении назвал его фактически членом своей семьи). О2 полностью отрицает эти обвинения. Стоит также отметить, что, если и были высказаны такие угрозы, они не помешали г-ну Наурзалиеву сделать свое заявление, и нет никаких свидетельств того, что это имело для него какие-либо последствия.

207. Принимая все это во внимание, мне кажется, что нет каких-либо четких доказательств, на которые я мог бы с уверенностью опереться в таком заявлении, чтобы утверждать, что существует реальный риск того, что Истец или его потенциальные свидетели подвергнутся угрозам, в связи с этим спором, если бы он имел место в Казахстане.

208. Но, в любом случае, даже на основании доказательств Истца относительно якобы имевших место угроз, это не дает оснований для вывода о том, что существует реальный риск существенной несправедливости, если спор рассматривался в Казахстане:

- i) Предполагаемые угрозы, которые, как утверждается, были высказаны на сегодняшний день (и на которые ссылается Истец), как утверждается, были высказаны в контексте этого судебного разбирательства, проходящего в Англии. Истец предполагает, что они добились успеха в том, что заставили г-на Заиди и г-жу Каплуновскую изменить свои показания (на основании которых я не могу прийти и не собираюсь прийти к какому-либо выводу), но если что-то указывает (на основании показаний Истца) на то, что какие-либо угрозы могут быть высказаны с таким же успехом, если разбирательство продолжится в Англии, как если бы они происходили не в Казахстане. Предполагаемые угрозы в адрес г-на Наурзалиева не стали причиной того, что он отказался от дачи показаний, и он не предполагал, что его позиция была бы иной, если бы его попросили дать показания в ходе судебного разбирательства в Казахстане. Другими словами, (предполагаемые) угрозы не имеют отношения к

процессу. Поскольку на эти доказательства вообще можно положиться, это говорит о том, что любые угрозы (если они были высказаны), по-видимому, были направлены на продолжение судебного разбирательства в целом, а не на судебное разбирательство в конкретном месте.

- ii) Не было никаких убедительных доказательств того, что ответчики имеют влияние на суды в Казахстане, или что каким-либо иным образом суды Казахстана не были бы так же хорошо подготовлены, как суды Англии, для рассмотрения любых утверждений о запугивании свидетелей в контексте этого спора или для соответствующей оценки доказательств.¹¹ Г-н Самек подтвердил в своих материалах, что не было никаких убедительных доказательств того, что судьи в Казахстане могут нарушить свою судебную присягу, и что не было никаких доказательств вмешательства в судебную систему. Хотя Истец и его адвокат (г-н Ятцуха) в своих свидетельских показаниях содержали некоторые расплывчатые предположения о том, что криминальные авторитеты Казахстана не будут действовать независимо и что ОЗ обладает определенным влиянием, это были полностью субъективные и необоснованные утверждения. Это были серьезные обвинения в неправомерных действиях учреждений (полиции и/или судебных органов), которые не могут быть подкреплены такими доказательствами – не было никаких “убедительных доказательств” или чего-либо похожего на это. Это не выходит за рамки “недостовой информации или предположения”, которых, как отмечает Бриггс (в отрывке, цитируемом Батчером Дж. в "Династии" (выше)), недостаточно. Безусловно, не было никаких экспертных доказательств (например, от кого-либо из экспертов в области законодательства Казахстана) того, что казахстанские суды или другие аналогичные учреждения в Казахстане не являются надежными.
- iii) Как ясно дают понять органы власти, на которые я ссылаюсь выше, необходимо проявлять осторожность, прежде чем принимать решение о том, что существует реальный риск того, что правосудие не будет совершено в пределах иностранной юрисдикции, и требуются убедительные доказательства.

209. Я должен также добавить, что в свидетельских показаниях брата Истца, г-на Айдына Алимова, были приведены некоторые доказательства, которые показали, что в Казахстане против него было возбуждено уголовное дело за отмывание денег и растрату, когда он был председателем правления компании под названием “Karagandaliquidshakht” (Караганда ликвид шахта). Он сказал, что его (неизвестный) контакт в агентстве по борьбе с коррупцией сообщил ему, что дело возбуждено против него в качестве “формы давления” на Истца, который, по его словам, также находится под следствием в Казахстане. Не было никаких документов, на которые ссылались или которые были представлены в связи с уголовным разбирательством или иным образом в связи с этими утверждениями, и я, очевидно, не могу высказать никакого мнения о том, являются ли они обоснованными или нет. Более того, не было ничего убедительного в том, что уголовное преследование г-на Айдына Алимова было каким-либо образом связано с обвиняемыми (просто голословное утверждение г-на Айдына Алимова о том, что, по его мнению, они связаны). Как я уже говорил выше, в Казахстане нет убедительных доказательств влияния на органы прокуратуры. Примечательно, что это конкретное утверждение вообще не упоминалось в основной аргументации Истца, а лишь

¹¹ Смотрите Ahmed v Khalifa [2017] EWHC 1190 (Comm), где в пункте 51 сэра Джереми Кук (судья Высокого суда) пришел к аналогичному выводу в отношении судов Бахрейна в контексте предполагаемых угроз.

вскользь упомянуто г-ном Самеком в устной форме. Это ни в коей мере не указывает на то, что Истец не добился бы существенного правосудия в Казахстане.

210. Основным аргументом Истца также основывался на решении Королевского суда Джерси по делу MB Services против Объединенной компании Rusal plc [2020] JRC 034 в качестве примера того, как в результате доказательств угроз и запугивания был выявлен реальный риск существенной несправедливости. Однако там обстоятельства были несколько иными. Это дело касалось компании, в которой г-н Олег Дерипаска имел значительный интерес, и было заявлено, что г-н Дерипаска был человеком, который, благодаря своему богатству, власти и близости к российскому государству, обладал влиянием и который “без колебаний” попытался бы повлиять на российский суд, если бы счел это необходимым, действовать в его интересах (см., например, параграф 127). Было представлено множество экспертных заключений о российских судах и их надежности, и эксперты согласились с тем, что российские суды не защищены от внешнего или политического влияния. Здесь ничего подобного не утверждается. В деле " Rusal " утверждения об угрозах были гораздо более подробными и убедительными, чем в данном деле, включая некоторые примеры, которые не были эффективно оспорены (см. пункты 136 и 139 решения). Выводы, сделанные в том деле на основе доказательств, представленных суду, не применимы к данному делу и приведенным здесь доказательствам. Более того, в данном деле не было представлено убедительных доказательств того, что кто-либо из ответчиков мог оказывать влияние на суды в Казахстане или что суды в Казахстане были бы подвержены такому влиянию.

211. Любые угрозы или запугивание в отношении любого свидетеля или потенциальной свидетельницы, разумеется, вызывают полное сожаление. Однако, подводя итог, можно сказать, что просто нет достаточных убедительных доказательств любой такой угрозы или запугивания, чтобы вынести решение, которого добивается Истец. Более того, предполагаемые угрозы, даже если бы они были озвучены, не имеют отношения к вопросу о суде – они не предполагают, что у Истца было бы меньше шансов добиться существенного правосудия в Казахстане, чем в Англии.

Краткие выводы относительно правосудия

212. Истец не обосновал свою позицию тем, что он не мог добиться правосудия, по существу, в Казахстане. Он не продемонстрировал реального риска существенной несправедливости в Казахстане.

213. Я должен также отметить, что в доказательствах и в основной аргументации Истца были указаны другие вопросы, которые, как утверждается, имели отношение к вопросу о том, существовал ли реальный риск того, что правосудие по существу не будет совершено в Казахстане. Ответчики изложили свою позицию в ответ на эти пункты в своих доказательствах и заявлениях. Однако, как я уже отмечал выше, г-н Самек ясно дал понять в своих устных заявлениях, что Истец ссылался только на два пункта, которые были изложены и рассмотрены выше. Поэтому я не буду затягивать это судебное решение, касаясь также и других моментов. Однако я должен пояснить один из них в контексте утверждений, касающихся непредставления полного и добросовестного раскрытия информации по заявлению без предварительного уведомления.

Резюме по юрисдикции

214. Что касается ходатайства о приостановлении разбирательства на том основании, что суд не является надлежащим, Казахстан является доступным судом, который явно и безоговорочно более подходит для рассмотрения иска, чем Англия. О1 явно выполнил

возложенное на него бремя в рамках первого этапа анализа дела Spiliada. Более того, нет никаких обстоятельств, по причине которых правосудие требует приостановления судебного разбирательства в Англии.

215. Иными словами, если отвлечься от различных этапов проверки и вспомнить, что общее расследование - это то, в ходе которого суд стремится определить, чего требуют интересы правосудия (см. параграф 12-032 Dicey, Morris & Collins, процитированный Апелляционным судом в деле Município de Mariana против BHP Group (UK) Ltd [2022] 1 WLR 4691 под номером 4788 (параграф 342)), ответ заключается в том, что интересы правосудия требуют, чтобы это дело рассматривалось в Казахстане, а не в Англии.

216. Данная позиция тем более актуальна в отношении вопроса о том, является ли Англия подходящим местом для подачи иска для целей его вручения за пределами юрисдикции (где бремя лежит на Истце). Очевидно, что это не так.

217. В результате, ходатайства О1-О3 в этом отношении были удовлетворены. Иск против О1 должен быть приостановлен, а распоряжение судьи Диас о вручении иска за пределами юрисдикции должно быть отменено.

Позиция четвертого ответчика

218. Постановлением судьи Диас было разрешено вручать документы О4 вне юрисдикции (на Кипре) на основании того, что он является «необходимой или надлежащей стороной» по иску к другим Ответчикам. Истец согласился с тем, что если оспаривание юрисдикции, заявленное каждым из других Ответчиков, увенчается успехом, то и иск против О4 постигнет та же участь. Поэтому, учитывая вышеизложенные выводы, к которым я пришел, разрешение на вручение документов О4 вне юрисдикции должно быть отменено. Дальнейшие аргументы, выдвинутые О4 в отношении того, почему разрешение на вручение документов против него должно быть отменено, не имеют решающего значения. Тем не менее, я излагаю свои выводы по ним ниже.

219. Дополнительные основания, по которым О4 подал ходатайство об отмене судебного постановления судьи Диас, заключались в том, что (а) не было серьезных оснований для рассмотрения дела против О4, и (б) О4 не был необходимой или надлежащей стороной в иске против других ответчиков. Суть позиции О4 в обоих отношениях заключается в том, что к компании не предъявляется никаких претензий и ей не заявляют никаких требований.

220. Следующие элементы справочной информации имеют отношение к данному вопросу:

i) Сведения о состоянии претензии, приведенные в пункте б):

“GDA — это компания, зарегистрированная на Кипре 15 июня 2017 года. Это одна из крупнейших в мире компаний по добыче биткоинов, которая работает (через дочерние компании) на предприятиях в Казахстане и других странах. Компания присоединена в качестве ответчика по данному иску, чтобы на нее распространялись все бенефиты, предоставленные в отношении акций ММК в GDA, и чтобы она могла реализовать эти бенефиты”. [подчеркнуто]

ii) В исковых требованиях было два места, где можно было счесть возможным, что Истец добивался возмещения ущерба в отношении четвертого ответчика:

a) пункт 61(b), в котором утверждалось, что Истец требовал “распоряжения о том, чтобы ММК предпринял шаги для регистрации г-на Алимова в качестве держателя таких акций [т.е. 35% акций О4, принадлежащих “ММК”], и чтобы GDA [т.е. О4] зарегистрировала их таким образом". его”; и

b) Просьба о возмещении ущерба, пункт (2), который отражает пункт 61(b).

Однако в своих устных заявлениях г-н Самек ясно дал понять, что он согласен с тем, что это не является надлежащим требованием о возмещении ущерба в отношении O4.

iii) В доказательствах, приведенных в обоснование заявления лица-Истца, не являющегося стороной в деле, но имеющего в нём интерес о разрешении на обслуживание в заявлении Ятцуха 1, пункт 89, говорилось: заявление лица, не являющегося стороной в деле, но имеющего в нём интерес “GDA является необходимой и надлежащей стороной по иску. Утверждается, что она не совершила ничего противоправного по отношению к г-ну Алимову, но иск объединен таким образом, что он может быть связан и привести в исполнение любое решение, вынесенное в отношении ее акций. Это сродни объединению усилий компании в спорах акционеров, таких как подача исков о несправедливом возмещении ущерба”.

iv) В заявлении Ятцуха 2 (поданном в ответ на ходатайство O4 об экспедиции в ходе рассмотрения его заявления, которое было отклонено), Истец утверждал в пункте 35, что:

“(a)...если O1-O3 откажутся выполнить вынесенное в ходе судебного разбирательства распоряжение о передаче Истцу части их акций в O4, суд может затем придать ему силу, потребовав от O4 зарегистрировать Истца в качестве акционера. В противном случае, если бы O4 не была стороной по этому иску, она не была бы связана приказом, и Истцу пришлось бы начать отдельное исполнительное производство (возможно, на Кипре) против O4, чтобы получить эти акции.

(b) Таким образом, ... при необходимости может быть назначена компенсация в отношении O4, чтобы обеспечить эффективность любой первичной компенсации, назначенной в отношении O1-O3. Это аналогично присоединению компании в споре о праве собственности на акции и в исках о несправедливом возмещении ущерба – присоединение компании осуществляется для того, чтобы связать ее с приказом, вынесенным в отношении акционеров, и в отношении компании может быть предоставлена защита в отношении акций, на которые претендует Истец или которыми он владеет.”

v) В Ятцуха 3 (поданной в ответ на заявление O4 это было сформулировано несколько иначе (в пункте 40).:

“GDA является надлежащей стороной в иске, поскольку она контролирует имущество, которое является предметом иска – биткоин, сгенерированный и находящийся в распоряжении GDA (и причитающийся ММК), и акции самой GDA, зарегистрированные в реестре акций, который хранится в зарегистрированном офисе на Кипре. Если бы это была английская компания, было бы правильно присоединить ее к иску о праве собственности на ее акции и имущество, которым она владеет, и поэтому было бы правильно предоставить разрешение на обслуживание ее за пределами юрисдикции и присоединить ее к иску в качестве иностранной компании.”

vi) В результате к O4 не предъявляется никаких претензий и в отношении него не испрашивается никакой защиты в части, касающейся требований. Причина, по которой Истец стремится привлечь O4 в качестве стороны, заключается в том, чтобы связать ее с выводами и решениями по данному судебному разбирательству и

облегчить приведение их в исполнение в случае, если Истец добьется успеха в деле против других ответчиков.

vii) В своих заявлениях на слушании г-н Самек ясно дал понять, что он не стремился заявить, что у Истца на данный момент есть какие-либо претензии к О4, а скорее, что у него могут быть условные претензии к О4 в случае успеха в отношении других ответчиков, которые будут иметь форму об истребовании к О4, согласно которому Истец «должен быть признан акционером, участвовать в правах всех акционеров и, как следствие, быть зарегистрированным [в качестве акционера]».

221. На мой взгляд, нет никаких серьезных проблем, которые можно было бы решить в отношении О4:

i) Учитывая согласие г-на Самека с тем, что приведенные выше положения о требовании (пункты 61(a) и просьба об удовлетворении (О-2)) не являются основанием для предъявления надлежащего иска к О4, в "исковых требованиях к О4" не содержится никаких требований, и по ним не испрашивается никакого удовлетворения. Таким образом, никаких серьезных оснований для обжалования этого решения нет. У Истца нет реальной перспективы добиться успеха в деле против О4 при обстоятельствах, когда он не предъявляет к нему никаких претензий и не добивается какой-либо компенсации.

ii) Истец пытался заявить, что было возможно привлечь О4 к участию в судебном разбирательстве не на основании предъявленного в настоящее время требования, а на основании возможного условного исполнительного производства, например, если Истец добьется успеха в своем требовании о конкретном исполнении в отношении других ответчиков, принудив их к тому, чтобы передать ему часть своих акций в О4, если они этого не сделают, суд может вынести постановление в отношении О4 о признании Истца акционером. Однако, на мой взгляд, это неправильно:

a) Возможность предъявления в будущем иска или исполнительного производства, основанного на одном или нескольких непредвиденных обстоятельствах, не означает, что между Истцом и О4 существует серьезная проблема, требующая рассмотрения, по крайней мере, в тех случаях, когда Истец фактически не пытался предъявить такой иск (даже на условной основе) в деталях своего искового заявления.

b) Английский суд, как правило, не обладает юрисдикцией в отношении принудительного взыскания с активов в другом государстве, как разъяснил Апелляционный суд в деле SAS против World Programming [2020] 1 CLC 816,19 в [64]:

“На международном уровне признано, что исполнение судебных решений осуществляется на территориальной основе. Когда суд в штате А выносит решение в отношении ответчика, в отношении которого он обладает персональной юрисдикцией, именно этот суд в соответствии со своими собственными процедурами определяет, какой процесс принудительного исполнения должен быть доступен в отношении активов, находящихся под его юрисдикцией. Но для суда в государстве А стремление привести в исполнение свое решение в отношении активов в государстве В было бы вмешательством в суверенитет государства В.”

Не было никаких споров о том, что О4 была зарегистрирована на Кипре или что ее реестр акций находится на Кипре, и Истец не возражал против заявления О4 о том, что в результате

(см. *Akers v Samba* [2017] AC 424, параграф 19) местонахождение акций находится на Кипре. Хотя было невозможно точно определить, какой защиты Истец может добиваться в отношении О4 (поскольку он не указал этого в исковом заявлении), по крайней мере, часть того, что, как он предположил, он будет добиваться, — это эффективное взыскание в отношении акций на Кипре. Действительно, предположение г-на Самека о том, что Истец может обратиться за получением приказа о том, что О4 должен признать Истца акционером и что Истец должен быть зарегистрирован в качестве акционера, было бы или, по крайней мере, было бы сродни приказу об исправлении реестра акционеров компании, зарегистрированной за рубежом, что не является доступным в этой стране (см. *International Credit Investment Co (Зарубежная). Ltd против Adham* [1994] 1 BCLC 66 (Харман Дж.) на странице 78¹²).

222. Другие предположения, сделанные Заявителем в его доказательствах, не помогают ему:

- i) Было заявлено, что присоединение О4 к процессу было сродни присоединению компании к спорам акционеров, таким как подача исков о несправедливом возмещении ущерба. Однако это не является ходатайством о несправедливом возмещении ущерба, и предлагаемые потенциальные условные требования также не эквивалентны ходатайству о несправедливом возмещении ущерба (и, справедливости ради, в своих заявлениях г-н Самек не пытался утверждать, что это так). Ссылка на “споры акционеров” в более общем плане не продвигает дело вперед — все зависит от того, в чем заключается претензия и какие меры защиты, если таковые имеются, испрашиваются у компании.
- ii) Также было заявлено, что О4 “контролирует имущество, являющееся предметом иска, — биткоины, сгенерированные и находящиеся в распоряжении GDA (и причитающиеся ММК), а также акции самой GDA”. Однако это также не способствует улучшению ситуации. В нем не указывается на какую-либо серьезную проблему, по которой можно было бы обратиться в суд против О4. В лучшем случае, он просто пытается привести (ошибочный) аргумент, рассмотренный выше, о том, что достаточно того, что Истец может возбудить в будущем исполнительное производство против О4. Более того, это неверно. Во-первых, О4 не контролирует биткоины, которые являются предметом иска. Предполагаемое устное соглашение заключается в том, что О1-О3 согласились перевести 35% полученных ими биткоинов, и запрашиваемая компенсация включает требование о “35% криптовалюты, полученной ММК (или криптовалюты на ту же сумму”); нет никаких утверждений о том, что Истец имеет право на биткоин, находящийся в распоряжении О4. Во-вторых, не было объяснено, каким образом было заявлено, что О4, в отличие от акционеров О4, контролирует акции О4. Действительно, неудивительно, что в деталях иска испрашивается защита, которая заключается в том, что акции, принадлежащие О1-О3 (так что им может быть отдан приказ о передаче, или они могут стать причиной или обеспечить передачу части этих акций Истцу).

223. В результате Истец не выявил никаких серьезных вопросов, которые можно было бы

¹² Соответственно, (i) Закон о компаниях 2006 года наделяет Суд полномочиями вносить изменения только в реестр компаний, зарегистрированных в Англии и Уэльсе, а часть, касающаяся зарубежных компаний, не содержит полномочий отдавать распоряжение о внесении изменений в реестр: см. Закон о компаниях 2006 года, разделы 1 и 125, а также часть 34; и (ii) акции компаний, зарегистрированных за рубежом, не подпадают под действие Закона о платежных поручениях 1979 года, за исключением случаев, когда реестр ведется в Англии и Уэльсе: см. раздел 2(О-2)(b).

рассмотреть в отношении О4.

224. В сложившихся обстоятельствах нет необходимости продолжать рассмотрение вопроса о том, является ли О4 необходимой или надлежащей стороной в иске против О1 -О3, и действительно, учитывая отсутствие каких-либо заявленных требований, это трудно сделать. В любом случае, предположение о том, что в будущем Истцу может оказаться полезным, чтобы О4 выступила стороной в этом судебном разбирательстве, независимо от того, будет ли она связана какими-либо выводами, сделанными в ходе этого судебного разбирательства (хотя против нее не испрашивается никакой защиты, включая декларативную защиту), или потенциально может запросить у нее информацию или раскрытие в будущем¹³, как мне кажется, не является достаточным в обстоятельствах этого дела (включая то, что оно даже не требует каких-либо декларативных мер защиты в отношении О4, чтобы сделать его необходимой или надлежащей стороной (в частности, в свете приведенной выше цитаты из АК Investment и Goldean Mariner)).

Альтернативное вручение

225. Истец запросил и получил по заявлению без уведомления [ответчиков] у судьи Диаса разрешение на вручение документов О1 Дубае, О2 и О3 в Дубае альтернативными способами (заявление в отношении О1 являлось альтернативой основному делу Истца о вручении документов в пределах юрисдикции). Эти способы включали вручение документов по почте в Дубае (О2 и О3), через LinkedIn (О1) и О3 и через WhatsApp и электронную почту (О1, О2 и О3). Ответчики настаивают на отмене этого разрешения.

226. Между Великобританией и ОАЭ действует двустороннее соглашение о судебной помощи по гражданским и коммерческим делам от 7 декабря 2006 года (“Соглашение между Великобританией и ОАЭ”).

227. К числу соответствующих положений Договора между Великобританией и ОАЭ относятся следующие:

i) Статья 5.1 гласит:

“1. Запросы об оказании судебной помощи направляются через Центральные органы власти и передаются по дипломатическим каналам. В экстренных случаях запросы могут направляться непосредственно в Центральный орган. В этом случае копии таких запросов также направляются по дипломатическим каналам как можно скорее после этого”.

ii) В статье 5.2 указано, что центральными органами власти являются Старший управляющий (в настоящее время) КВД Великобритании и Министерство юстиции ОАЭ.

iii) Статья 7 предусматривает, что вручение “должно осуществляться в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством Запрашиваемой Стороны, или с помощью конкретного метода, желаемого Запрашивающей стороной, за исключением случаев, когда такой метод несовместим с внутренним

¹³ В основной аргументации Истца впервые было высказано предположение (но оно не упоминалось и не развивалось устно), что, если Истец добьется успеха в отношении О1 -О3, но не сможет отчитаться за полученные биткойны, у О4 может быть запрошен заказ на “эту информацию”. Однако сторона не может быть привлечена к разбирательству только с целью получения информации (см., например, дело Unilever против Chefaro [1994], FSR 135 и Briggs, Гражданская юрисдикция и судебные решения, стр. 497 в ссылка 122), и Истец не предпринял никаких попыток объяснить, какой приказ он имел в виду или на каком основании за это, или почему это оправдывало подключение О4 к процессу сейчас.

законодательством Запрашиваемой стороны”.

iv) Статья 10 гласит:

“1. Компетентный орган Запрашиваемой Стороны направляет указанные документы в соответствии со своим внутренним законодательством и правилами, применимыми в этом отношении.

2. Обслуживание может осуществляться в особом режиме или способом, указанным Запрашивающей стороной, при условии, что это не противоречит внутреннему законодательству Запрашиваемой Стороны, и при условии оплаты расходов, связанных с таким особым режимом обслуживания.”

Эксперты сторон в области законодательства ОАЭ пришли к общему мнению, что “компетентным органом” в ОАЭ должен быть местный суд по месту нахождения постоянно проживающей в ОАЭ стороны спора.

228. Были представлены экспертные заключения юристов ОАЭ относительно правил прохождения службы в Дубае и практических аспектов прохождения службы в соответствии с соглашением между Великобританией и ОАЭ. Ключевым вопросом, который оставался спорным на момент слушания, был срок, который может потребоваться для вручения в соответствии с соглашением между Великобританией и ОАЭ. Доказательства по этому вопросу были следующими:

- i) г-н Эль Дайе (чей отчет был представлен от имени Истца) утверждал, что обслуживание “по дипломатическим каналам” может занять “от 12 до 18 месяцев”, а также что были случаи, когда это занимало более 18 месяцев (хотя он не приводит никаких подробностей о таких случаях, в том числе о том, было ли или у них не было особых особенностей, которые способствовали увеличению времени, необходимого для выполнения обслуживания). Он отметил часть статьи 5(1), касающуюся “срочных случаев”, но сказал, что понятие “срочность” не определено в договоре между Великобританией и ОАЭ, и поэтому в поиске срочного маршрута может быть отказано.
- ii) Г-н Алобейдли (чей отчет был представлен от имени О1 и О3 сказал, что сроки завершения обслуживания по дипломатическим каналам могут варьироваться в зависимости от нескольких факторов, включая обстоятельства дела, географическое расположение вовлеченных сторон и выбранный метод обслуживания. Он сказал, что в отношении английской претензии, поданной в ОАЭ, и, в частности, в Дубае, обычное время рассмотрения составляет приблизительно 6 месяцев. Он отметил, что суд Дубая регулярно получает запросы на обслуживание судебных разбирательств в Великобритании, которые выполняются непосредственно отделом уведомлений Суда Дубая. Это стало одной из причин, по которой, по его мнению, сроки вручения повестки, связанной с английским иском, в пределах эмирата Дубай были “значительно короче, чем обычные 12-18 месяцев”. Он предположил, что в случае крайней необходимости центральный орган власти Соединенного Королевства назначит такое решение.
- iii) Г-н Дэвидсон (чей отчет был представлен от имени О2) согласился с г-ном Эль Дайе в отношении того, что требуется для прохождения службы в ОАЭ в соответствии с Договором и обычными сроками, хотя и сказал, что, по его опыту, срок службы в случае срочности составит около 4-7 месяцев (хотя и отметил, что это может быть связано с тем, что случаи были редкими, а сроки - непоследовательными).

229. Вопросы, на которые ссылались в обоснование ходатайства об альтернативной службе в ходатайстве о прохождении без предварительного уведомления перед судьей Диас, были:

- i) Задержка: Истец утверждал (основываясь на показаниях г-на Эль Дзя), что обслуживание по договору между Великобританией и ОАЭ займет 12-18 месяцев (или дольше).
- ii) Такая задержка была “особенно острой”, когда (по утверждению Истца) дело O1 уже было рассмотрено в Англии, поэтому рассмотрение иска против него было отложено в ожидании рассмотрения дел других ответчиков в ОАЭ.
- iii) O2 и O3 были осведомлены об иске, проинструктировали английских адвокатов, вели предварительную переписку через этих адвокатов и не указали причин для отказа в предоставлении разрешения своим лондонским адвокатам принять уведомление.

230. Это были единственные пункты, на которые ссылались. Например, здесь не было никаких предположений со стороны Истца о каком-либо уклонении от вручения или ожидаемом уклонении от вручения со стороны любого из Ответчиков или о любой другой причине, по которой вручение не должно быть осуществлено в соответствии с Договором Великобритании/ОАЭ.

231. Ответчики утверждали, что эти вопросы не являются веской причиной для разрешения вручения документов альтернативным способом.

232. В Гражданско-процессуальном кодексе Великобритании 6.15(1) говорится:

“(1) Если суд сочтет, что имеются веские основания разрешить вручение документов способом или в месте, которые не разрешены настоящей Частью, суд может вынести постановление, разрешающее вручение документов альтернативным способом или в альтернативном месте”.

233. Хотя в разделе IV части 6 нет четкого положения, разрешающего подачу искового заявления за пределами юрисдикции альтернативным способом, очевидно, что суд обладает такой юрисдикцией, вытекающей из полномочий суда давать указания относительно подачи в соответствии с правилом 6.37(5)(b)(i): Cecil против Bayat [2011] EWCA Civ 135; [2011] 1 WLR 3086 и Abela против Baadarani [2013] UKSC 44; [2013] 1 WLR 2043 (в пункте 20). Это уполномочивает суд выносить постановление об альтернативной службе в соответствии с правилом 6.15(1).

234. В случае, когда страна, в которой должно осуществляться вручение, является участницей Гаагской конвенции и в соответствии со статьей 10 заявила о своем несогласии с обслуживанием иным образом, кроме как через назначенный ею орган, было решено, что разрешение в соответствии с правилом 6.15 будет предоставляться только в “исключительных обстоятельствах”: см. M v N [2021] EWHC 360 (Comm) Судья Фокстон (Foxton J) в пункте 8(iv) и приведенных там случаях. Вполне возможно, что аналогичная аргументация была бы применима в случае, когда эта страна является участницей двустороннего договора о вручении с Великобританией, условия которого определяют исключительный способ вручения.

235. В отношении того, что представляет собой “исключительные” обстоятельства, в деле M. против N. Фокстона Дж. сказано (в пункте 8(v)):

“Были некоторые споры относительно того, что означает требование об “исключительных” или “особых обстоятельствах”, но в целом оно интерпретировалось как требующее наличия

некоторого фактора, достаточного для того, чтобы представлять собой вескую причину, несмотря на то значение, которое следует придавать оговорке по статье 10 HSC...”.

236. Помимо подобных ситуаций, в органах власти велись некоторые споры о том, являются ли “исключительные обстоятельства” “веской причиной” в соответствии с правилом 6.15(1) для обоснования приказа об альтернативной службе в случае заключения договора о прохождении службы. Стороны обратили мое внимание на ряд решений, касающихся этого вопроса в контексте Договора между Великобританией и ОАЭ. O1 сослался на дело Ливийского инвестиционного управления против JP Morgan Markets Ltd [2019] EWHC 1452 (Comm), в котором Брайан Джей придерживался мнения, что в случае двустороннего договора требуются исключительные обстоятельства, хотя это не имело никакого значения для рассматриваемого им дела (см. пункт 164), и это не так, ясно, в какой степени вопрос о том, предусматривает ли международный договор предоставление исключительных средств обслуживания, зависел от проведенного анализа. Integral Petroleum против Petrogat FZA [2021] EWHC 1365 (Comm) также было делом в рамках Соглашения между Великобританией и ОАЭ, в котором Калвер Джей применил критерий “особых или исключительных обстоятельств”, хотя (учитывая, что он обнаружил, что такие обстоятельства существовали в рассматриваемом им деле, которое было одним из способов уведомления всемирной компании), заказ на замораживание) заказ был бы выполнен в рамках любого из этих тестов. В деле Cesfin Ventures LLC против Al Ghaith Al Qubaisi [2021] EWHC 3311 (Ch) Мастер Кей, изучив положения Договора между Великобританией и ОАЭ, пришел к выводу, что он не делает обслуживание по дипломатическим каналам эксклюзивным, так что суду не нужно было искать исключительные обстоятельства (очевидно, что он имел в виду решение "Integral Petroleum ", поскольку он ссылаясь на него в пунктах 26 и 28, но не ссылаясь на решение Ливийского инвестиционного управления). В деле Caterpillar Financial Services (Дубай) Ltd против National Gulf Construction LLC [2022] EWHC 914 (Comm) Джулия Диас, королевский адвокат (в то время занимавшая должность заместителя судьи Верховного суда), приняла это решение (в пункте 18).

237. Ответчики в данном случае заявили, что нет необходимости решать вопрос о том, требуются ли “исключительные обстоятельства” в связи с фактами данного дела. Основной аргумент O2 заключался в следующем: “Требуется фактор, достаточный для того, чтобы переопределить значение, которое следует придавать существованию договора”. Я согласен с этим предположением, и оно перекликается с тем, что Фокстон Джей сказал в пункте 8(v) в M против N (выше) о том, что представляет собой “исключительные обстоятельства”, когда их требуется продемонстрировать.

238. Официальные органы постоянно придерживаются мнения, что тот факт, что в процессе обслуживания может возникнуть задержка, если альтернативный метод обслуживания не разрешен, как правило, сам по себе не является достаточным основанием для разрешения обслуживания альтернативным методом. Например:

i) Cecil против Bayat [2011] EWCA Civ 135, Стэнли Бернтон LJ, параграф 67:

“Я бы счел, что в целом желание заявителя избежать задержки, связанной с обслуживанием, методами, разрешенными CPR r 6.40, или эта задержка сами по себе не могут служить основанием для заказа обслуживания альтернативными способами”.

ii) Société Générale против Goldas Kuyumculuk Sanayi Ithalat Ihracat AS [2017] EWHC 667 (Comm), Попплуэлл Дж., в пункте 49(9)(a):

“Если служба за границей является предметом Гаагской конвенции или

двустороннего договора, то, как правило, это не является веской причиной для освобождения от ответственности в соответствии с пунктами 6.15 или 6.16 CPR, поскольку соблюдение необходимых формальностей при обслуживании потребует дополнительного времени и затрат”.

(Это не было одним из пунктов, подлежащих обжалованию: см. [2018] EWCA Civ 1093, параграф 16).

239. В деле Caterpillar (выше) Истец, ходатайствующий об альтернативной службе, ссылаясь на то, что служба по дипломатическим каналам занимала “более восьми месяцев” (пункт 19). Судья счел, что этот срок не является чрезмерно длительным, и что Истец не смог продемонстрировать какой-либо особой срочности и, кроме того, не действовал с особой поспешностью. Судья сказал, что не было веских оснований для альтернативной службы.

240. Из приведенных Истцом оснований, по которым в данном случае оправдан приказ об альтернативной службе, первыми двумя основаниями были задержка, ставшая, как было сказано, более “острой”, поскольку O1 уже был отбыт в пределах юрисдикции.

241. Как я уже отмечал, Истец утверждал, что обслуживание по контракту между Великобританией и ОАЭ займет 12-18 месяцев (или дольше, хотя реальной поддержки “дольше” не было). Основная проблема с этим заявлением заключается в том, что, как упоминалось выше, власти ясно дают понять, что задержка сама по себе обычно не является достаточной причиной для предоставления альтернативной службы при наличии двустороннего соглашения.

242. Г-н Самек указал на тот факт, что 12-18 месяцев, оцененные экспертом Заявителя, были больше, чем ожидаемое время технического обслуживания в ОАЭ в случае Caterpillar (“более восьми месяцев”), когда предполагаемая задержка была сочтена недостаточным основанием для заказа альтернативного оборудования. Однако само по себе это мало помогает, учитывая, что судебный приказ, испрашиваемый в данном случае, не был выдан. Я признаю, что 12-18 месяцев, вероятно, будут считаться длительным периодом задержки, хотя я также отмечаю, что 12-18 месяцев, упомянутые г-ном Эль-Дайе (что не оспаривается г-ном Дэвидсоном) не согласуется с мнением г-на Алобейдли о том, что процесс вручения исков в Дубае занял много времени, около 6 месяцев. Как отмечалось выше, г-н Алобейдли подчеркнул тот факт, что процесс изучения английского языка в Дубае проходит быстрее, чем это обычно бывает в ОАЭ, и это не тот момент, на который г-н Эль Дайе ответил в своем последующем отчете. Я не в состоянии решить, кто из них прав, и оба эксперта в любом случае приводят доказательства из собственного опыта (который может отличаться), но это может свидетельствовать о том, что, согласно соглашению между Великобританией и ОАЭ, существует большая перспектива более быстрого обслуживания, чем предположил мистер Элл Дай.

243. Это не тот случай, когда Истец указывал на какую-либо особую срочность или ущерб. Единственным доводом в этом направлении, выдвинутым Истцом, было утверждение о том, что задержка была особенно серьезной, поскольку иск O1 был подан в пределах юрисдикции, так что рассмотрение иска против него было отложено в ожидании рассмотрения дела другими ответчиками в ОАЭ. Однако, хотя это правильно, что для продолжения разбирательства в отношении O1, скорее всего, придется подождать с вручением O2 и O3, в данном случае это просто часть задержки. Истец не привел никаких причин, по которым разбирательство является срочным (или почему иск против O1 должен быть рассмотрен в какие-либо конкретные сроки). Это не тот случай, когда какие-либо шаги в рамках судебного разбирательства (выходящие за рамки процесса) уже предприняты, и нет существующего

графика, который может быть поставлен под угрозу.

244. В любом случае, любое рассмотрение вопроса об отсутствии прогресса в разбирательстве должно учитывать отсутствие у самого Истца срочности в решении вопросов. В частности: (i) несмотря на то, что ответы на письмо до подачи иска были отправлены 23 сентября 2022 года, форма претензии была выдана только 12 мая 2023 года;

(ii) требования были подписаны только 11 сентября 2023 года, а вручение O1 в пределах юрисдикции было предпринято только 11 сентября 2023 года, накануне истечения срока действия формы искового заявления; (iii) ходатайства о разрешении на прохождение срочной и альтернативной службы были поданы только 13 октября 2023 года, более чем через месяц, и при обстоятельствах, когда Истцу пришлось просить о срочном рассмотрении ходатайств (как указано в пункте 5 Ятцуха 1), прежде чем истек срок подачи заявления на прохождение срочной службы юрисдикции. Если бы, например, Истец начал процесс предоставления документов в соответствии с Договором между Великобританией и ОАЭ после того, как он предоставил претензию, он был бы уже в процессе реализации к тому времени, когда он в конечном итоге обратился бы за разрешением на альтернативное предоставление документов (по свидетельству г-на Алобейдли, предоставление документов в соответствии с Договором могло быть почти завершено к тому времени). Не было представлено никаких объяснений, почему Истец ждал 5 месяцев с момента подачи претензии до момента подачи заявления о предоставлении документов и альтернативного предоставления документов.

245. В некоторых случаях ожидаемая задержка в прохождении процедуры может сама по себе являться веской причиной для прохождения альтернативной службы, даже при наличии двустороннего договора – упомянутые выше органы власти заявляют, что задержка сама по себе “обычно” или “в целом” не является основанием для прохождения альтернативной службы, веская причина, оставляющая место для подобных случаев. Однако, учитывая моменты, на которые я ссылаюсь выше, включая собственную (необъяснимую) задержку Заявителя с момента подачи заявления о выдаче ордера, я не считаю, что этот случай относится к их числу. В обстоятельствах данного дела это не является фактором, достаточным для того, чтобы переоценить значение, которое следует придавать существованию Договора между Великобританией и ОАЭ.

246. В результате период задержки, который может возникнуть при прохождении службы в соответствии с Договором между Великобританией и ОАЭ, в обстоятельствах данного дела не является веской причиной для разрешения прохождения службы альтернативным способом.

247. Третьим аргументом, на который ссылался Истец, было его утверждение о том, что O2 и O3 были осведомлены об иске, проинструктировали английских адвокатов, вели предварительную переписку через этих адвокатов и не указали причин для отказа в предоставлении разрешения своим лондонским адвокатам принять уведомление об иске. Однако сами по себе эти обстоятельства не являются веской причиной для разрешения прохождения альтернативной службы:

- i) Если бы эти вопросы были веской причиной для разрешения прохождения альтернативной службы, это означало бы, что сторона в судебном процессе могла бы обойти соответствующий международный договор, просто отправив предварительную переписку (которая во многих случаях побудит получателя обратиться за помощью к представителю) и/или отправив форму иска потенциальному ответчику или его адвокатам (но не в качестве вручения). Это в значительной степени подорвало бы ценность договора.

- ii) Очевидно, что осведомленность о форме иска сама по себе не может служить веской причиной: *Société Générale против Goldas* (см. выше), пункт 49(О-4).
- iii) В скрытой критике, высказанной истцом по поводу того, что ответчики не уполномочили своих лондонских адвокатов принимать уведомления, нет ничего. Сторона не обязана давать указание адвокату принять уведомление (см., например, *SMO против TikTok Inc* [2022] EWHC 489 (QB) в пункте 77 и *Wragg против Opel Automotive GmbH* [2024] EWHC 1138 (KB) в пункте 91). Более того, хотя Истец предложил O2 и O3 сохранить аргументы в пользу удобства суда, это не распространялось на другие моменты, которые могли возникнуть в связи с юрисдикцией (например, серьезный вопрос, подлежащий рассмотрению, и аргументы о выходах).

248. Соответственно, пункты, на которые ссылается заявитель, не являются веской причиной для прохождения альтернативной службы, не говоря уже об “исключительных обстоятельствах” (если это то, что требуется). Таким образом, с какой бы точки зрения ни трактовался закон, требования пункта 1 статьи 6.15 Гражданско-процессуального кодекса Великобритании не выполняются. Поэтому я бы отменил приказ об альтернативной службе.

249. Для полноты картины я отмечаю, что первоначально ответчики также утверждали, что существовала вторая причина, по которой приказ об альтернативной службе не должен был приниматься, а именно потому, что методы прохождения службы, предусмотренные в приказе об альтернативной службе, противоречили внутреннему законодательству ОАЭ или были несовместимы с ним. В результате экспертные заключения по законодательству ОАЭ касались этого вопроса. Однако на слушании мистер Китченер (который выступал с заявлениями по вопросу альтернативного способа обслуживания от имени ответчиков) не упомянул об этом, заявив, что, по его мнению, это не привело к серьезным последствиям. Я согласен. Судя по представленным доказательствам, если бы обвиняемые настаивали на этом пункте (чего не было), мне кажется, это им бы не помогло. Однако, учитывая, что обвиняемые не настаивали на этом пункте, и учитывая, что я уже пришел к выводу, что нет веских оснований для направления на альтернативную службу, мне нет необходимости продолжать рассмотрение этого вопроса.

Жалобы на раскрытие информации

250. Ответчики также пытались отменить постановление суда о раскрытии информации. Учитывая, что я уже определил, что постановление должно быть отменено на том основании, что Англия не является подходящим форумом, результат рассмотрения заявления по этому пункту не имеет значения.

251. Общие принципы были изложены в хорошо известном решении Ральфа Гибсона по делу *LJ Brink's Mat Ltd против Elcombe* [1988] 1 WLR 1350 в 1356-1357 (без внутренних ссылок):

“(1) Обязанностью Истца является "полное и добросовестное раскрытие всех существенных фактов". ...

(2) Существенными фактами являются те, которые судье необходимо знать при рассмотрении поданного заявления: вопрос о существенности должен решаться судом, а не оценкой Истца или его юридических консультантов...

(3) Истец должен провести надлежащие расследования, прежде чем подавать заявление. Таким образом, обязанность раскрывать информацию распространяется не только на существенные факты, известные Истцу, но и на любые дополнительные факты, которые

были бы ему известны, если бы он навел такие справки.

(4) Объем расследований, которые будут признаны надлежащими и, следовательно, необходимыми, должен зависеть от всех обстоятельств дела, включая (а) характер дела, с которым обращается заявитель при подаче заявления; и (б) порядок подачи заявления и вероятное воздействие приказа на обвиняемого; и (с) степень законной срочности и время, имеющееся в распоряжении для проведения расследований....

(5) Если будет установлено, что информация не является существенной, суд "позаботится о том, чтобы Истец, получивший [судебный запрет] без полного раскрытия информации был лишен каких-либо преимуществ, которые он мог бы получить в результате такого нарушения обязанностей". ...

(6) Является ли нераскрытый факт достаточно существенным, чтобы оправдать или потребовать немедленного исполнения судебного приказа без рассмотрения дела по существу, зависит от важности этого факта для вопросов, которые должны были быть решены судьей по заявлению. Ответ на вопрос о том, было ли неразглашение информации непреднамеренным, в том смысле, что заявителю не был известен этот факт или что его значимость не была осознана, является важным соображением, но не решающим, поскольку Истец обязан провести все надлежащие расследования и тщательно рассмотреть все возможные обстоятельства, дело рассматривается.

(7) И, наконец, "не за каждое упущение судебный запрет будет автоматически отменен. Иногда может быть предоставлено право на возмещение ущерба:".... Несмотря на доказательства неразглашения существенных сведений, которые оправдывают или требуют немедленного исполнения судебного приказа в одностороннем порядке, у суда есть право по своему усмотрению продлить действие судебного приказа или вынести новый приказ на определенных условиях”.

252. Истец также сослался на то, что было сказано лордом-судьей Слейдом в 1359C- E о том, что применение принципа не должно «доходить до крайности», и на то, что сказал лорд-судья Балкомб в 1358 D-E:

“Правило о том, что запрет благоприятный для одной стороны будет отменен, если он был получен без полного раскрытия информации, имеет двойную цель. Оно лишит правонарушителя преимущества, полученного неправомерно. Однако это также служит сдерживающим фактором, гарантирующим, что лица, подающие одностороннее заявления, осознают, что на них лежит обязанность раскрытия информации и что наступят последствия (которые могут включать ответственность за судебные издержки), если они не выполнят это обязательство. Тем не менее, нельзя допустить, чтобы это установленное судьей правило стало орудием несправедливости. Именно по этой причине у суда должно быть право по своему усмотрению продлить действие судебного запрета или выдать вместо него новый судебный запрет несмотря на то, что при получении первоначального судебного запрета благоприятного для одной стороны могло иметь место нераскрытие информации.”

253. Этот принцип применяется к заявлениям о разрешении на обслуживание за пределами юрисдикции, поданным без предварительного уведомления. Однако Истец подчеркнул, что здесь имеет место иной контекст по сравнению с другими ситуациями, в которых заявления подаются без предварительного уведомления. Основное внимание в расследовании уделяется тому, должен ли суд брать на себя юрисдикцию в отношении спора, и что вопросы, которые волнуют суд, заключаются в том, существует ли серьезный вопрос, подлежащий рассмотрению, есть ли убедительное дело в отношении шлюза(ов) и является ли Англия явно

подходящим местом для рассмотрения дела, а кроме того, суд не интересуется существом дела: см. MRG (Japan) Limited против Engelhard Metals Japan Limited [2003] EWHC 3418 (Comm) (судья Тулсон) в пункте 26.

254. Принципы были обобщены судьей Брайаном J в деле «Ливийское инвестиционное управление против JP Morgan Markets Ltd» [2019] EWHC 1452 (Comm) в параграфах 92–98. Затем в параграфе 120 он заявил:

“Важность обязанности полного и добросовестного раскрытия информации в заявлениях на разрешение на вручение, как и в контексте запрета на замораживание, невозможно переоценить. Существует разница в том, на что должно быть направлено раскрытие информации, и какие вопросы рассматриваются, но основная причина и обоснование обязанности остаются теми же, как и необходимость их соблюдения. Невыполнение этой обязанности по своей природе является серьезным — физическое или юридическое лицо было привлечено к юрисдикции, не имея возможности обратиться в суд с просьбой объяснить, почему разрешение не должно быть выдано, и, как показало настоящее дело, оно затем подвергается весьма значительным издержкам при подаче заявления об отмене юрисдикции.”

255. В пункте 122 судья Брайан J процитировал и одобрил руководство, данное судьей Попплуэллом в деле Banco Turco Romana SA (в стадии ликвидации) против Cortuk [2018] EWHC 622 (Comm), в пункте 45, в котором, в частности, отмечалось следующее: «Важность этой обязанности настолько велика, что в случае любого существенного нарушения суд решительно склоняется к отмене постановления и не возобновляет его, даже если нарушение невиновно».

256. См. также то, что сказал судья Попплуэлл в деле Суверенный фонд Анголы против Дос Сантос [2018] EWHC 2199 (Comm) в параграфах 51–53, в том числе (в параграфе 53):

“...эта обязанность не ограничивается юридическими консультантами заявителя, а возлагается на самого заявителя. Юридическая группа обязана обеспечить, чтобы клиент-неспециалист был осведомлен об обязанности полного и добросовестного раскрытия информации и о том, что это означает на практике для целей рассматриваемого заявления; а также осуществлять определенный контроль, чтобы гарантировать выполнение этой обязанности. Несомненно, в некоторых случаях это трудная задача, особенно в случае с клиентами из разных правовых и культурных слоев, а также с разным уровнем подготовки. Однако важно, чтобы клиент-неспециалист понимал и выполнял обязанность полного и добросовестного раскрытия информации, поскольку зачастую обо всем существенном знает только он. Ответственность адвокатов заявителя в этом отношении является высокой и соизмерима с важностью, которая придается самой этой обязанности. Это можно сравнить с обязанностями юристов в отношении раскрытия документов (см. CPR PD31A и Hedrich v Standard Bank London Ltd [2008] EWCA Civ 905).”

257. Ответчики выдвинули различные обвинения в своих доказательствах и заявлениях о неспособности Истца предоставить полное и добросовестное раскрытие. Истец составил список, в котором перечислены 20 таких обвинений вместе с его ответами. Многие из этих утверждений были упомянуты в одном из свидетельских показаний, но не были предметом представления в скелетных аргументах или развиты устно. Очевидно, что по крайней мере некоторые из них не составили материального отказа дать полное и добросовестное раскрытие.

258. Однако среди пунктов, на которые Ответчики обратили внимание на слушании, были

вопросы, по которым Истец не предоставил полную и достоверную информацию, о чем я расскажу ниже. Первый из них важнее остальных, и я расскажу о нем подробнее.

Дело, возбужденное по принципу *res judicata* (вступившее в законную силу), вытекающее из решения суда по уголовному делу в Казахстане

259. Первый вопрос требует некоторого пояснения предыстории. Это момент, в отношении которого Истец признал, что имело место существенное нераскрытие (но которое Истец утверждал, что было неумышленным и непреднамеренным).

260. Одним из пунктов, на которые ссылался Истец в заявлении без уведомления, в поддержку своего утверждения о том, что Казахстан не является доступным форумом для Истца, чтобы подать этот иск, было существование решения уголовного суда, которое уже было вынесено в Казахстане, ссылаясь на некоторые из тех же фактов. Утверждение было изложено в Ятцуха 1 следующим образом:

- i) Казахский журналист г-н Абжан сообщил информацию о О1-О3, фабрике по добыче биткоинов и участии г-на Сатыбалды. Это была информация, которую Истец предоставил г-ну Абжану.
- ii) Уголовное дело было возбуждено против г-на Абжана О2 в Казахстане, в результате чего было вынесено уголовное решение против г-на Абжана (за «распространение ложной информации группой лиц по предварительному сговору и за уголовную клевету», как описано в Ятцуха 1). В этом решении было установлено, что определенная информация, сообщенная г-ном Абжаном, была ложной.
- iii) Истец не являлся стороной уголовного судопроизводства и не имел процессуального статуса (хотя в решении суда он был назван стороной, предоставившей г-ну Абжану спорную информацию). Уголовный суд отклонил ходатайство Истца о предоставлении доказательств по делу, поскольку он являлся объектом отдельного уголовного расследования.
- iv) Эта информация (сказал г-н Ятцуха) была важна для Истца в его способности продвигать свой иск. Ятцуха 1 утверждал, что Истец не сможет продвигать свой иск без хотя бы части этой информации.
- v) Однако (на основании показаний г-на Конысбаева) существовал реальный риск того, что другие суды в Казахстане, включая гражданские суды, применят принцип *res judicata* (вступившее в законную силу) и окажутся связанными выводами уголовного суда без дальнейшего расследования, даже несмотря на то, что Истец не был стороной в этом уголовном деле. Из этого следует, что гражданский суд придет к выводу, что информация, на которую должен был положиться Истец, была (на основании решения уголовного суда) ложной.
- vi) Эффект *res judicata* (вступившее в законную силу) решения уголовного суда в отношении г-на Абжана не будет применяться в Англии, поскольку Истец не являлся стороной уголовного дела, по результатам которого было вынесено уголовное решение.
- vii) Таким образом, существовал реальный риск существенной несправедливости, если бы Истцу пришлось подать этот иск в Казахстане.

261. Как указано в заявлении, поданном без предварительного уведомления, это представляет собой веский (возможно, убедительный) довод в пользу того, что Истец не сможет добиться реального правосудия в Казахстане. Однако, как показал обмен

доказательствами по этим заявлениям, в них содержался ряд существенных искажений и нераскрытий. (И, во избежание сомнений, на слушании между сторонами не утверждалось, что в Казахстане существует какой-либо реальный риск существенной несправедливости, возникающей на этой основе).

262. Во-первых, решение уголовного суда в отношении г-на Абжана не имеет юридической силы в отношении Истца. На это указали эксперты ответчиков профессор Карагусов и г-н Калдыбаев в своих первых отчетах, где они объяснили, что уголовное решение не может иметь силу *res judicata* (вступившее в законную силу) против Истца, поскольку он не был стороной уголовного процесса против г-на Абжана. Это привело к изменению позиции со стороны г-на Конысбаева. В своем первом отчете (поданном по заявлению без уведомления) он ясно выразился:

“Я считаю, что все остальные казахстанские суды (уголовные или гражданские) или правоохранительные органы могут применить принцип "*res judicata*", т. е. примут и будут связаны выводами решения уголовного суда без какого-либо дальнейшего расследования. Другими словами, они признают, что вышеуказанная информация является ложной, как установлено в решении уголовного суда.”

263. Во втором отчете г-на Конысбаева (представленном в ответ на отчеты экспертов ответчиков) больше не ссылаясь на формальный принцип "*res judicata*", а вместо этого предполагал, что, поскольку обстоятельства уголовного дела тесно связаны с иском Истца, судья в Казахстане, скорее всего, не проигнорирует выводы и будет полагаться на них, «руководствуясь» ими, даже если судья формально не ссылаясь на решение уголовного суда в своем решении. Он сказал, что, учитывая загруженность обычного судьи и время, отведенное на завершение судебного разбирательства, существует реальный риск того, что судье будет легче взять факты из решения уголовного суда в отношении г-на Абжана, чем сформировать свою собственную точку зрения. Эта позиция не была подкреплена никакими материалами или примерами и была решительно опровергнута профессором Карагусовым в его ответном докладе (который заявил, что судьи в Казахстане «будут вести свои дела надлежащим образом и решать поставленные перед ними вопросы при надлежащем исполнении своих судебных обязанностей»). Было бы трудно принять скорректированную позицию г-на Конысбаева, если бы она была выдвинута на слушании от имени Истца (чего не произошло); она, безусловно, не была «убедительным доказательством» существенной несправедливости. Однако для настоящих целей можно увидеть, что это вообще не вопрос, основанный на формальном *res judicata*, который был фактически оставлен во втором отчете.

264. Во-вторых, Истец не раскрыл, что именно этот пункт (о "*res judicata*") был предметом попытки Истца обжаловать решение по уголовному делу, и апелляционный суд подтвердил, что решение по уголовному делу не имело силы *res judicata* в отношении Истца:

- i) Истец, утверждая, что он является заинтересованной стороной, пытался обжаловать приговор по уголовному делу в отношении г-на Абжана в Казахстане. Апелляционный суд отклонил эту апелляцию, заявив, что «приговор в отношении Абжана М. М. не имеет преюдициального значения в отношении Алимова Е. Г. [т. е. Истца]».
- ii) Это решение апелляционного суда было датировано 24 марта 2023 года, до подачи искового заявления в мае 2023 года и задолго до подачи доказательств по заявлению, поданному без предварительного уведомления, в октябре 2023 года.
- iii) Конечно, для судьи, рассматривающего заявление, поданное без предварительного

уведомления, при рассмотрении вопроса о том, может ли в Казахстане возникнуть "res judicata" из уголовного решения, было бы весьма существенно знать, что апелляционный суд в Казахстане уже рассмотрел этот вопрос и постановил, что этого не произойдет. На самом деле трудно представить, как этот вопрос мог бы быть выдвинут в качестве вопроса res judicata, если бы решение апелляционного суда было обнаружено.

265. На слушании этих заявлений г-н Самек признал, что нераскрытие решения апелляционного суда было существенным, и извинился от имени своего клиента. Было признано, что апелляционное решение было доступно на момент подачи заявления без предварительного уведомления, и что, если бы адвокаты Истца знали о нем, оно было бы раскрыто. Единственное объяснение того, как возникла эта ситуация, содержалось в письме адвокатов Истца (Sterling Law) от 15 октября 2024 года (т. е. в первый день слушания).

- i) Было сказано, что Sterling Law не знал об апелляционном решении, пока они не узнали об этом из показаний О2 в этом разбирательстве. Также было сказано, что г-н Конысбаев не знал об апелляционном решении, когда готовил свои отчеты.
- ii) В отношении самого Истца в письме говорилось:

“Мы понимаем со слов г-на Алимова, что все, что он понял от своего казахского адвоката, это то, что он проиграл апелляцию; что он не прочитал апелляционное решение, поскольку не видел причин его читать, поскольку он проиграл; что он, по сути, выбросил его из головы, не придав ему никакого значения.”

266. Это объяснение собственной позиции Истца трудно принять. Он инициировал попытку апелляции в Казахстане на том основании, что его позиция в исках, касающихся его, будет ущемлена уголовным решением. Он знал, что проиграл апелляцию. Он, должно быть, думал, что причины, приведенные в решении, могут быть так или иначе уместны в выдвижении аналогичного аргумента в Англии (либо в его поддержку, либо против него). В любом случае, он должен был предпринять разумные шаги для того, чтобы обеспечить передачу существенных вопросов в суд, и его адвокаты были обязаны объяснить ему это (см. выше, судья Попплуэлл в деле *Fundo Soberano de Angola* против *Dos Santos*). Если бы они это сделали, то очень трудно понять, как тот факт, что Истец пытался подать апелляцию по этому вопросу в Казахстане и проиграл, мог остаться «вне его сознания».

267. Если это не было преднамеренным нераскрытием чего-либо, что было явно существенным для того, чтобы быть принятым во внимание при подаче заявления без предварительного уведомления, то это демонстрирует со стороны Истца крайне пренебрежительное отношение к обязательствам стороны, подающей заявление без предварительного уведомления. Эти обязательства включают проведение надлежащих расследований, и эта обязанность распространяется не только на существенные факты, известные заявителю, но и на любые дополнительные факты, которые он мог бы узнать, если бы провел такие расследования (см. выше *Brinks Mat*).

268. В-третьих, выводы, сделанные уголовным судом, при рассмотрении не кажутся такими, которые могли бы помешать Истцу предъявить свой иск к Ответчикам. Факты, которые, как утверждается, были признаны ложными уголовным судом, на которые ссылались в деле *Ятцуха 1*, были следующими:

- “(a) основатели GDA (т.е. ММК) имели тесные связи с г-ном Сатыбалды;
- (b) ММК совместно с г-ном Гохтаровым создал завод по майнингу биткоинов на территории бывшего Карагандинского деревообрабатывающего завода, т.е. проект

АБК;

(с) другие покупатели Согринской отошли в сторону, когда стало ясно, что г-н Махат хочет ее купить; и

(d) Г-н Сатыбалды владел долей в проекте АБК через г-на Махата (а г-н Махат избежал передачи этих активов казахскому государству после осуждения г-на Сатыбалды по уголовному делу, передав их третьему лицу)».

269. Ни один из этих фактов не имеет отношения к существованию предполагаемого устного соглашения, лежащего в основе иска Истца. Трудно понять, каким образом пункты (а), (с) и (d) вообще имеют отношение (конечно, не являются существенными) к иску Истца, и в соответствии с этим о них ничего не было сказано в Ятцуха 1. Единственное, что было отмечено в деле Ятцуха 1, — это то, что Истец не сможет выдвинуть свое требование, «не доказав, что, в частности, ММК учредил проект АБК». Однако это, по-видимому, не оспаривается ответчиками (и в ответах на письма до возбуждения дела не было ничего, что указывало бы на это), и, как пояснил г-н Калдыбаев в своем втором отчете, из решений суда далеко не ясно, что суд по уголовному делу в отношении г-на Абжана признал такой факт «ложным». Информация, изложенная в пункте (b) выше, заключается в том, что Ответчики создали фабрику по добыче биткоинов «совместно с г-ном Тохтаровым», и в иске Истца нет ничего, что предполагало бы, что это зависит от установления Истцом причастности такого лица (которое вообще не упомянуто в Подробностях иска или в каких-либо собственных доказательствах Истца по этим заявлениям).

270. Абзац заявления г-на Ятцухи, содержащий приведенную выше цитату о «ММК», создающем «Проект АБК», сам по себе, возможно, был тщательно составлен в попытке не преувеличивать позицию, но общее впечатление, создаваемое (судье, который, в частности, при рассмотрении заявления без предварительного уведомления, не мог вникать в детали казахских судебных решений и сопутствующие иски, чтобы оценить значимость или отсутствие значимости этих пунктов) разделом Ятцухи 1, посвященным этому, заключается в том, что выводы уголовного суда по этим пунктам препятствовали иску Истца .

271. Результатом изложенных мною выше фактов является то, что имело место существенное нераскрытие и искажение позиции по заявлению без предварительного уведомления:

- i) Самым серьезным было полное отсутствие раскрытия апелляционного решения или даже ссылки на тот факт, что такая апелляция была (т. е. второй пункт выше). Само по себе это представляет собой серьезное упущение со стороны Истца, для которого не было представлено удовлетворительного обоснования.
- ii) Г-н Самек утверждал, что это было «неумышленно и непреднамеренно», но мне кажется, что это не решает очевидных трудностей с объяснением Истца, почему он не упомянул об этом, или не рассказал об этом своим английским адвокатам, или даже не сообщил им, что он пытался обжаловать уголовное решение, на которое ссылались в доказательствах. Если это не было преднамеренным упущением с его стороны, то его ответ английским адвокатам, разъяснившим ему его обязанность полного и добросовестного раскрытия информации (чего нет никаких оснований полагать, что они не сделали), должен был представлять собой полное отсутствие действий в отношении этого вопроса, поскольку любое расследование (например, с его собственным казахстанским адвокатом, который представлял его в апелляции в Казахстане) наверняка напомнило бы ему о решении апелляционной инстанции.

- iii) Первая неудача также была серьезным и существенным искажением применения принципа *res judicata* в Казахстане. Хотя адвокаты Истца могли быть в руках г-на Конысбаева в этом отношении, истцу трудно поставить себя в то же положение, учитывая апелляционное решение (которое, даже если он его не читал (как он говорит), было доступно ему в качестве источника доказательств о действии принципа "*res judicata*").
- iv) Третий пункт, как видно из вышеизложенного, более уточненный. Но тем не менее, в частности в свете двух других пунктов, он вносит свой вклад в общую вводящую в заблуждение природу этого раздела Ятцуха 1 и презентации, которая была дана судье Диас по этому вопросу.

272. Это порождает вопрос, постановил бы я (если бы я уже не решил, что его следует отменить по другим основаниям), что постановление судьи Диаса следует отменить на основании этих неспособностей предоставить полное и добросовестное раскрытие информации. Что касается этого, я бы постановил так:

- i) Налицо явная неспособность полностью и достоверно раскрыть существенные факты. Это было признано, по крайней мере частично (в отношении апелляционного решения), хотя, как я уже сказал, нераскрытие информации выходило за рамки простого нераскрытия апелляционного решения (хотя это было наиболее очевидным из недостатков).
- ii) Это было существенным нарушением обязательства. Поэтому суд решительно склоняется к отмене постановления, даже если нарушение было невинным (Римско-турецкий банк, судья Поплуел, приведенные выше).
- iii) Со стороны Истца, если нераскрытие апелляционного решения не было преднамеренным, это могло произойти только в результате полного пренебрежения его обязательствами по обеспечению полного и справедливого раскрытия информации по данному вопросу. Трудно понять, как он мог навести справки, не будучи уведомленным о том, что по данному вопросу была апелляция, которая привела к апелляционному решению в Казахстане.
- iv) Как отметил судья Брайан в деле *Libyan Investment Authority* против *JP Morgan* (выше), важность обязанности полного и добросовестного раскрытия информации в заявлениях на получение разрешения на выдачу документов невозможно переоценить. Невыполнение этой обязанности по своей природе является серьезным — физическое или юридическое лицо было доставлено в юрисдикцию, не имея возможности обратиться в суд с просьбой объяснить, почему разрешение не должно быть предоставлено, и затем они могут понести весьма значительные издержки при подаче заявления об отмене юрисдикции.
- v) Истец утверждал, в поддержку аргумента о том, что постановление судьи Диас не должно быть отменено, что пункт, выдвинутый в заявлении без уведомления о "*res judicata*", не является самостоятельным, и что были выдвинуты другие пункты в поддержку утверждения о том, что существует реальный риск того, что существенное правосудие не может быть достигнуто в Казахстане. Однако я не считаю это убедительным пунктом:
 - a) Очевидно, что выдвинутый довод относительно "*res judicata*" был серьезным и, как представлено в Ятцуха 1, по крайней мере на первый взгляд, потенциально убедительным, и, вероятно, сыграл свою роль в решении судьи Диаса вынести

требуемое постановление. Я не могу реалистично пойти дальше, пытаюсь выяснить, какую роль это сыграло или какое значение имело по сравнению с другими выдвинутыми пунктами (в частности, в свете того факта, что я, в любом случае, пришел к выводу об отсутствии реального риска существенной несправедливости в Казахстане по двум основаниям, которые Истец выдвинул на слушании в моем присутствии.

- b) Однако я отмечаю, что существуют проблемы с двумя другими пунктами, выдвинутыми в пользу пункта о существенном правосудии в отношении заявления без предварительного уведомления. Первый пункт был основан на статье 153 Кодекса, которую я отклонил выше. Я также объясняю ниже, почему не была выполнена обязанность полного и добросовестного раскрытия информации в отношении этого пункта. Вторым другим пунктом было утверждение о том, что суд в Казахстане может быть не склонен выносить постановление о реальном исполнении, что никогда не казалось многообещающим пунктом и фактически не было учтено в основных доводах Истца и вообще не было высказано на слушаниях в моем присутствии.
- c) В случае, когда всегда было ясно, что большинство факторов, относящихся к судебному разбирательству, указывали на Казахстан как на подходящую площадку для дискуссии, Истцу и тем, кто его представлял, должно было быть также ясно, что аргументы о существенном правосудии в Казахстане, вероятно, будут играть важную роль в любом аргументе о площадке для дискуссии, следовательно, будут центральными для конечного результата. Они никогда не будут второстепенными точками.

Другие случаи ненадлежащего раскрытия информации

273. Как я уже отметил, имелось несколько других утверждений о ненадлежащем раскрытии информации по заявлению, поданному без предварительного уведомления, которые, по моему мнению, были существенными. Учитывая не только мое решение отменить постановление судьи Диаса по другим основаниям, но и мое указание выше на то, что серьезное нераскрытие информации в отношении одного лишь пункта "res judicata" могло бы стать основанием для отмены мною постановления судьи Диаса, я не буду рассматривать каждый из остальных пунктов. Однако я выделю три из них, которые кажутся мне особенно примечательными, и кратко опишу их суть.

274. Во-первых, в поддержку доводов Истца о том, что О1 оставался резидентом Англии, Ятцуха 1 заявил, что 26 апреля 2023 года жену О1 видели выходящей из дома

№27 по Ингрэм-авеню, после чего ее увезли на автомобиле Bentley. На основании этого г-н Ятцуха пришел к выводу, что жена О1 вместе с остальными членами семьи О1 проживала по адресу Ингрэм-авеню, 27. Сообщается, что опознание было проведено Raedas Consulting Ltd («Raedas»), детективной фирмой, работающей от имени Истца. Г-н Ятцуха предъявил письмо от Raedas, в котором проводилось опознание и содержались две фотографии женщины.

- i) Однако женщина, которую он увидел, не была женой О1. Это была фотография его матери, которая, как объяснил О1, жила по адресу Ингрэм-авеню, 27.
- ii) Когда это было объяснено, Истец в ответ отстранился от первоначального опознания, заявив: «Я встречался с женой г-на Мирахмедова только один раз в своей жизни, во время моего визита на Ингрэм-авеню, 27, 10 июня 2017 года. Поэтому я ее не узнал и

не ставил под сомнение правильность того, что Raedas опознал ее в женщине на фотографии. Женщина на фотографии была в солнцезащитных очках и платке, и она маленькая на фотографии, которая была сделана с некоторого расстояния, что затрудняет для меня опознание ее лица».

Эти трудности с опознанием должны были быть четко отражены в доказательствах в поддержку заявления о подаче заявления без предварительного уведомления.

- iii) Истец также использовал заявление г-на Эндрю Вордсворта, директора компании Raedas, который объяснил, что «опознание» жены О1 была проведена его фирмой без каких-либо предварительных сведений о том, как выглядела жена О1, включая отсутствие фотографии для сравнения с женщиной, которую наблюдали, и он сказал (в своем заявлении), что Raedas не может определенно подтвердить личность женщины и не может окончательно подтвердить, была ли она женой О1 (из-за отсутствия какой-либо фотографии). Однако это не то, что было сказано в письме Raedas или в Ятцуха 1, где «опознание» было зафиксировано без оговорок или объяснений.
- iv) На самом деле, как объяснил г-н Вордсворт в своем заявлении, «опознание» основывалось на ряде предположений, включая то, что жена О1 имела историческую связь с недвижимостью, подтвержденную публичными записями (например, кредитными записями и разрешением на строительство), что женщину увез шофер на Bentley (и поэтому, как было сказано, она вряд ли была наемным работником), а также предположения о возрасте и этнической принадлежности. Было признано, что ношение платка и очков женщиной, за которой наблюдали, создавало эту трудность.
- v) Надлежащее представление этого, конечно, подорвало бы голое утверждение, что жена О1 была замечена в надлежащем месте. Но в заявлении, требующем полного и добросовестного раскрытия, это должно было быть изложено.

275. Во-вторых, изложение в деле Ятцуха 1 утверждения о том, что Истец надлежащим образом вручил О1 по адресу Фолкленд Роуд, 5А на основании раздела 1141 Закона о компаниях 2006 года, было неполным. Было только упоминание и короткая цитата из раздела 1141(1) без указания контекста или пояснения того, что он следует сразу после подробного раздела, посвященного вручению документов (раздел 1140), или пояснения того, что Истец не смог указать ни одного органа, в котором вручение документов было бы осуществлено законным образом, основываясь только на разделе 1141 (что, как я предполагаю, должно было быть позицией, поскольку на слушании не было ссылки на такой орган). Ответ Истца на это утверждение о неразглашении, что он не ссылался на раздел 1140 в Ятцуха 1, а только на раздел 1141, не соответствует сути. Предполагать, что суд мог бы принять какое-либо обоснованное мнение о применении раздела 1141 в этом контексте, основываясь только на том, что было сказано в Ятцуха 1, нереалистично. Было бы крайне важно знать, что предусматривает раздел 1140 (и что в то время вручение документов О1 не подпадало под его действие), что существовал ряд органов, рассматривавших вручение документов в соответствии с разделом 1140, и что ни один из них не предположил, что вручение документов может быть осуществлено просто на основании раздела 1141 в тех случаях, когда раздел 1140 не применялся.

276. В-третьих, содержание и действие статьи 153 Кодекса (которая, как было заявлено в заявлении, поданном без предварительного уведомления, демонстрировала, что Казахстан не является доступной площадкой для дискуссии, а рассматривалась лишь как «существенный вопрос правосудия» на слушании) не были должным образом разъяснены. Я рассмотрел этот вопрос, поскольку он возник в аргументе «существенного правосудия» выше, и не буду

повторять детали здесь. Однако очевидно, что эффект правила был более уточненным, чем было представлено в заявлении без уведомления, и не было никакой попытки объяснить ограниченную степень, в которой правило фактически повлияет на представление дела Истца в Казахстане.

277. Каждый из этих трех дополнительных пунктов представлял собой существенное невыполнение обязанности дать полную и достоверную презентацию по заявлению без уведомления. Они вполне могли бы сами по себе заставить меня отменить постановление судьи Диаса, и в любом случае они бы поддержали решение, которое я бы принял, что его следует отменить из-за неразглашения на основании вопроса "res judicata".

Применение закона Люксембург

278. Это заявление было подано в том же уведомлении о заявлении, что и заявление О1 об отмене постановления судьи Диаса, и в нем содержалась попытка сослаться на письмо, которое было отправлено адвокатам О2 (Mishcon de Reya) люксембургским адвокатом, в котором излагалась его точка зрения по некоторым пунктам, касающимся показаний свидетелей в соответствии с законодательством Люксембурга. Он не был составлен в форме экспертного заключения и не содержал заявления, требуемого Частью 35 Правил гражданского судопроизводства, а также не соответствовал другим требованиям этой части. Высказанный О2 аргумент, который, как утверждается, он поддерживает, заключается в том, что другие (не СНГ) системы гражданского права устанавливают аналогичный баланс в отношении опоры на свидетельские показания, как это было достигнуто в Казахстане. Как следует из моего рассмотрения вопроса о статье 153 выше, я не полагался на него и не должен полагаться на него, придя к выводам, к которым я пришел.

279. Доказательства были упомянуты мимоходом в кратком изложении аргументов сторон О2 и г- ном Китченером в его устном представлении, но ходатайство о его приобщении не было представлено ни в кратком изложении аргументов сторон, ни устно. В той мере, в какой это ходатайство было поддержано, я его отклоняю. Вкратце:

- i) Доказательства того, что другая система действует иначе, чем в Англии и Казахстане (даже если она в некоторых отношениях похожа на последнюю), на мой взгляд, не способствуют продвижению тех моментов, которые мне необходимо было рассмотреть в этих заявлениях. Доказательства не имеют прямого отношения к делу. Если бы применение правила в Казахстане создало реальный риск существенной несправедливости, я не вижу, чтобы тот факт, что аналогичный результат был бы достигнут в Люксембурге, изменил бы это.
- ii) Использование экспертных доказательств должно контролироваться. Оно должно быть ограничено тем, что разумно необходимо для разрешения разбирательства (Частью 35.1 Правил гражданского судопроизводства). Доказательства по люксембургскому праву не подпадают под это описание.
- iii) Разрешение на представление каждой из сторон экспертных заключений по законодательству Казахстана и ОАЭ уже было получено. Мне не объяснили, почему суду также не было предложено заранее вынести решение по вопросу о том, следует ли допускать экспертные заключения по законодательству Люксембурга, чтобы мог быть обмен отчетами и совместный меморандум. В любом случае, выбранный курс означал, что такого процесса не было.
- iv) Доказательства, указанные в заявлении, не соответствуют требованиям части 35 Правил гражданского судопроизводства.

Общие выводы

280. Ниже приводится краткое изложение результата рассмотрения заявлений с учетом выводов и умозаключений, к которым я пришел выше:

- i) Уведомление [об иске] было надлежащим образом вручено О1 в пределах юрисдикции.
- ii) Производство по делу в отношении О1 приостановлено по причине отсутствия тесной связи между спором и местом его рассмотрения в пользу судов Казахстана.
- iii) Решение судьи Диаса, разрешающее вручить иск ответчикам за пределами юрисдикции, отменяется:
 - a) На том основании, что Англия не является подходящим местом для подачи иска.
 - b) Что касается О4, то также на том основании, что нет никаких серьезных оснований для судебного разбирательства против этого лица.
 - c) По причине непредставления полного и честного раскрытия информации по заявлению, поданному без предварительного уведомления.
- iv) Приказ об альтернативном вручении иска судьи Диаса теряет его актуальность, но я бы в любом случае его отменил.